

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ



14 2024
ЧАСТЬ II

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 14 (513) / 2024

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кулуг-Бек Бекмуратович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Александр Александрович Степанов* (1950), русско-американский учёный в области информатики и вычислительной техники. Наиболее известен как создатель библиотеки STL (англ. Standard Template Library), ставшей частью стандартной библиотеки языка C++.

Александр Александрович родился 16 ноября 1950 года в Москве. С 1967 по 1972 год изучал математику на механико-математическом факультете Московского государственного университета (с перерывом на службу в армии). В 1973 году он получил диплом учителя математики в Московском областном педагогическом институте имени Крупской. С 1972 по 1976 Александр Степанов год работал в Институте проблем управления и Центральном институте комплексной автоматизации. В команде программистов под руководством Александра Гуревича участвовал в разработке мини-компьютера для управления гидроэлектростанциями, занимался разработкой аппаратуры, операционных систем, отладчиков. Первая опубликованная Степанова работа относится к этому периоду. Она была посвящена операционным системам реального времени. В это же время (по его словам, в 1976 году) у него появились идеи, связанные с обобщённым программированием, которые через 15 лет вылились в разработку библиотеки STL.

В одном из интервью Александр Степанов рассказал: «Моей первой задачей было написать подпрограммы для помещения байта в буфер и получения байта из буфера. (Эта машина не имела адресования байтов.) К сожалению, я не знал, что такое байт и что такое буфер, и стеснялся спросить. Я заметил, что другие программисты очень мучились, отлаживая программы с операторского пульта. Я решил написать программу, которая бы выполняла другую программу и по ходу распечатывала бы инструкции и их результаты. Когда я ее написал, мой друг Коля Гурин объяснил мне, что это называется «отладчик». После этого я стал главным и единственным системным программистом. Остальные программисты были инженерами-энергетиками и писали программы для контроля электростанций».

В 1977 году Александр Степанов эмигрировал в США. Свою зарубежную карьеру ученого-программиста Степанов начал в исследовательском центре компании General Electric в Скенектади, штат Нью-Йорк. В это время он вместе с соратником во многих последующих проектах Дэвидом Мюссером работал над языком программирования Teston.

В 1983 году Степанов стал доцентом в Политехническом университете Бруклина. Там совместно с Дэвидом Мюссером и Ароном Кершенбаумом, была в итоге создана большая библиотека компонентов на Scheme (диалект Lisp).

В 1985 году Степанов был вновь приглашён в GE Research для преподавания курса высокоуровневого программирования.

В 1987 году ученый получил предложение о работе в Bell Laboratories, чтобы реализовать свой подход в виде библиотеки на языке C++. Однако стандарт языка в это время ещё не позволял в полном объёме осуществить задуманное.

В 1988 году Александр Александрович начал работать в HP Labs, где первоначально работал над вещами, не связанными с обобщённым программированием: системами хранения данных, дисковыми контроллерами. В 1992 году Степанов вернулся к работе над алгоритмами, в конце 1993 года рассказал о своих идеях Энди Кёнигу, который, высоко оценив их, организовал ему встречу с членами Комитета ANSI/ISO по стандарту C++. Уже весной 1994 года библиотека STL, разработанная Степановым, стала частью официального стандарта языка C++.

С 1995 года до начала третьего тысячелетия Александр Александрович успел поработать в таких компаниях, как SGI, AT&T Laboratories и Compaq, где стал вице-президентом.

С ноября 2002 года до ноября 2009 года он преподавал программирование в компании Adobe.

С ноября 2009 года Александр Степанов работал в A9.com — дочернем предприятии компании Amazon. В 2016 году ученый вышел на пенсию.

Своим наибольшим достижением Александр Александрович считает появление самой концепции обобщённого программирования, целью которого является возможность написания алгоритмов очень высокого уровня абстракции, которые при этом будут так же эффективны, как и код, написанный специально для конкретного случая использования. Достигается это разбиением программ на особым образом классифицированные и организованные элементы. Воплощением этой идеи в жизнь является STL.

Александр Степанов написал несколько работ по робототехнике, системам хранения данных. Он известен также как автор так называемого теста Степанова, оценивающего качество компиляторов.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- Анохина А. А., Мещеряков Д. Г.**
Сравнительная характеристика адвокатуры
Китайской Народной Республики
и Российской Федерации67
- Бекназарова Ю. А.**
Проблемы рассмотрения уголовных дел
с участием присяжных заседателей69
- Вакула Д. В.**
Особенности тактики использования
специальных медицинских знаний
на некоторых стадиях предварительного
расследования.....72
- Вакуленко Л. А.**
Ограничение прав и свобод человека
и граждан в период действия военного
положения и уровней реагирования
на территории Российской Федерации
и в отдельных ее субъектах74
- Волова А. А.**
Право на жизнь и здоровье в системе прав
человека77
- Волосникова Е. Д.**
Интернет как инструмент совершения
некоторых насильственных преступлений79
- Галкина М. С.**
Административное правонарушение
как основание применения юридической
ответственности.....81
- Георге Е. Э.**
Теоретические основы деятельности
субъектов доказывания по проверке
имеющихся в материалах дела доказательств ... 84
- Георге Е. Э.**
Процессуальные и организационные
основы осуществления деятельности
по проверке доказательств
уполномоченными субъектами86
- Горбунов Е. И.**
Личность субъекта, укрывающего
преступление89
- Гуткович А. Д.**
Понятие завещания: дискуссионный вопрос
российской правовой доктрины91
- Давлетшин Р. Р.**
Становление и развитие института оказания
ветеринарных услуг в России.....93
- Дымбрылова Н. С.**
Проблемы разграничения составов,
предусмотренных пунктом «в» части 2
статьи 238 УК РФ и частью 2 статьи 109
УК РФ, совершенных врачами.....94
- Журкина А. В.**
Понятие и признаки неотложных
следственных действий.....96
- Зиновьева Д. В., Клименкова Е. М., Джораев Г.,
Южиков А. А.**
Актуальные проблемы уголовно-правовой
характеристики вымогательства.....98
- Зоцук И. А.**
Юридическая сущность отказа
в возбуждении уголовного дела 100
- Ибрагимов Р. И., Павлюс И. В.**
Этические проблемы поведения адвоката
в уголовном судопроизводстве 102
- Иванова В. В.**
Проблемы прекращения уголовного дела
или уголовного преследования 104
- Кабардина Я. С.**
Проблемы определения должностного лица,
как субъекта получения взятки (статья 290
УК РФ) 106
- Кваша Ю. Н., Левитанус Б. А.**
Проблемы и перспективы правового
регулирующего трудовых отношений
в условиях коронавирусных ограничений..... 108

Клишко О. А. Правовые аспекты местного самоуправления в России: проблемы и перспективы 114	Курганская Е. Е. Надругательство над телами умерших и местами их захоронения..... 125
Козлова Л. П. Защита прав и свобод человека и гражданина как государственная обязанность прокурора..... 118	Кутузова П. О. Конституционно-правовые аспекты публичного характера адвокатской деятельности..... 127
Кудратова Т. М. Неустойка: проблемы правовой природы и использования в договорных отношениях в свете реформы гражданского законодательства..... 121	Лаптев В. С. Использование судебно-медицинской экспертизы при расследовании преступлений 128
Кужлева А. С. Проблема применения статьи 234.1 Уголовного кодекса Российской Федерации ... 123	Малахинский И. Д. Международные договоры в области охраны авторских прав 130

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Сравнительная характеристика адвокатуры Китайской Народной Республики и Российской Федерации

Анохина Алёна Алексеевна, студент;

Мещеряков Даниил Геннадьевич, студент

Научный руководитель: Ляхова Анжелика Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В данной работе основное внимание уделяется сравнению института адвокатуры в Российской Федерации и Китайской Народной Республике. Обозревается сущность данного института в обеих правовых системах и раскрываются их отдельные особенности. Отмечается особая роль адвокатуры КНР в формировании социалистического строя страны.

Ключевые слова: адвокатура, адвокатура в Китайской Народной Республике, адвокатура Российской Федерации, сравнительный анализ.

Известно, что история адвокатуры как института права уходит корнями в глубокую древность, античные времена. На протяжении многих веков развития цивилизации присутствие адвокатуры рассматривалось как важный показатель зрелости общества и государства, свидетельство их демократичности, оказывая влияние не только на правовую сферу, но и на социальные, политические и культурные аспекты. Адвокатура представляет собой неотъемлемый элемент правового государства, предназначенный для защиты нарушенных прав и свобод граждан. Это, несомненно, касается и нашего государства.

Занимаясь сравнением данного института в обеих странах, первоначально нужно понять, что собой представляет адвокатура в России. Сущность адвокатуры в Российской Федерации выражается в следующем:

— Прежде всего, это частная организация, не входящая в структуру местного самоуправления или государственных органов власти, не создаваемая государством и не финансируемая им. Любые формы контроля со стороны государства присутствуют лишь в нормативно-правовых актах, регулирующих адвокатскую деятельность, и через участие представителей властных органов (на федеральном и региональном уровнях) в квалификационных комиссиях (в общей сложности 6 из 13 членов);

— Во-вторых, это добровольное объединение профессиональных юристов с адвокатским статусом, чьей основной целью является предоставление юридической поддержки всем нуждающимся в ней. В соответствии с текущим законодательством в России адвокат настойчиво защищает интересы своего клиента, который ему доверился;

— В-третьих, адвокатура представляет собой некоммерческую организацию, так как ее целью не является извлечение прибыли; адвокатская деятельность строго отделена от коммерческой сферы по установлениям законодателя;

— В-четвертых, адвокатура играет важную роль в гражданском обществе. Наличие адвокатуры типа «французского» образца может рассматриваться как показатель формирования гражданского общества в правовом государстве, и служить в международном контексте как мерило того, насколько государство ценит принципы права и не опасается наличия независимой адвокатуры, предоставляющей контрсилу государственным правоохранительным органам.

Адвокатская деятельность всегда была и остаётся одним из основных оплотов в области защиты прав и интересов личности, граждан и государства. В России адвокатура функционирует на основе принципов законности, независимости, самоуправления, корпоративности и равноправия между адво-

катами. Структура и эффективность адвокатуры базируются на международных нормативных актах, охватывающих сферу адвокатской деятельности (при этом важность международных нормативов в регулировании работы российских адвокатов требует особого внимания), а также на внутреннем законодательстве России, включая: Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», постановления Правительства РФ, другие нормативные акты и правила профессиональной этики, распространяемые на Всероссийских ассамблеях адвокатов Федеральной Палаты Адвокатов, нормативные документы ФПА, включая решения Совета Федеральной Палаты Адвокатов. В соответствии с пунктом 1 статьи 1 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокатская практика подразумевает «квалифицированную юридическую помощь, оказываемую на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, физическим и юридическим лицам в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию [5].

В Китае деятельность адвокатов регулируется Законом «Об адвокатах и юридическом представительстве» от 15 мая 1996 года, который определяет адвокатов как специалистов, предоставляющих юридическую помощь обществу после получения соответствующей лицензии [2]. Этот лицензионный аспект становится ключевым различием между адвокатскими практиками двух стран. В Китае адвокаты обязаны соблюдать Конституцию, законы, адвокатскую этику и дисциплину, придерживаясь фактов и закона как основных принципов своей деятельности. Их задачи включают защиту законных прав и интересов клиентов, а также обеспечение правосудия, что становится неотъемлемой частью их работы и отличается от практики в России. В судебных процессах адвокаты в Китае занимают независимое процессуальное положение: они не принадлежат ни стороне обвинения, ни стороне защиты, что является наглядным проявлением контраста с практикой в России. Китайским адвокатам гарантированы процессуальные права, необходимые для выполнения их обязанностей. В Китае адвокаты воспринимаются как своего рода сторонники справедливости в судебном процессе, играющие роль чуть ли не «второго прокурора», чья основная миссия заключается в защите закона. Важно отметить, что их лицензия выдается государством, что отличает этот подход к адвокатуре от российской системы, которая скорее ориентирована на корпоративные интересы сторон в судебном разбирательстве. Нынешняя модель адвокатуры в Китае по некоторым основным принципам напоминает советскую систему, которая функционировала в момент СССР [3].

Для начала обозначим, какие требования предъявляются лицу, которое хочет стать адвокатом в обеих странах. Так, в Российской Федерации, в соответствии с ч. 1 ст. 9 Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката в Российской Федерации «вправе приобрести лицо, которое имеет высшее юридическое образование, полученное по имеющей государственную аккредитацию образовательной программе, либо ученую степень по юридиче-

ской специальности» [5]. Указанное лицо также должно иметь стаж работы по юридической специальности не менее двух лет, либо пройти стажировку в адвокатском образовании в сроки, установленные настоящим Федеральным законом. Что касается требований к адвокатам в КНР, то нам следует обратиться к Закону «Об адвокатах и юридическом представительстве», который является основным для адвокатов в КНР. В соответствии со ст. 5 данного закона для работы адвокатом необходимо иметь удостоверение адвоката и лицензию [2]. Для получения удостоверения необходимо пройти унифицированную систему экзаменов, которая позволит лицу его получить. В дальнейшем представляется возможным получить лицензию, если имеется соответствие с требованиями, озвученными в ст. 8 того же Закона. Так, на лицензию могут претендовать лица:

1. имеющие удостоверение адвоката;
2. проходившие стажировку в адвокатской конторе в течение полного года;
3. показывающие хорошее поведение.

Что касается форм адвокатских образований, то здесь также существуют определенные различия. Так, исходя из положений Федерального Закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» нам известно, что в России существуют следующие формы адвокатских образований: адвокатский кабинет, коллегия адвокатов, адвокатское бюро и юридическая консультация. В Китае же существуют три вида подобных образований: адвокатская контора, которая финансируется государством; кооперативная адвокатская контора и партнерская (акционерная) адвокатская контора.

Еще один критерий, который важен для сравнения адвокатуры в указанных государствах это, конечно же, виды юридической помощи, которую они могут оказывать населению. В России адвокаты могут оказывать немалое количество услуг, но если обобщить, то к таковым можно отнести:

- дачу консультаций и справок по правовым вопросам, как в устной, так и в письменной форме;
- составление заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера;
- представление интересов доверителя в судах всех уровней и видов;
- представление интересов доверителя в органах власти и местного самоуправления, иных организациях [4].

Чтобы понять, какую же работу выполняют адвокаты в Китае, нам необходимо снова вернуться к Закону «Об адвокатах и юридическом представительстве». В соответствии с ним адвокаты могут заниматься следующими делами:

1. Принимать назначения от граждан, юридических лиц и других организаций на выполнение работы юрисконсульта;
2. Принимать предложения сторон, участвующих в тяжбе, о назначении юридического представителя в гражданских и административных делах и участии в процессе;
3. Принимать предложения подозреваемых в уголовном деле о предоставлении им консультаций, действовать в качестве их представителей при подаче жалоб в суд и обращении с просьбой об освобождении под залог; принимать назначение от подозреваемого в уголовном деле или от обвиняемого, или принимать назначение народным судом на должность защит-

ника; принимать предложения от частной стороны, самостоятельно выступающей в качестве обвинителя, от пострадавшего или от их близких родственников о назначении представителем и участии в судебном процессе;

4. Действовать в качестве представителя при подаче апелляции;

5. Принимать назначение от стороны, участвующей в тяжбе, на участие в посредничестве и арбитраже;

6. Принимать назначение от стороны, участвующей в тяжбе, на участие в деле и оказании юридических услуг без участия в судебном процессе;

7. Отвечать на вопросы, касающихся законодательства и составления документов для судопроизводства и других юридических документов.

Также необходимо осветить тему органов адвокатского самоуправления в обоих государствах для более целостного понимания того, как работает адвокатура в России и Китае. Основным управляющим органом адвокатуры в РФ является Федеральная палата адвокатов Российской Федерации. В данной структуре существуют подразделения, которые обособляются в зависимости от сферы их действия. К таковым можно отнести: Всероссийский съезд адвокатов, Совет Федеральной палаты адвокатов и ревизионная комиссия. На уровне субъектов также существует самоуправление, которое осу-

ществляется посредством адвокатской палаты субъекта РФ. Данный орган является некоммерческой организацией и состоит из адвокатов, внесенных в региональный реестр на основе обязательного членства. Важно также сказать, что на территории субъекта РФ может существовать только одна адвокатская палата. Что касается Китая, то основным органом самоуправления адвокатуры в данной стране является Всеитайская ассоциация адвокатов. Проводя аналогию с Российской Федерацией, мы видим, что эта организация тоже построена на обязательном членстве. Но существует отличие в структуре. Так, подобные ассоциации могут быть образованы в масштабах провинций, автономных районов и на местном уровне, что создает возможность для их множественного образования.

Подводя итог, следует отметить, что адвокатура в обеих странах имеет свои определенные особенности, которые также зависят от исторического развития и нынешнего социального строя. Если в России господствует капиталистический строй, то в Китае адвокатура сыграла ключевую роль в формировании социалистической правовой системы в стране. Об этом говорит статья 3 Закона КНР об адвокатуре, которая подчеркивает необходимость для адвоката соблюдать конституцию и законы, придерживаться адвокатской этики и служебной дисциплины, а также оперировать фактами, делая закон основным критерием своей работы.

Литература:

1. Адвокатура и адвокатская деятельность: учебник для бакалавриата и специалитета // А. А. Клишин [и др.]; под ред. А. А. Клишина, А. А. Шугаева. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Юрайт, 2019. 492 с.
2. Закон Китайской Народной Республики «Об адвокатах и юридическом представительстве» от 15.05.1996 года.
3. Кольченко, А. И. Адвокатура в арбитражном процессе России и зарубежных стран / А. И. Кольченко, Н. Е. Яременко // Правопорядок: история, теория, практика. 2017. № 1 (12). 239 с.
4. Пилипенко, Ю. С. Адвокатура сегодня / Ю. С. Пилипенко // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 12 (40). С. 24–58.
5. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 23. — Ст. 2102.

Проблемы рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей

Бекназарова Юлия Александровна, студент

Научный руководитель: Ляхова Анжелика Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В данной статье рассматриваются проблемы формирования коллегии присяжных заседателей при сокрытии кандидатами сведений своей автобиографии, имеющих решающее значение для участия в рассмотрении уголовных дел, а также последствия такого участия.

Ключевые слова: кандидаты в присяжные заседатели, присяжные заседатели, суд присяжных, формирование коллегии, вердикт, правосудие, уголовный процесс, уголовное судопроизводство.

Что же представляет собой суд присяжных заседателей? Суд с участием присяжных заседателей — институт судебной системы, состоящий из коллегии присяжных заседателей, отобранных по методике случайно выборки для конкретного уго-

ловного дела, решающие вопросы права [7]. Вопрос о формировании, проблеме применения и осуществления судом присяжных заседателей правосудия является актуальной и дискуссионной темой на сегодняшний день, поскольку данный ин-

ститут продолжает развиваться с учетом практических аспектов рассмотрения уголовных дел.

На сегодняшний день спор об эффективности института присяжных является наиболее острым в решении данной проблемы. Одни ученые-правоведы утверждают, что данный институт дает возможность осуществить правосудие на основе состязательности сторон, а также является инструментом народного контроля за качеством проведенного предварительного следствия и осуществления независимого правосудия. Другие же утверждают о неспособности, так называемых «представителей народа», к объективному исследованию имеющихся доказательств по делу и их справедливой, всесторонней оценке при вынесении вердикта [1, с. 32–40].

В данной статье мы попробуем разобраться, является ли суд присяжных лучшим средством отправления правосудия или же стоит признать, что роль судьи в принятии решения о виновности или невиновности подсудимого является исключительной.

Для кого же из сторон рассмотрение дела с участием присяжных заседателей является лучшим решением? Конечно же, для стороны защиты, а в особенности для адвокатов, которые, имея большой опыт, и обладая навыками ораторского мастерства, полагают, что таким образом смогут повлиять на принятие решения присяжных заседателей, которые не имеют подобного опыта и образования, позволяющие им объективно подходить к принятию решения. Зачастую, исходя из судебной практики, такой подход к выбору приводит к оправдательному вердикту, ведь его процент гораздо выше с участием присяжных заседателей, нежели при рассмотрении дела судьей единолично.

Согласно статистике Судебного департамента при Верховном суде количество дел, рассматриваемых судами присяжных, устойчиво растет. Так, в первом полугодии 2023 года с участием присяжных заседателей рассмотрено 1048 уголовных дел (669 дел, оставшихся с 2022 г. и 387 вновь поступивших), по 567 делам судами вынесены итоговые процессуальные решения. Примерно такое же количество оставалось на рассмотрении к концу первой половины 2023 г. (617 дел). Таким образом, можно предположить, что за весь 2023 год в судах РФ рассматривались с участием присяжных около 2000 уголовных дел.

Устойчивой тенденцией практики производства в суде присяжных в период последних нескольких лет оставался высокий процент отмены оправдательных приговоров. За первое полугодие судами апелляционной инстанции отменено 121 оправдательных приговоров, в то время как оправданы были 189 подсудимых. Эти цифры существенно превышают общий процент отмены оправдательных приговоров по всем категориям дел (более 50%).

Если мы вернемся в самое начало, то проблема осуществления правосудия судом присяжных заседателей начинается уже с их формирования и заканчивается вынесением обоснованного оправдательного вердикта, который, как показывают статистические данные, приведенные выше, отменяются апелляционной инстанцией.

С чего же начинается формирование коллегии присяжных заседателей? Опустим формальности вступительной речи председательствующего, разъяснения прав и перейдем к вопросам,

которые напрямую связаны с требованиями к отбору кандидатов, регламентируемые Федеральным законом от 20.08.2004 №113-ФЗ «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [2].

Есть два требования, предусмотренные законодательством, которые являются наиболее проблемными в проверке, поскольку не требуется соответствующее их подтверждение, а именно: наличие непогашенной или неснятой судимости и состояние на учете в наркологическом или психоневрологическом диспансере. Указанные сведения учитываются исключительно со слов кандидата в присяжные заседатели, что имеет за собой последствие при донесении неверной информации [8, с. 524].

Так, например, по приговору Вологодского районного суда от 17 декабря 2022 года гражданин Г. оправдан по п. «а» ч. 3 ст. 111 УК РФ — в связи с непричастностью к совершению указанного преступления [5].

Государственный обвинитель с решением суда не согласился и направил апелляционное представление, в котором просил приговор отменить и дело направить на новое судебное разбирательство, поскольку при формировании коллегии присяжных заседателей в нарушении требований уголовно-процессуального закона кандидаты в присяжные заседатели скрыли факты наличия у них медицинских показаний, препятствующих участию в рассмотрении дела в качестве присяжных заседателей.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ данный приговор отменила, так как в соответствии с положениями ч. 3 ст. 328 УПК РФ, при формировании коллегии присяжных заседателей кандидаты в обязаны правдиво отвечать на задаваемые им вопросы, а также предоставлять необходимые информацию о себе.

Одной из проблем формирования коллегии в присяжные заседатели является предоставление кандидатом некорректной информации о себе, поскольку нередко некоторые из участников стараются умолчать о тех или иных сведениях, которые касаются близких родственников и их самих, а в частности таких сведений, которые напрямую связаны с наличием судимости или состоянием на учете у врачей нарколога и психиатра [3, с. 36–41]. Этот фактор имеет больше психологические особенности человека и его восприятия, что есть плохо, а что хорошо. Под влиянием общественного мнения и под натиском страха осуждения, люди чаще всего не договаривают о таких особенностях своей биографии, что не может не сказаться на качестве рассмотрения уголовных дел с юридической точки зрения. Для подтверждения данной информации законодательство не предусмотрело пути решения в виде предоставления кандидатами справок и документов, которые могли бы содержать достоверные сведения.

Таким образом, сокрытие кандидатами в присяжные заседатели указанной информации лишает сторон права на мотивированный и немотивированный отвод, что напрямую может повлиять на формирование законного состава коллегии присяжных заседателей.

Что касается образования, то кандидаты, как правило, не имеют соответствующего образования, которое позволило бы им понять все тонкости рассмотрения данных категорий дел, ввиду чего они принимают решения исходя из своего эмоцио-

нального восприятия, а не с точки зрения закона, доказательственной базы и причинно-следственной связи. Но правильно ли это с точки зрения всестороннего рассмотрения уголовного дела, которое изначально строится на познании норм права и умении их применять?

Среди участников процесса есть устоявшееся негласное правило, согласно которому в основной список кандидатов в присяжные заседатели путем немотивированного отвода не включаются лица, которые имеют юридическое образование. Данное правило сложилось исходя из того, что лица, обладающие познаниями права, могут предвзято вынести вердикт, но практика показывает иную картину, согласно которой кандидаты, не сталкивающиеся с нормами законодательной базы, не имеющие даже представления об элементарных основах права, не могут полноценно осуществлять правосудие, ведь само слово «правосудие» подразумевает под собой право в общем и целом, его понимание и возможность применения, реализуемое в судебной системе.

Другая, не менее значимая проблема отбора в присяжные заседатели появляется еще до того, как кандидат перешагнул порог суда, а именно отказ от участия в отборе присяжного заседателя под предлогом болезненного самочувствия или же по причине переезда, что чаще всего является неправдивой информацией, а лишь поводом уклониться от исполнения своих непосредственных обязанностей. Частой причиной является страх перед криминальными структурами и нежеланием брать на себя ответственность за решение, определяющее судьбу человека. В связи с тем, что отказ от участия в отборе в присяжные заседатели законодательством не карается, кандидаты всеми возможными способами пытаются отказаться от роли присяжного заседателя.

Немаловажной проблемой является то, что Государственная автоматизированная система случайной выборки граждан в присяжные заседатели является устаревшей и непроработанной с момента ее создания. Утверждение числа граждан в общий и запасной список кандидатов имеет ошибочные данные, которые важны для отбора. Из 250 кандидатов, как правило, около 100 являются инвалидами, пенсионерами или же многодетными семьями с малолетними детьми, которые не могут участвовать в отборе, что затрудняет формирование коллегии присяжных заседателей.

Литература

1. Купряшина Е. А., Черкасова Е. А. Участие граждан в отправлении правосудия в России и зарубежных государствах // Проблемы правоохранительной деятельности. 2018. № 1. С. 32–40.
2. Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 20.08.2004 N113-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48943/.
3. Поддубняк А. А. Институт присяжных заседателей: расширение полномочий // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 2. С. 36–41.
4. Алейников Б. Н., Алейникова А. Б. К вопросу о состоянии и перспективах развития суда присяжных в России // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2016. № 1. С. 67–92.
5. Обзор деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2021 году [Электронный ресурс]: судебная практика по уголовным делам // КонсультантПлюс: справ. правовая система. — Судебная практика. — Электрон. дан. — М., 2021. — Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.
6. Правоохранительные органы: учеб. пособие. — 4-е изд., испр. и доп./отв. ред. С. Л. Лось — Томск: Издательство НТЛ, 2010. — С. 80–87.

Таким образом, необходимо внести некоторые изменения для улучшения отбора в присяжные заседатели и выполнения ими качественного и справедливого отправления правосудия, а именно создать постоянно действующую комиссию, которая будет выполнять обязанности исполнительной власти [4, с. 67–92].

В ее полномочия будут входить: составление основного и запасного списков кандидатов, тщательная проверка сведений о кандидатах в присяжные заседатели, которая бы позволила минимизировать наличие граждан в списках, которые по критериям не смогут участвовать в рассмотрении того или иного уголовного дела, а именно на предмет наличия в их биографии фактов, препятствующих участию в отправлении правосудия.

В состав данной комиссии необходимо включить должностных лиц, полномочия которых позволили бы осуществить проверку сведений о кандидатах в присяжные заседатели. Сотрудники МВД исключали бы из списка тех, кто имеет неснятую или непогашенную судимость, представители психиатрического и наркологического диспансера проверяли бы информацию о потенциальных присяжных относительно состояния их на учете в указанных учреждениях, что давало бы возможность иметь всю необходимую, полную и правдивую информацию о кандидате.

Кандидатам в присяжные заседатели на этапе отбора можно было бы наряду с извещением присылать специальные информационные брошюры, в которых содержались бы необходимые сведения о рассмотрении данных категорий дел с участием присяжных, а также список необходимой документации, которая может понадобиться в суде [7, с. 80–87].

Необходимо внести изменения в законодательство, которое бы предусматривало для кандидата в присяжные заседатели административную, а также уголовную ответственность при неуважительной неявке на этапе отбора.

Распространение практики отмены оправдательных приговоров по указанным выше основаниям свидетельствует о необходимости совершенствования формирования коллегии присяжных заседателей. В этой связи необходимо создать более четкий механизм, который позволил бы осуществлять профессиональный отбор кандидатов и не допускать необоснованных оправдательных вердиктов.

7. Конин В. В., Эсмантович И. И. Некоторые вопросы истории Российского суда с участием присяжных заседателей и его значение для современного уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Адвокат. — 2013. — № 9. — Электрон. версия печат. публ. — URL: <http://www.iuaj.net/node/1487>.
8. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник. — 3-е изд., перераб. и доп. / Л. Н. Башкатов; отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. — М.: Проспект, 2012. — С. 517–547.

Особенности тактики использования специальных медицинских знаний на некоторых стадиях предварительного расследования

Вакула Дарья Витальевна, студент магистратуры
Научный руководитель: Эртель Людмила Александровна, доктор медицинских наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В работе рассмотрены некоторые особенности тактики использования специальных медицинских знаний при расследовании уголовных дел. Автором работы обосновывается, что применение специальных медицинских знаний в рамках уголовного процесса зачастую, а в некоторых случаях в обязательном порядке, требуется по делам о преступлениях против личности. По результатам проведенного исследования доказано, что специальные медицинские знания в области криминалистики обусловлены назначением судебно-медицинской экспертизы. Однако стоит обратить внимание, что в рамках других следственных действий требуется использования названных знаний. Кроме того, автором указывается, что следователь либо дознаватель, обращаясь к применению специальных медицинских знаний, должен соблюдать процессуальные правила, а также устанавливать необходимость использования таких знаний. При назначении экспертизы органу расследованию требуется соблюдать тактические правила, чтобы не породить ошибки, которые могут привести к неправильным выводам в заключении эксперта.

Ключевые слова: специальные знания, медицинские знания, расследование, тактика.

Features of tactics of using special medical knowledge at some stages of preliminary investigation

Vakula Daria Vitalievna, student master's degree
Scientific advisor: Ertel Lyudmila Aleksandrovna, doctor of medical sciences, professor
Kuban State University (Krasnodar)

The work examines some features of the tactics of using special medical knowledge in the investigation of criminal cases. The author of the work substantiates that the use of special medical knowledge within the framework of criminal proceedings is often, and in some cases mandatory, required in cases of crimes against the person. Based on the results of the study, it was proven that special medical knowledge in the field of forensics is determined by the purpose of forensic medical examination. However, it is worth noting that other investigative actions require the use of this knowledge. In addition, the author points out that the investigator or interrogator, when turning to the use of special medical knowledge, must comply with procedural rules, as well as establish the need to use such knowledge. When appointing an examination, the investigation body must follow tactical rules so as not to create errors that could lead to incorrect conclusions in the expert's conclusion.

Keywords: special knowledge, medical knowledge, investigation, tactics.

В ходе расследования уголовных деяний, особенно по преступлениям против личности, зачастую требуется привлечение сведущих лиц. В данном случае применение специальных знаний обладает особенностями. Безусловно, в каждом конкретном случае необходимо исследовать конкретные обстоятельства уголовного дела, что обуславливает обращения, в том числе к медицинским знаниям [7]. Необходимость в использовании тех или иных знаний напрямую зависит от того, какой спецификой обладает отдельно взятое преступное деяние.

В настоящее время принято выделять следующие формы использования специальных знаний в ходе расследования уго-

ловных деяний, особенно совершенных против личности: деятельность следователя и судьи, на которых законодательством возлагается обязанность по расследованию уголовного дела и осуществления правосудия; деятельность специалиста, участвующего в ходе проведения следственных действий; деятельность по производству ревизии; деятельность по назначению и последующему производству экспертизы; консультационная деятельность сведущих лиц.

В процессе расследования уголовных дел специальные знания могут применяться в разных формах: процессуальной и непроцессуальной.

Следователь основывается на правилах тактики для того, чтобы определиться, какую именно форму применения специальных знаний он будет использовать в конкретном случае. Вместе с тем, обязательно следует учитывать особенности устанавливаемого факта.

В частности, если факт, для установления которого необходимы специальные знания, обладает доказательственным значением, в обязательном порядке проводится экспертиза.

Экспертное исследование должно быть проведено также и в тех случаях, когда возникает необходимость в лабораторных условиях, инструментариях. Хотя, опять же, в ходе раскрытия преступных деяний, объектом которых является жизнь и здоровье личности, крайне редко учитывается данная необходимость. Основным фактором для такого положения дел является нехватка материальных ресурсов для обеспечения деятельности специалистов, а также недостаточное число самих сведущих лиц.

Кроме того, важными критериями для выбора той или иной формы специальных знаний являются: время, которое нужно для привлечения сведущих лиц и осуществления ими их деятельности, экономичность, а также точность и достоверность установленного факта.

В настоящее время специальные знания в области медицины активно используются в криминалистической науке. Подобные знания выражены в качестве определенных приложений и рекомендаций. В частности, для криминалистической тактики исследуемые знания способствуют формированию тактических рекомендаций осмотра трупа и освидетельствования живых лиц на предмет определения степени и тяжести нанесенного вреда, психических отклонений и др.; судебная медицина нужна для разработки тактических приемов допроса, предъявления для опознания и на значения иных процессуальных действий и судебных экспертиз [2].

При этом следственная и судебная практика дают основания для формулирования выводов о том, что в ходе расследования уголовных деяний, совершенных против личности, крайне часто назначается проведение судебно-медицинской, судебно-психологической и судебно-психиатрической экспертиз. В рамках темы следования вызывает интерес именно первая упомянутая экспертиза.

В криминалистической методике без судебно-медицинских научных знаний невозможно создание и использование частных криминалистических методик расследования преступлений против жизни и здоровья человека [6].

Следует подчеркнуть значимость организационно-тактической специфики применения специальных знаний в ходе назначения судебно-медицинской экспертизы, которая играет особую роль в процессе расследований уголовных преступлений, совершенных против личности [1].

Судебно-медицинская экспертиза — мощный инструмент собирания и фиксации доказательств по дел [4]. Расследование преступлений против личности, где основным объектом исследования зачастую является труп потерпевшего, невозможно подтвердить или опровергнуть выдвинутые на первоначальном этапе следствия версии относительно обстоятельств случившегося без проведения соответствующей судебно-медицинской экспертизы. Необходимость установления причины смерти —

это случай, при котором, в соответствии с п. 1 ст. 196 УПК РФ, производство судебной экспертизы является обязательным, так как просто знаниями специалиста в данном случае не обойтись.

Затрагивая особенности тактики использования специальных медицинских знаний на некоторых стадиях предварительного расследования заметим, что ее положения в большей мере определяются данными общей и судебной медицины, логикой, теорией рефлексивных игр, следственной этикой и криминалистическим изучением и обобщением следственной практики [3]. Однако обратим внимание на типичные ошибки, допускаемые органом расследования при назначении судебно-медицинской экспертизы.

Подобные ошибки можно разделить на две группы: формальные и предметные. К формальным ошибкам можно отнести те, которые допускаются должностным лицом или органом при оформлении постановления (например: неправильно указано наименование экспертного учреждения). К предметным ошибкам относятся ошибки, касающиеся самого предмета судебной экспертизы, то есть обстоятельств и фактов, подлежащих установлению (например: неправильная постановка вопросов перед экспертом).

Для недопущения предметных ошибок должностные лица, ведущие расследования, должны следовать следующим рекомендациям: вопросы, поставленные перед экспертом не должны иметь двоякого толкования, а также выходить за рамки специальных познаний эксперта; вопросы не должны содержать правовой оценки предмета экспертизы; не допускает постановка вопросов, не требующих проведения исследования [5].

Подводя итог фрагментарному анализу тактики использования медицинских знаний при расследовании преступлений следует указать на следующие выводы.

1. Применение специальных медицинских знаний в рамках уголовного процесса зачастую, а в некоторых случаях в обязательном порядке, требуются по делам о преступлениях против личности.

2. Специальные медицинские знания в области криминалистики обусловлены назначением судебно-медицинской экспертизы. Однако стоит обратить внимание, что в рамках других следственных действиях требуется использования названных знаний.

3. Значение медицинских знаний в расследовании преступлений заключается в том, что сфера их реализации не ограничивается каким-либо этапом расследования. Они способствуют установлению обстоятельств, входящих в предмет доказывания по уголовному делу. Так, с помощью медицинских знаний могут быть установлены: событие преступления, виновность обвиняемого в совершении преступления, обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, а также обстоятельства, способствующие совершению преступления.

4. Следователь либо дознаватель, обращаясь к применению специальных медицинских знаний, должен соблюдать процессуальные правила, а также устанавливать необходимость использования таких знаний. При назначении экспертизы органу расследования требуется соблюдать тактические правила, чтобы не породить ошибки, которые могут привести к неправильным выводам в заключении эксперта.

Литература:

1. Аверьянова Т. В., Белкин Р. С. Криминалистика. М., 2012. С. 681.
2. Берестенко Е. Д. Использование специальных медицинских знаний при расследовании причинения вреда здоровью // В сборнике: Криминалистика — наука без границ: традиции и новации. Материалы всероссийской научно-практической конференции. Составители: А. В. Бачиева, Э. В. Лантух. Санкт-Петербург, 2021. С. 48–52.
3. Гаспарян Д. О., Мартынова Т. В. Использование судебно-медицинских знаний при производстве отдельных следственных действий по делам о расследовании убийств // Отечественная юриспруденция. 2019. № 5 (37). С. 36–38.
4. Маслов А. В., Прониченко Е. И., Теньков А. А. Проблемы назначения и производства судебно-медицинских экспертиз // Избранные вопросы судебно-медицинской экспертизы. Хабаровск. 2012. № 12. С. 112–117.
5. Родионова О. Р. К вопросу об использовании медицинских знаний при расследовании преступлений против жизни и здоровья // В сборнике: Юридическая наука и практика. Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. 2018. С. 170–172.
6. Самищенко С. С. Судебная медицина. М., 2013. С. 11.
7. Танащенко И. И. Проблема назначения и производства судебно-медицинских экспертиз при расследовании убийств // Globus: Экономика и юриспруденция. 2020. № 2 (38). С. 15–17.

Ограничение прав и свобод человека и граждан в период действия военного положения и уровней реагирования на территории Российской Федерации и в отдельных ее субъектах

Вакуленко Леонид Алексеевич, студент
Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

Актуальность статьи обусловлена введением Президентом Российской Федерации режима военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей и уровней реагирования в некоторых субъектах Российской Федерации. В настоящей статье исследованы отдельные конституционные и законодательные акты, регламентирующие порядок введения режима военного положения, наделяющие органы публичной власти полномочиями по ограничению прав и свобод человека и гражданина, а также рассмотрены нормы, не допускающие такие ограничения.

Ключевые слова: военное положение, уровень реагирования, ограничение прав и свобод человека и гражданина, национальные интересы, оборона.

Конституция Российской Федерации в ст. 2 провозглашает, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства» [1]. Россия принимает и руководствуется всеми международно-правовыми стандартами и принципами прав человека. В Российской Федерации (далее — РФ) гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией РФ (ч. 1 ст. 17 Конституция РФ).

Широкий перечень прав и свобод человека и гражданина установлен в главе 2 Конституции РФ. Главной целью и задачей государства Конституция РФ провозглашает обеспечение и защиту этих прав и свобод, безопасность личности. Достижение поставленной цели особо значимо проявляется при непосредственной угрозе их ограничения. «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только федеральным законом исключительно в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц,

обеспечения обороны страны и безопасности государства» (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ) [1]. Возможность таких ограничений предусмотрено также нормами международного права (ст. 29 Всеобщей декларации прав человека) [2].

Установление ограничений прав и свобод человека и гражданина разрешается при наличии обстоятельств, нарушающих нормальные условия деятельности общества и государства. Конституция РФ (п. 1 ст. 56) допускает такие ограничения в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя с указанием пределов и срока их действия. Например, при массовых беспорядках, террористических актах, блокировании или захвате особо важных объектов или отдельных местностей, подготовке и деятельности незаконных вооруженных формирований, чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера (ст. 3 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» [3]. Однако, относить указанные ограничения только в период действия режима чрезвычайного положения будет ошибочно. При наступлении обстоятельств, подрывающих оборону страны и безопасность го-

сударства, уполномоченным лицом может вводиться режим военного положения. Режимы чрезвычайного и военного положения — это особые правовые режимы, которые являются вынужденной мерой и вводятся государством в исключительных случаях на всей территории РФ и/или в отдельных местностях. Целью введения внутригосударственных режимов является обеспечение суверенитета и обороны государства; общественного порядка и общественной безопасности; охраны здоровья и жизни граждан; функционирования институтов гражданского общества [4, с. 182]. Учитывая общую характерную направленность указанных режимов, верно будет прийти к выводу, что нормы Конституции РФ, устанавливающие ограничения прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного положения также допускают введение этих ограничений в период действия режима военного положения.

Права и свободы, которые не подлежат ограничению закреплены в п. 3 ст. 56 Конституции РФ. Это право на жизнь, достоинство личности, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, право на защиту своей чести и доброго имени, право на свободу совести и вероисповедания, право заниматься предпринимательской деятельностью, право на судебную защиту [1].

Рассмотрим, какие нормы законов применяет государство к общественным отношениям при необходимости ограничить права и свободы человека и гражданина в условиях военного положения. Основными нормативными актами по введению указанного режима являются — Конституция РФ, Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 г. № 1-ФКЗ «О военном положении» (Закон № 1-ФКЗ) [5], Федеральный закон от 31.05.1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне» (Закон № 61-ФЗ) [6]. Некоторые положения содержатся в Федеральном законе от 12.02.1998 г. № 28-ФЗ «О гражданской обороне» [7], Федеральном законе от 26.02.1997 г. № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» [8].

Основанием для введения режима военного положения являются агрессия или непосредственная угроза агрессии против РФ (ч. 2 ст. 87 Конституции РФ). При этом агрессией называют «незаконное с точки зрения международного права применение вооруженной силы одним государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства» [9, с. 16].

Несмотря на то, что Конституция РФ определяет порядок введения военного положения толкование самого понятия «военное положение» не содержит. Такое определение дает п. 1 ст. 1 Закона № 1-ФКЗ, в соответствии с которым, под военным положением понимается «особый правовой режим, вводимый на территории РФ или в отдельных ее местностях в соответствии с Конституцией РФ Президентом РФ в случае агрессии против РФ или непосредственной угрозы агрессии» [5]. В свою очередь, А. В. Мелехин в своих трудах выводит, что «военное положение — это особый правовой режим, устанавливаемый в результате приведения в действие чрезвычайного законодательства по возникновению внешних реальных угроз личности, обществу или государству» [4, с. 211].

Настоящий режим вводит Президент РФ на территории РФ или в отдельных ее местностях с незамедлительным сообще-

нием об этом Совету Федерации (СФ) и Государственной Думе (ч. 2 ст. 87 Конституции РФ, ст.ст. 1, 3 Закона № 1-ФКЗ, п. 4 ч. 2 ст. 4 Закона № 61-ФЗ). Указ Президента РФ о введении военного положения должен быть утвержден как правило в течение 48 часов большинством голосов от общего числа сенаторов РФ, соответствующим актом СФ (подп. б ч. 1 ст. 102 Конституции РФ). Указ Президента РФ о введении военного положения, неутвержденный СФ, прекращает действие со следующего дня после дня принятия такого решения, о чем население РФ или соответствующих ее отдельных местностей оповещается в том же порядке, в каком оно оповещалось о введении военного положения (пп. 5–7 ст. 4 Закона № 1-ФКЗ).

В случае введения военного положения на территории РФ или в отдельных ее местностях Президент РФ во исполнение международных обязательств РФ принимает меры по уведомлению Генерального секретаря Организации Объединенных Наций (ООН) (а через него государств — участников ООН) об отступлении РФ от своих обязательств по международным договорам, связанном с ограничением прав и свобод граждан (ст. 22 Закона № 1-ФКЗ). При этом необходимо обратить внимание, что с 02 ноября 2023 года, в связи с изменениями, внесенными в законодательные акты из ст. 22 Закона № 1-ФКЗ исключены положения о доведении до Генерального секретаря Совета Европы информации о введении или прекращении в РФ военного или чрезвычайного положения, а также упоминание о Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Совета Европы [10]. Указанные изменения связаны с тем, что членство России в Совете Европе с 16 марта 2022 года прекращено, в следствии чего, в отношении РФ прекратила действие Конвенция о защите прав человека и основных свобод [11].

Так, Президент РФ Указом от 19.10.2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» (Указ № 756) ввел 20 октября 2022 года с нуля часов на территориях Донецкой Народной Республики (далее — ДНР), Луганской Народной Республики (далее — ЛНР), Запорожской и Херсонской областей режим военного положения [12]. Основанием его введения явилось применение вооруженной силы против территориальной целостности РФ (преамбула Указа № 756). Указ № 756 был утвержден 19.10.2022 г. постановлением СФ Федерального собрания РФ № 462-СФ «Об утверждении Указа Президента РФ от 19 октября 2022 года № 756 »О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» [13].

При введении военного положения обеспечение и защита национальных интересов РФ осуществляются за счет концентрации усилий и ресурсов органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества (п. 26 Указа Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации») [14]. Именно для восстановления основ нормальной жизнедеятельности государства и общества, прекращению обстоятельств, послуживших основаниями для введения военного положения, законодатель предусмотрел возможность наделения органов исполни-

тельной власти определенным набором полномочий по проведению необходимых мероприятий.

В целях повышения эффективности деятельности высших должностных лиц (органов исполнительной власти) субъектов РФ в условиях военного положения Президент РФ Указом от 19.10.2022 г. № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» (Указ № 757) ввел четыре режима: максимальный и средний уровни реагирования, уровни повышенной и базовой готовности [15]. Следует заметить, что указанные уровни реагирования введены в законодательные акты по введению военного положения впервые. Дефиниция «уровень реагирования» закреплена в Федеральном законе от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (Закон № 68-ФЗ) [16], а также в Наставлениях по организации управления и оперативного (экстренного) реагирования при ликвидации чрезвычайных ситуаций, утвержденных протоколом заседания Правительственной комиссии по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций и обеспечению пожарной безопасности от 10.03.2020 г. № 1 [17]. «Уровень реагирования — это состояние готовности органов управления и сил единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций (далее — ЧС) к ликвидации ЧС, в том числе принятия дополнительных мер по защите населения и территорий от ЧС в зависимости от классификации ЧС и характера развития ЧС» (абз. 7 ст. 1 Закона № 68-ФЗ).

В связи с введением военного положения, а также указанных уровней реагирования в отдельных субъектах РФ уполномоченными органами могут осуществляться мероприятия по реализации нужд Вооруженных Сил РФ, других войск, воинских формирований, органов и нужд населения, созданию для Минобороны России необходимой инфраструктуры, мероприятия по гражданской обороне, защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и т.п. (пп. 1, 3–5 Указа № 757).

В период действия военного положения граждане пользуются всеми установленными Конституцией РФ правами и свободами человека и гражданина (п. 1 ст. 18 Закона № 1-ФКЗ). Между тем при соблюдении определенных условий, их ограничение неизбежно. Следует учитывать, что в соответствии с нормами Конституции РФ права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены: 1) только законом (ч. 3 ст. 55); 2) в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ст. 55); 3) запрещаются ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст. 19); 4) ограничения действуют на определенной территории и вводятся на определенный срок (п. 1 ст. 56) [1].

При введении режима военного положения органы государственной власти в обязательном порядке должны быть наделены соответствующими полномочиями по ограничению прав и свобод человека и гражданина. Высшие должностные

лица субъекта РФ определяют самостоятельно перечень реализуемых мер, сроки, особенности и порядок их реализации с учетом текущей ситуации и возникающих рисков на территории этого субъекта РФ (п. 6 Указа № 756). «Жесткость регламентируемых отношений определяется рядом факторов: степенью угрозы общественной безопасности; временными параметрами; международными обязательствами государства; масштабностью; предназначением объекта, подвергаемого специальной правовой регламентации и др.». [4, с. 180].

Так, на основании пп. 1, 2 Указа № 756, п. 2 Указа № 757, на территориях ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей введено военное положение, а также режим — максимальный уровень реагирования, ведется территориальная оборона. Здесь могут применяться меры и ограничения прав и свобод человека и гражданина, применяемые на территориях, на которых введено военное положение (ст.ст. 7, 8 Закона № 1-ФКЗ). Такие как ограничение свободы передвижения по ней; изъятие необходимого для нужд обороны имущества; ограничение места жительства; запрещение или ограничение массовых мероприятий и забастовок; ограничение движения транспортных средств и осуществление их досмотра; запрещение нахождения граждан на улицах и в иных общественных местах в определенное время суток; запрещение или ограничение выезда граждан за пределы территории РФ и иные мероприятия [5].

На территориях Республики Крым, Краснодарского края, Белгородской, Брянской, Воронежской, Курской, Ростовской областей и г. Севастополя, на основании п. 3 Указа № 756, введен режим — средний уровень реагирования. При введении настоящего режима органы исполнительной власти могут временно отселить жителей в безопасные районы; вводить и обеспечивать особый режим въезда и выезда с территории, а также ограничивать свободу передвижения по ней; ограничивать движение транспортных средств и осуществлять их досмотр [12].

На территориях субъектов РФ, входящих в состав Центрального федерального округа и Южного федерального округа, за исключением субъектов РФ, названных выше, на основании п. 4 Указа № 756, введен режим — уровень повышенной готовности. На этих территориях могут применяться все ограничительные меры при указанном выше уровне реагирования. При этом отсутствуют полномочия, касающиеся переселения и ограничения свободы передвижения населения по территории региона [12].

На других территориях субъектов Российской Федерации, не названных выше, на основании п. 5 Указа № 756, действует режим — уровень базовой готовности. При введении настоящего режима меры, ограничивающие права и свободы человека и гражданина не предусмотрены [12].

После принятия вышеназванных Указов главы нескольких регионов незамедлительно заявили, что запрет на выезд и другие серьезные ограничения пока вводиться не будут [18]. В 2023 году и до настоящего времени ограничения в этих субъектах РФ также введены не были.

Таким образом, введение военного положения, а также соответствующих уровней реагирования на территории РФ и/или отдельных субъектов РФ — это мера государства, при которой соответствующие высшие должностные лица наделяются пол-

номочиями по восстановлению порядка в стране и, в следствие чего, уполномочены применять меры по ограничению отдельных прав и свобод человека и гражданина. Однако это не имеет произвольный характер и является вынужденной мерой, применяемой в указанные периоды для отражения внешней агрессии,

сохранения территориальной целостности РФ, восстановления нормальной жизни общества. Между тем Конституцией РФ провозглашены, а государством гарантируются права и свободы человека и гражданина, которые являются высшей ценностью и не подлежат ограничению ни при каких обстоятельствах.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Собрание законодательства РФ. 1993. № 28. Ст. 112.
2. Всеобщая декларация прав человека [Текст]: [(принята резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН 10.12.1948)] // Российская газета. 1998. 10 декабря (№ 245). С. 3.
3. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2277.
4. Мелехин А. В. Административное право Российской Федерации: курс лекций / А. В. Мелехин. 2009. 492 с. [Электронный ресурс]: URL: https://pravo-olymp.ru/wp-content/uploads/2014/09/134_melekhin1.pdf?ysclid=lumnz3gfx8852417627 (дата обращения: 05.04.2024).
5. Федеральный конституционный закон от 30.01.2002 № 1-ФКЗ «О военном положении» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375.
6. Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ «Об обороне» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 23. Ст. 2750.
7. Федеральный закон от 12.02.1998 № 28-ФЗ «О гражданской обороне» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 7. Ст. 799.
8. Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 9. Ст. 1014.
9. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. — М.: Академия наук СССР, 1949. — 2153 с. [Электронный ресурс]: URL: <https://roslib.rudn.ru/book/tolkoviy-slovar-russkogo-yazyka> (дата обращения: 05.04.2024).
10. Федеральный конституционный закон от 02.11.2023 № 8-ФКЗ «О внесении изменений в статью 37 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» и статьи 7 и 22 Федерального конституционного закона «О военном положении» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 45. Ст. 7978.
11. Федеральный закон от 28.02.2023 № 43-ФЗ «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 10. Ст. 1566.
12. Указ Президента Российской Федерации от 19.10.2022 № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7381.
13. Постановление Совета Федерации Федерального собрания РФ № 462-СФ «Об утверждении Указа Президента РФ от 19 октября 2022 года № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7299.
14. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. 2). Ст. 5351.
15. Указ Президента РФ от 19.10.2022 № 757 «О мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 43. Ст. 7382.
16. Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
17. МЧС России: официальный сайт. — Москва. — URL: <https://mchs.gov.ru/uploads/document/2023-07-06/0cf3dda3e-7c083408831193e74c896ad.pdf> (дата обращения: 05.04.2024). — Текст: электронный.
18. РБК: официальный сайт. — Москва. — URL: <https://www.rbc.ru/politics/19/10/2022/634fe84c9a79470c679c3059> (дата обращения: 05.04.2024). — Текст: электронный.

Право на жизнь и здоровье в системе прав человека

Волова Арина Андреевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассмотрены различные классификации прав и свобод человека, выделены отличия естественных и позитивных прав; прав человека и прав гражданина; основных (конституционных) и иных (отраслевых) прав; абсолютных и относительных прав; не-

гативных и позитивных прав; индивидуальных и коллективных прав; личных (гражданских), политических, социально-экономических и культурных прав.

Ключевые слова: жизнь, здоровье, человек, права, система прав человека, поколения прав человека, классификация прав человека.

В юридической доктрине представлено множество различных классификаций прав и свобод человека, из которых общепризнанным является противопоставление естественных и позитивных прав человека; прав человека и прав гражданина; основных (конституционных) и иных (отраслевых) прав; абсолютных и относительных прав; негативных и позитивных прав; индивидуальных и коллективных прав; личных (гражданских), политических, социально-экономических и культурных прав [1].

Естественные права принадлежат человеку от рождения, они неотделимы от человеческой жизни и не могут быть отчуждены (например, право на жизнь, право на свободу и личную неприкосновенность и др.). Позитивные права возникают в силу их закрепления в конституции и иных нормативно-правовых актах (например, право на труд, право на образование и др.).

Права человека представляют собой те меры дозволенного поведения в обществе, которые принадлежат каждому человеку, независимо от его гражданской принадлежности (например, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени и др.). Права гражданина есть более узкая категория прав, которая охватывает права, принадлежащие лицам, состоящим с государством в отношениях гражданства (например, право избирать и быть избранным в органы государственной власти, право принимать участие в референдуме и др.).

Основными (конституционными) признаются права и свободы человека, зафиксированные в конституции и важнейших международно-правовых актах. Среди последних, как правило, называют Всеобщую декларацию прав человека от 10 декабря 1948 года, Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, Международный пакт о социальных, экономических и культурных правах от 16 декабря 1966 года, Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года, а также Европейскую социальную хартию от 18 октября 1961 года и пересмотренную Европейскую социальную хартию от 3 мая 1996 года. К основным (конституционным) правам относятся право на равенство перед законом и судом, право на судебную защиту, право на свободу мысли, совести и религии и др. К отраслевым правам относятся права, закрепленные иными нормативно-правовыми актами конкретного государства (например, право наследования, право на возмещение ущерба и др.).

Абсолютные права представляют собой природные и неизменные права человека, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах (например, право на жизнь). Относительные права могут быть ограничены или приостановлены на определенный срок в случае введения режимов военного или чрезвычайного положения и в других случаях, установленных законом (например, право свободно передвигаться и др.).

Негативные права гарантируют отсутствие ограничений, принуждений по отношению к человеку со стороны государства

и иных субъектов права, возможность действовать по своему усмотрению (например, право на свободу мысли и слова, право на неприкосновенность частной жизни и др.). Негативные права охраняют человека от нежелательных, нарушающих его свободу ограничений и посягательств, они считаются основополагающими и абсолютными. Позитивные права требуют от государства принятия мер и использования ресурсов для предоставления гражданину тех или иных благ (например, право на социальное обеспечение, право на охрану здоровья, право на образование и др.) [2].

Индивидуальные права и свободы присущи и могут быть реализованы конкретным человеком (например, право на свободу и личную неприкосновенность и др.), коллективные права и свободы принадлежат группе или обществу в целом (например, право на забастовку, право на благоприятную окружающую среду и др.).

Наконец, согласно последней наиболее распространенной классификации прав и свобод человека, они подразделяются на личные (гражданские), политические, социально-экономические и культурные права.

Гражданские (личные) права — права человека как биосоциального существа вне зависимости от пола и социального положения. К ним относятся право на жизнь, свободу и неприкосновенность, право на честь и достоинство, право на свободу совести и вероисповедания, равенство перед законом и судом, право на презумпцию невиновности, право на свободу передвижения и выбора места жительства, право на неприкосновенность жилища и частной жизни, право на тайну телефонных переговоров, переписки и др.

Политические права — права гражданина на участие в политической жизни государства, а именно право избирать и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления, право на свободу слова, мысли, мирных собраний, создания союзов и объединений и др.

Экономические и социальные права — права на достойный уровень жизни, гарантирующие человеку возможности свободно распоряжаться средствами производства, рабочей силой и предметами потребления, а также права на социальную поддержку, в частности, право на владение и распоряжение имуществом, право наследования, право на предпринимательство, право на труд, право на минимальный размер оплаты труда, право на выбор профессии, право на отдых, право на социальное обеспечение по возрасту, болезни, инвалидности или потере кормильца, право на жилище, право на охрану здоровья и оказание медицинской помощи, право на защиту семьи, материнства и детства, право на образование и благоприятную окружающую среду и др.

Культурные права — права, позволяющие обеспечить интеллектуальное и духовное развитие человека, например, право на участие в культурной жизни, право на свободный выбор нравственных и культурных ценностей, право на доступ к куль-

турным ценностям, право на свободу творчества и самореализации, право на охрану интеллектуальной собственности, право на культурную самобытность и др. [3].

Классификацию прав человека в соответствии с этапами их становления, взаимосвязанностью между собой в современной теории конституционного права принято называть поколением прав. Данная классификация разработана в Чехии в 80-х годах.

Первое поколение прав составляют гражданские и политические права, провозглашенные революциями. В основе первого поколения прав лежат идеи естественного права и либеральные ценности, провозглашенные в трудах мыслителей нового времени. Права на законодательном уровне утверждали статус человека и гражданина, как самостоятельного субъекта взаимоотношений с государством. К правам первого поколения принято относить право на жизнь, достоинство, свободу совести и вероисповедания, право на объединение и др.

Права второго поколения представляют собой социально-экономические права. Они стали появляться в результате борьбы за улучшение экономического уровня жизни, социального благосостояния и защиты уязвимых групп населения. Основу прав второго поколения составляют социально-экономические и культурные права, такие как право на труд, право на свободное осуществление экономической деятельности, право на образование и др. Обладание данными правами зависит от реальных возможностей государства их реализации.

Третье поколение прав есть коллективные или солидарные права, провозглашенные изначально государствами третьего мира. Особенность данных прав состоит в том, что они могут

осуществляться только определенной общностью. Например, право на мир, право на благоприятную окружающую среду принадлежит как каждому человеку, так и народу, так и человечеству в целом.

Самое новое четвертое поколение прав отражает дальнейшее технологическое развитие человечества. К правам четвертого поколения относят ядерную безопасность, освоение космоса, информационные права. В науке права четвертого поколения нередко связываются с биомедицинскими технологиями и отмечается существование соматических прав, которые напрямую связаны с телом человека. К таким правам относятся право на эвтаназию, право на возможное клонирование, репродуктивные права.

Некоторые правоведы придерживаются более узкого толкования прав четвертого поколения и относят к ним только права, связанные с информационными технологиями. На международном уровне взгляды на сущность и перечень прав четвертого поколения нашли отражение в Международной декларации о генетических данных человека от 16 октября 2003 года, во Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека от 19 октября 2005 года, в Декларации ООН о клонировании человека от 8 марта 2005 года, в Резолюции Совета по правам человека ООН от 27 июня 2016 года «О продвижении, защите и реализации права граждан на Интернет» [4].

Таким образом, какой бы то ни была классификация прав человека и гражданина право на жизнь и здоровье, являясь первостепенными для всех остальных прав, всегда будут занимать центральное место.

Литература:

1. Варламова Н. В. Классификация прав человека: подходы к проблеме // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2009. № 4 (71). С. 152–166.
2. Мутагиров Д. З. Права и свободы человека. Часть 1: учебник для бакалавриата и магистратуры // Д. З. Мутагиров. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2018. — 264 с.
3. Аكوпова Л. В., Исакова Ю. И. Права человека: учебное пособие // Донской государственный технический университет. Управление цифровых образовательных технологий. Ростов-на-Дону, 2021. — 383 с.
4. Стремоухов А. В. Основания классификации прав и свобод человека // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 1. С. 7–17.

Интернет как инструмент совершения некоторых насильственных преступлений

Волосникова Екатерина Дмитриевна, студент

Научный руководитель: Луковкин Кирилл Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент
Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова

С развитием интернета наблюдается увеличение случаев преступной деятельности, связанной с его использованием, этот тревожный тренд отражает растущие вызовы, с которыми сталкивается общество в цифровую эпоху.

Интернет предоставляет преступникам новые возможности для совершения различных видов преступлений, включая мошенничество, киберпреступления в сфере финансов и многие

другие. Преступники используют Интернет для доступа к личной информации людей, кражи денег, дезинформации и манипуляции массами, а также для совершения кражи интеллектуальной собственности и шпионажа.

Кроме того, различные аспекты Интернета, такие как анонимность и глобальный охват, делают его идеальным средством для совершения преступлений без больших рисков для

преступника, создавая проблемы для правоохранительных органов и специалистов по кибербезопасности, которые должны постоянно развивать методы борьбы с Интернет-преступностью.

В последнее время наблюдается тревожный тренд в сфере Интернет-преступлений всё чаще стали страдать жизнь и здоровье человека. Этот феномен отражает новые вызовы и угрозы, с которыми сталкивается общество в цифровую эпоху.

С развитием Интернет-технологий и социальных сетей, возросло и число преступлений, направленных на ущемление человеческих прав и основных свобод, в том числе права на жизнь и неприкосновенность. Кибербуллинг, онлайн-угрозы, дискриминация и киберпреследование — это лишь некоторые из форм интернет-преступлений, которые могут привести к серьезным последствиям для психического и физического здоровья человека.

Также существует угроза для физической безопасности людей, связанная с киберпреступлениями, такими как хакерские атаки на медицинские учреждения, воровство медицинских данных или даже кибертерроризм. В сфере кибербуллинга жертвы подвергаются психологическому давлению, угрозам и оскорблениям в сети, что может привести к психическим расстройствам, депрессии и самоубийству.

В 2016 году произошло раскрытие удручающего явления — «группы смерти», которая активно склоняла подростков к совершению самоубийств. Этот случай поднял вопросы о безопасности в интернете и воздействии онлайн-сообществ на психическое здоровье молодежи.

«Группа смерти» представляла собой онлайн-сообщество, в котором его члены активно подбадривали и поддерживали друг друга в совершении самоубийств. Члены этой группы делились методами самоубийства, обменивались информацией о том, как совершить это безнаказанно, и создавали атмосферу содействия и одобрения таких действий.

Этот случай подчеркнул важность проблемы онлайн-манипуляций, особенно в отношении подростков и молодежи, которые часто подвержены влиянию из Интернета. Вмешательство в подобные группы и предоставление помощи тем, кто находится под влиянием их деструктивных идей, стало необходимостью.

До недавнего времени привлечение к ответственности за подобные преступления в Российской Федерации было затруднено в связи с тем, что гипотеза ст. 110 УК РФ не предполагала склонения к самоубийству или содействия совершению самоубийства, а также организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

По данным Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, число несовершеннолетних, совершивших самоубийство в Российской Федерации сокращается: 2018 год — 397, 2019 год — 372, 2020 год — 311 (–21,6% к 2018 году). Намечалась тенденция к снижению количества детских самоубийств: 2020 год — 548 (–30,4% к 2018 году), 2021 год — 753, 2022 год — 679 (–9,8% к 2021 году) [1]. За 2023 год официальная статистика еще не опубликована, по отдельным данным число самоубийств останется на том же уровне.

Совершенно очевидным стал тот факт, что уголовное законодательство требовало изменений и дополнений, касающихся

преступлений, связанных с доведением и склонением человека к самоубийству.

В связи с этим в июне 2017 г. Уголовный кодекс РФ [2] (УК РФ) был дополнен новыми статьями:

- статья 110.1. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства;
- статья 110.2. Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства.

В настоящее время по ст. 110.1 и 110.2 УК РФ осужденных нет.

Отдельного внимания заслуживает проблема совершения преступлений против здоровья несовершеннолетними. Часто несовершеннолетние предпочитают достигать своих целей при помощи силы и противозаконных средств, что может привести к серьезным последствиям как для них самих, так и для общества в целом. Данное явление может быть обусловлено различными факторами, включая социальное окружение, семейную обстановку, отсутствие доступа к образованию и возможностям трудоустройства, а также влияние негативных внешних воздействий, таких как насилие в семье, алкоголь и наркотики, и недостаток альтернативных путей решения проблем.

Для борьбы с преступностью среди несовершеннолетних необходимо проводить системную работу по предупреждению и пресечению преступлений, в том числе путем развития системы социальной поддержки, образования и реабилитации, а также создания возможностей для адаптации и социальной интеграции молодежи. Важно также осуществлять эффективное партнерство между государственными органами, общественными организациями, школами, семьями и другими заинтересованными сторонами с целью выявления и реагирования на ранние признаки риска преступного поведения, а также предоставления поддержки и помощи тем несовершеннолетним, которые уже столкнулись с проблемой преступности [3].

По мнению некоторых исследователей, например, Е. Е. Пяташук, к одной из причин тяжких преступлений относятся жестокие компьютерные игры в сети Интернет. Игры такого типа, в которых присутствует избиение, убийства, насилие и другие жестокие сцены, могут оказывать негативное влияние на психику игроков, особенно на молодежь. Поэтому близким и родным подростков необходимо обращать внимание на степень их погружения в виртуальный мир и специфику игр. По ним формируется мировоззрение ребенка, его философия. Необходимо ограждать несовершеннолетних от игр, которые могут спровоцировать их необоснованное агрессивное поведение, заменяя их другими, более нейтральными. Негатив, полученный в виртуальном мире, можно и нужно компенсировать хорошей книгой или фильмом, которые научат добру, недопустимости убийства людей, заложат фундамент нравственности подростка [4, с. 37].

Под воздействием подобных игр люди могут привыкнуть к насилию, потерять чувство сочувствия и эмпатии к другим, а также стать менее чувствительными к жизни и здоровью окружающих, данный факт может привести к возникновению желаний имитировать поведение персонажей игр в реальной жизни, вплоть до совершения тяжких преступлений.

Однако следует отметить, что вопрос об отношении компьютерных игр к тяжким преступлениям остается предметом дебатов среди ученых и экспертов. Несмотря на то, что некоторые исследования указывают на связь между насилием в компьютерных играх и агрессивным поведением в реальной жизни, другие исследования не нашли убедительных доказательств этой связи.

Тем не менее, важно осознавать потенциальные риски, связанные с длительным и непрерывным употреблением жестоких компьютерных игр, особенно у подростков и молодых людей, предостережение, образование и сознательное использование игр могут помочь снизить возможные негативные последствия и защитить молодежь от их влияния.

Литература:

1. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за 2022 год. [Электронный ресурс] // Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка: [сайт].— Режим доступа: <https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/245> (дата обращения: 12.03.2024)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) [Электронный ресурс].— Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс».— Режим доступа: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.03.2024).
3. Гурьева, И. В. Интернет-преступность несовершеннолетних: российский и зарубежный опыт противодействия [Электронный ресурс] // Актуальные исследования. — 2024. — № 5. — Режим доступа: <https://apni.ru/article/8370-internet-prestupnost-nesovershennoletnikh-ros> (дата обращения: 12.03.2024)
4. Питашук, Е. Е. Взаимосвязь компьютерных игр и преступности [Электронный ресурс] // Скиф. Вопросы студенческой науки. — 2022. — № 11. — С. 30–38. — Научная электронная библиотека CyberLeninka.ru. — Режим доступа: <file:///C:/Users/Home-PC/Downloads/vzaimosvyaz-kompyuternyh-igr-i-prestupnosti.pdf> (дата обращения: 12.03.2024).

Административное правонарушение как основание применения юридической ответственности

Галкина Марианна Серафимовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

Под административным правонарушением принято понимать противоправное, виновное действие или же бездействие физического или юридического лица, за которое Кодексом РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) или другими законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Таким образом, административная ответственность предусмотрена не только для физических, но и для юридических лиц, в отличие, например, от уголовной ответственности. Для юридической ответственности наличие состава правонарушения также является обязательной основой.

Основным законодательным актом, содержащим нормы об административных правонарушениях, является КоАП РФ. Особенная часть КоАП РФ устанавливает конкретные составы административных правонарушений, а также предусматривает соответствующие меры наказания. Состав правонарушения является обязательным фундаментом для последующей ответственности физических лиц и юридической ответственности. Состав административного правонарушения представляет собой установленные законом совокупности, признаки, которые характеризуют противоправное действие в качестве административного правонарушения. Состав административного правонарушения, так же, как и состав любого другого правонарушения, включает в себя несколько элементов: объект и объективную сторону, субъекту и субъективную сторону.

Принятие в 2001 году действующего КоАП РФ и отмена действовавшего на тот момент Кодекса РСФСР об административных правонарушениях являлось важнейшим шагом в процессе демократизации законодательства об административных правонарушениях и приведение его в соответствие с нормами Конституции РФ. Некоторые нормы административного законодательства также претерпели изменения в связи с вступлением в силу КоАП РФ: был установлен конкретный перечень субъектов, которые уполномочены рассматривать дела об административных правонарушениях; урегулирован институт отводов; проработаны вопросы, которые связаны с доказательствами по делам об административных правонарушениях; конкретизированы стадии административного производства и т.д. [1].

Актуальность данной темы обусловлена тем, что в настоящее время административные правонарушения занимают ведущее место среди остальных элементов права, так как и в обычной жизни между гражданами и зачастую возникают административно — правовые отношения. Например, в середине 2022 года Росстат на своем официальном сайте опубликовал исследование, посвященное административным правонарушениям в сфере экономики [2]. По итогам данного исследования стало ясно, что число дел об административных правонарушениях в сфере экономики, возбужденных должностными лицами, составило в прошлом году 3,9 миллиона, что в 3,2 раза превышает

показатель 2020 года, когда было зарегистрировано порядка 1,2 миллиона правонарушений.

Также можно сказать, что и начавшаяся в 2020 года пандемия существенно повлияла на увеличившееся количество различных административных правонарушений. Большой рост указанных правонарушений, в первую очередь, связан с нарушением санитарно-эпидемиологических норм и правил, за что предусмотрена административная ответственность.

Таким образом, административные правонарушения, и так занимающие ведущую роль среди остальных видов правонарушений, в последнее время все больше увеличиваются в количестве, что еще раз доказывает актуальность и необходимость более тщательного изучения темы об административных правонарушениях.

Кроме того, актуальность темы подтверждается тем, что в настоящее время действующее административное законодательство в полной мере не регулирует возникающие на практике вопросы теоретические и практические проблемы административных правонарушений. Различные пробелы, существующие в законодательных актах, регулирующих сферу административных правонарушений, приводят к большому количеству проблем при применении указанных актов на практике.

У административного правонарушения существует легальное определение, закрепленное в КоАП РФ. Согласно п. 1 ст. 2.1. КоАП РФ административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность [3].

Стоит отметить, что, хотя в законодательном поле и существует легальное понятие административного правонарушения, в научном же поле этот вопрос раскрыт недостаточно хорошо. В настоящее время есть крайне мало диссертационных или монографических работ, которые были бы посвящены сущности административного правонарушения. Возможно, это связано с тем, что до 1920-х годов прошлого века в правовой доктрине приоритетной была позиция, согласно которой административное правонарушение являлось не самостоятельным видом правонарушения, а разновидностью уголовного правонарушения. В ряде зарубежных стран административное правонарушение до сих пор не выделяется в качестве самостоятельного противоправного деяния, а его регулирование осуществляется уголовным законодательством [4].

Для сравнения, до вступления в 2002 году в силу нового законодательного акта об административных правонарушениях, административное правонарушение определялось как посягающее на государственный или общественный порядок, социалистическую собственность, права и свободы граждан, на установленный порядок управления противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие либо бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность [5]. Таким образом, можно заметить, что в действующем понятии административного правонарушения отсутствует посягательство на общественный порядок, внесено уточнение, что данное правонарушение может быть со-

вершено и юридическим лицом, а также устранена конкретизация объектов посягательств. Сравнив данные определения, можно сделать вывод, что действующий КоАП РФ более конкретизировано отражает в данном им понятии административного правонарушения его реальную сущность, что является положительным моментом при квалификации правонарушения как административного и определения его основных признаков [6]. Однако и здесь необходимо отметить, что понятие административного правонарушения, содержащиеся в КоАП РФ в полной мере не отражает весь перечень признаков, которые на практике присущи административным правонарушениям.

Легальное определение административного правонарушения включает в себя его признаки. К таким признакам можно отнести:

- деяние (действие или бездействие);
- общественная вредность (опасность);
- противоправность;
- виновность;
- наказуемость деяния.

Одним из основных признаков административного правонарушения является деяние, а именно действие или бездействие. Под действием понимается активное поведение, под бездействием, соответственно, пассивное поведение физического или юридического лица. Примером действия может служить ст. 6.1.1. КоАП РФ, в которой указано следующее: нанесение побоев или совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, но не повлекших последствий, указанных в статье 115 Уголовного кодекса Российской Федерации, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, влечет наложение административного штрафа в размере от пяти тысяч до тридцати тысяч рублей, либо административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок от шестидесяти до ста двадцати часов [3]. Бездействие, в свою очередь, отражено, например, в п. 1 ст. 5.35.1 КоАП РФ, а именно: неуплата родителем без уважительных причин в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения средств в размере, установленном в соответствии с решением суда или нотариально удостоверенным соглашением, на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших восемнадцатилетнего возраста, в течение двух и более месяцев со дня возбуждения исполнительного производства, если такие действия не содержат уголовно наказуемого деяния [3].

Общественная вредность или опасность является социально значимым признаком административного правонарушения. Указанный признак определяет действия административного законодательства, в задачи которого, в том числе, входит определение какое деяние в рамках института административной ответственности является общественно-вредным. Важно заметить, что общественная опасность как признак административного правонарушения в научном поле определяется неоднозначно, что также отражается и на законодательном уровне.

Как правило, в правовом поле данный признак административного правонарушения определяется как его существенная

черта. Это связано с тем, что административное правонарушение посягает на установленный порядок и на определенные существующие в обществе отношения, поэтому и является общественно вредным деянием. Именно общественная вредность или опасность обуславливает ответственность за совершенное административное правонарушение, поскольку одной из задач государства является охрана таких общественных отношений. Однако некоторые специалисты в области уголовного права выступают против выделения общественной опасности в качестве отдельного признака административного правонарушения.

В соответствии с п. 1 ст. 14 УК РФ преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания [7]. Как видно из данного определения, преступление также является общественно опасным деянием, в связи с чем наделение общественной опасностью административного правонарушения некоторые специалисты в области уголовного права считают неверным. Безусловно, преступление является более общественно опасным, чем административное правонарушение, а уголовное законодательство охраняет наиболее важные общественные отношения.

Также можно отметить, что не во всех составах Особенной части КоАП РФ можно усмотреть такой признак как общественная опасность. Например, имеются составы административных правонарушений, указанные в ст. 5.1 КоАП РФ «Нарушение права гражданина на ознакомление со списком избирателей, участников референдума», в ст. 12.37 КоАП РФ «Несоблюдение требований об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», в ст. 15.5 КоАП РФ «Нарушение сроков представления налоговой декларации (расчета по страховым взносам)» и т.д., которые вряд ли обладают таким признаком как общественная вредность или опасность. Таким образом, можно сделать вывод, что в связи с противоречивыми позициями относительно указанного признака, он отсутствует в законодательно закрепленном понятии административного правонарушения.

Такой признак административного правонарушения как противоправность означает, что определенными действиями или бездействием нарушаются установленные законодательством специальные нормы и правила, которые защищаются нормами административного права [8].

Виновность как признак административного правонарушения означает виновное (умышленное или неосторожное) нарушение субъектом состава установленных норм и правил. Вина выступает основным элементом субъективной стороны состава правонарушения, определяет отношение виновного к наступившим (или возможным) общественно опасным последствиям деяния [9]. В этой связи, необходимо отметить содержащиеся в действующем КоАП РФ определение вины юридического лица. В соответствии с п. 2 ст. 2.1 КоАП РФ юридическое лицо признается виновным в совершении административного правонарушения, если будет установлено, что у него имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых настоящим Кодексом или законами субъекта Российской Федерации предусмотрена административная ответственность, но данным лицом не были приняты все зави-

сящие от него меры по их соблюдению [3]. Как правило, вина рассматривается в тесной связи с волей и разумом правонарушителя, что присуще только физическим лицам. Поскольку субъектом состава административного правонарушения может быть и юридическое лицо, законодатель конкретизировал в КоАП РФ критерии вины юридического лица.

Следующим признаком административного правонарушения является его наказуемость. Данный признак означает, что административным правонарушением может быть признано только то деяние, за которое КоАП РФ и законами субъектов РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность. Стоит отметить, что административным правонарушением может являться деяние, которое нарушает не только нормы административного права, но нормы иных отраслей права, например, земельного, налогового, трудового и т.д., что означает, что отношения в связи с административной ответственностью носят межотраслевой характер [10]. Однако ответственность за деяние, признанное административным правонарушением, может быть установлена только КоАП РФ и законами субъектов РФ об административных правонарушениях.

Например, п. 1 ст. 26 ЗК РФ устанавливает, что права на земельные участки, предусмотренные главами III и IV настоящего Кодекса, удостоверяются документами в порядке, установленном Федеральным законом «О государственной регистрации недвижимости» [11]. Самовольное занятие земельного участка или части земельного участка, в том числе использование земельного участка лицом, не имеющим предусмотренных законодательством РФ прав на указанный земельный участок, о чем говорится в вышеуказанной статье ЗК РФ, в свою очередь, является административным правонарушением в соответствии со ст. 7.1 КоАП РФ.

Так, в соответствии с п. 1 ст. 8 ЛК РФ лесные участки в составе земель лесного фонда находятся в федеральной собственности [12]. Соответственно, самовольное занятие физическими или юридическими лицами лесных участков является административным правонарушением, о чем указано в ст. 7.9 КоАП РФ.

На практике также нередко возникает возникновение различных правовых коллизий, что говорит о недоработках в административном законодательстве, и еще раз подтверждает актуальность выбранной темы исследования. Так, п. 1 ст. 116 НК РФ устанавливает ответственность за нарушение налогоплательщиком установленного настоящим Кодексом срока подачи заявления о постановке на учет в налоговом органе по основаниям, предусмотренным настоящим Кодексом [13]. КоАП РФ, с свою очередь, также предусмотрел административную ответственность за нарушение установленного срока подачи заявления о постановке на учет в налоговом органе в ст. 15.3. Ответственность, предусмотренная КоАП РФ, говорит о возможности наложения административного наказания на должностных лиц организаций, являющихся налогоплательщиками. Налоговое законодательство же предусматривает ответственность для самих этих организаций-налогоплательщиков. Как указано в Постановлении Пленума ВАС РФ от 27.01.2003 N2 (ред. от 10.11.2011) «О некоторых вопросах, связанных с вве-

дением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», поскольку в силу глав 15, 16 и 18 НК РФ в соответствующих случаях субъектами ответственности являются сами организации, а не их должностные лица, привлечение последних к административной ответственности не исключает привлечения организаций к ответственности, установленной НК РФ [14].

Как говорилось ранее, определение административного правонарушения в полной мере не раскрывает его сущность,

а исходя из легального понятия можно сделать вывод, что единственной отличительной чертой административного правонарушения является тот факт, что указанное деяние посягает на общественные отношения, охраняемые именно административным законодательством, а не каким-либо другим.

Таким образом, административное правонарушение как правовое явление требует более четкого определения и конкретизации, а также дальнейшего изучения для избежания пробелов и коллизий в законодательстве.

Литература:

1. Николаева Л.А., Соловьева А.К. Административная юстиция и административное судопроизводство: зарубежный опыт и российские традиции // Л. А. Николаева. М.: Юридический центр, 2004. С. 133
2. <https://rosstat.gov.ru/pravo/comments>
3. КоАП РФ от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) ст. 2.1 // Российская газета, № 256, 31.12.2001.
4. Васильев Э. А. Административное правонарушение и преступление: общие черты и различия.; Автореферат дис. ... кандидата юридических наук: М., 2007. С. 14.
5. Кодекс РСФСР об административных правонарушениях (утв. ВС РСФСР 20.06.1984) (ред. от 20.03.2001) (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 05.07.1984, № 27, ст. 909.
6. Сухоруков А. В. КоАП РФ в сравнении с КоАП РСФСР // Право и политика. 2008. — № 3.
7. УК РФ от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г., с изм. От 18.07.2022 г.) ст. 14 // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, N25, ст. 2954.
8. Чижевский В. С. Комментарий к кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях // В. С. Чижевский. М.: Книжный мир, 2014. С. 12.
9. Иванов А. А. Вина и мотивы в правонарушении и юридической ответственности // Вестник Московского университета МВД России, 2009.
10. Серков П. П. Административная ответственность: проблемы и пути совершенствования; Автореферат дис. ... доктор юридических наук: М., 2010. С. 63
11. ЗК РФ от 25.10.2001 г. № 136-ФЗ (ред. от 14.07.2022 г.) ст. 26 // Собрание законодательства РФ, 29.10.2001, N44, ст. 4147.
12. ЛК РФ от 04.12.2006 г. № 200-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) ст. 8 // Собрание законодательства РФ, 11.12.2006, N50, ст. 5278.
13. НК РФ от 31.07.1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 28.06.2022 г.) ст. 116 // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, N31.
14. Постановление Пленума ВАС РФ от 27.01.2003 № 2 (ред. от 10.11.2011) «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, 2009 г., N1.

Теоретические основы деятельности субъектов доказывания по проверке имеющихся в материалах дела доказательств

Георге Екатерина Эдуардовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Общие подходы к определению уголовно-процессуальной сущности проверки доказательств даны законодателем в ст. 85 УПК РФ [1], из анализа содержания которой следует, что проверка доказательств является составной частью (элементом) доказывания.

В качестве неотъемлемых составных элементов доказывания законодателем названы также собирание и оценка доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Иногда в литературе встречается термин «процесс доказывания» [2], что, представляется, является методологически не-

верным. Доказывание представляет собой процесс, в котором выделяются определенные этапы.

Согласно норме уголовно-процессуального закона под доказательствами понимаются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в соответствующем порядке устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию и иных обстоятельств, имеющих значение по расследуемому уголовному делу. Доказательства могут иметь процессуальную форму, к ним относятся показания подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего и свидетеля, заключения и показания эксперта и специалиста, прото-

колы следственных действий и иные документы; а также могут иметь и материальную форму — к таковым относятся вещественные доказательства.

Институт вещественных доказательств ограничен границами, представляющими собой условный перечень предметов, вещей, документов или иных сведений, которые могут быть признаны доказательствами [3].

С развитием общественных отношений, прогрессом в научно-технической сфере и созданием информационного пространства наиболее актуальные вопросы складываются в области признания информационных ресурсов вещественными и иными доказательствами в уголовном процессе. В законодательстве Российской Федерации нет единого понятия электронных доказательств, но на основе анализа уголовно-процессуальных норм, практического опыта и научных исследований используем родовое понятие рассматриваемой дефиниции [4]. Электронные доказательства — это любые сведения (сообщения и данные), представленные в электронной форме, на основе которых уполномоченные лица в установленном законом порядке признают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для квалифицированного рассмотрения и разрешения уголовного дела.

Сущность электронных доказательств состоит в том, что новые правоотношения, возникающие и развивающиеся при использовании информационных ресурсов сети «Интернет», а также при передаче важной информации при помощи цифровых каналов связи, при осуществлении операций при использовании различных форм электронной подписи, в наибольшей степени подвергаются преступным посягательствам.

Отсюда следует признание электронных данных, а также сведений, полученных путём использования электронных вычислительных машин, а также электронных сообщений и документов, подписанных электронной подписью, электронными документами, имеющими все свойства вещественных и иных доказательств, использующихся в уголовном судопроизводстве. В связи с этим актуальной проблемой считаются аспекты собирания, проверки и оценки электронных доказательств с целью эффективного расследования и раскрытия преступлений, совершаемых в данной сфере. Электронные данные во всём своём многообразии имеют какую-либо политику конфиденциальности, в соответствии с которой сведения, признающиеся электронными доказательствами, имеют особый порядок сбора.

Необходимо отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации электронные доказательства не имеют чёткого закрепления, и, соответственно, однозначного процессуального порядка работы с ними не установлено.

Однако порядок изъятия электронных доказательств принято отождествлять с порядком изъятия сведений, содержащихся в электронных сообщениях, и их осмотр, регламентированный ч. 7 ст. 185 УПК РФ [5]. Вопрос об изъятии информации из информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» остаётся открытым, т.к. все данные находятся на серверах, которые, в свою очередь, могут принадлежать иностранным госу-

дарствам, т.е. при изъятии такой информации необходимо делать международный запрос.

На практике принято сведения, имеющие значение по расследуемому уголовному делу, представленные в электронном виде, копировать (а при необходимости переносить на бумажный носитель), и присваивать данному документу свойства доказательств. Данный процесс фиксируется в протоколе следственного действия, проводимого при обнаружении сведений, имеющих значение по расследуемому уголовному делу, в котором указываются следующие обязательные признаки: количество скопированных файлов, их размер, наименование и др.

Данное действие считается гарантией достоверности и достаточности сведений, изымаемых с информационного пространства. Следующим этапом работы с доказательствами является их проверка.

Проверка доказательств регламентируется ст. 87 УПК РФ и подразумевает под собой сопоставление уполномоченным лицом сведений, имеющих значение по расследуемому уголовному делу, с другими доказательствами, а также установление источника получения искомой информации с целью подтверждения или опровержения проверяемого доказательства.

Относительно электронных доказательств проверка осуществляется по источнику происхождения информации, а также устанавливается достоверность проверяемых сведений. Данное процессуальное действие необходимо проводить при привлечении специалиста, который обладает специальными знаниями в данной сфере, поскольку информация, содержащаяся в цифровом формате, может быть скрыта, зашифрована или уничтожена. Проверка электронных доказательств заключается в установлении первоисточника информации. Выработано два критерия данной проверки — идентификация и аутентификация информации.

Идентификация электронного документа означает определение проверяемых сведений на принадлежность к конкретному лицу, от которого они были получены, таковым лицом могут выступать потерпевший, подозреваемый или обвиняемый, свидетели, физические или юридические лица, которые оказывают содействие в расследовании уголовного дела.

Аутентификация представляет собой проверку доказательств на их целостность и неизменность первоначальных данных. Проверка на аутентификацию является одной из самых важных при проверке электронных доказательств, поскольку изменение цифрового формата или каких-либо данных при помощи электронно-вычислительной техники — наиболее легкий и незаметный способ подделки доказательств. Одной из причин высокой преступности в сфере компьютерной информации является множественность способов совершения противоправных деяний, которые неизвестны правоохранительным органам в силу их новизны, постоянной модификации и модернизации. В процессе доказывания в уголовном судопроизводстве обязательным этапом работы с доказательствами является их оценка с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности (ст. 88 УПК РФ).

Верное отыскание и изъятие вещественных доказательств отвечает важнейшему свойству, такому как относимость, характеризующееся способностью проверяемых электронных

доказательств служить средством установления значимых для расследуемого дела обстоятельств. Правильное оформление и приобщение их к материалам дела является гарантией достоверности полученной информации, а именно безотказной и корректной работы электронно-вычислительной техники и программного обеспечения.

Правила получения вещественных доказательств и их законность заключаются в свойстве допустимости, включающем в себя законность источника и обстоятельств формирования доказательства, способа получения, надлежащего процессуального оформления, а также компетентность субъекта, уполномоченного проводить действия по получению и использованию электронных доказательств. Достаточность проверяемых электронных доказательств определяется совокупностью всех вышеперечисленных свойств доказательств, в том числе раскрытием конкретных вопросов экспертом при исследовании той или иной информации.

Литература:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, N52 (ч. I), ст. 4921.
2. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. М., 2019.
3. Иванов Н. А. Цифровая информация в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. Научный журнал. — 2019. — № 5 (10). — С. 99.
4. Ермакова Е.С., Джумангалиева Д.М. Электронные доказательства как новое направление в практике расследования преступлений // Молодой ученый. 2018. № 23 (209). С. 85–87.
5. Янин М.Г., Кочедыкова К. М. Проблемы сбора, проверки и оценки электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Управление в современных системах. 2019. № 2 (22). С. 28–31.

Процессуальные и организационные основы осуществления деятельности по проверке доказательств уполномоченными субъектами

Георге Екатерина Эдуардовна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Согласно действующему уголовно-процессуальному законодательству, следователь, дознаватель являются должностными лицами, наделенными полномочиями осуществлять предварительное следствие по уголовному делу.

В процессе расследования уголовного дела правоохранительные органы проводят мероприятия, направленные на расследование криминальной информации. Это делается после принятия решения о необходимости уголовного преследования. Для возбуждения определенного уголовного дела необходима жалоба потерпевшего, которую подает лицо или его законный представитель. При этом, проверка о готовящемся для совершения, либо же, уже совершенном определенном преступном деянии, преследует две основные цели:

1) обязанность уполномоченных лиц получить информацию или сообщение о совершенном или подлежащем совершению преступлении, зарегистрировать его и немедленно реагировать на сообщение сотрудников полиции;

Достаточность электронных доказательств, как показывает практика, зачастую достигается не в полном объеме, поскольку в информационно-телекоммуникационной сфере большой объем информации и обособить те сведения, которые имеют отношение к расследуемому уголовному делу, представляется с большим усилием с точки зрения времени, сил и средств, используемых для достижения поставленной цели.

Таким образом, видится необходимой выработка особого механизма сбора, проверки и оценки электронных доказательств как самостоятельного, опосредованного института в теории доказательств. Причинами тому является переход основных функциональных сфер жизнедеятельности общества в информационное пространство, загрузка каких-либо данных о гражданине в обширные электронные базы данных, вследствие чего имеет место признание цифровых технологий и производных от них объектом преступного посягательства.

2) детальное изучение фактов преступления и их возможное устранение.

Отсутствие вышеуказанных фактов в действительной реальности, а также действия, не являющиеся преступными, служат поводом к принятию решения уголовное дело не возбуждать.

Вышеуказанные вопросы решаются на предварительной проверке, которая касается информации о совершенном преступлении. Решение данных вопросов считается выполненным только после завершения изучения информации о совершенном, или готовящемся к совершению преступлении.

Эти решения оформляются либо в виде постановления о возбуждении уголовного дела, либо в виде отказа от возбуждения. В большинстве случаев, надлежащем образом проведенная проверка может свидетельствовать об отсутствии преступления. Между тем, отказ от возбуждения дела в соответствии с правилами УПК РФ не означает, что во всех случаях

отрицания не было преступления и не было преступных действий вообще.

Усмотрение представляет собой целостную систему, которая проявляется в большей степени в правотворческой, судебной, следственной практиках. Задача института усмотрения состоит в использовании правовых норм в рамках того или иного уголовного дела.

Так, З.З. Зинатуллин указывает, что правоприменительная практика невозможна без усмотрения [1].

П.А. Гук рассматривает судебное усмотрение как деятельность, которая возможна в рамках должностных обязанностей всех работников суда [2].

Поэтому он вводит понятие «судейское усмотрение», т.е. осуществление усмотрения только судьями. В этой связи усмотрение подразумевает возможность должностного лица действовать по своей воле.

После принятия решения о возбуждении уголовного дела следователь готовит соответствующее постановление, после чего начинается этап предварительного расследования. Сообщения о преступлениях, всегда включают определенную информацию.

Традиционно в содержание предварительного расследования входят действия различной правовой природы: следственные и иные процессуальные действия, регламентированные Уголовным кодексом Российской Федерации, а также другие законные действия правоохранительных компетентных органов (например, оперативно-розыскные действия), не урегулированные Уголовным кодексом Российской Федерации.

Правильный выбор процедуры доказывания играет важную роль в решении основной проблемы на начальной стадии уголовного дела: наличия преступления, либо, подготовки к нему, или нет. При этом, согласно УПК РСФСР, до возбуждения уголовного дела, чаще всего, выполнялось такое действие, как осмотр места происшествия.

Это было связано с некоторыми оговорками относительно неотложных действий (УПК РФ, ст. 178). Хотя правоохранительные органы работали по данным нормам на протяжении десятилетий, с течением времени список проверочных действий расширился.

Существуют также проблемы с использованием самих данных опроса в качестве доказательств. Согласно УПК РФ сведения, полученные при расследовании сообщений о преступлениях, могут быть использованы в качестве доказательств в соответствии со статьями 75 и 89 УПК РФ.

Кроме того, проведение дознания в сокращенной форме дает возможности использовать данные опросов как полностью законные доказательства по уголовному делу.

Такие доказательства могут, в последующем, и не подтверждаться собранными по данному делу другими доказательствами-очной ставкой, каким-либо следственным экспериментом, и т.д.

Уголовно-процессуальный закон подробно регламентирует проведение расследования, и такое следственное действие, как допрос, выполняется только в случае если уголовное дело уже было возбуждено [3].

Однако, при отсутствии надлежащего регулирования, не представляется возможным внести предложения по соответ-

ствующим разъяснениям в правила проведения проверок. Лицо, дающее в ходе опроса свои пояснения, не предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и заведомую ложь по статьям 308 и 307 УК РФ [4], поскольку оно еще не является ни свидетелем, ни потерпевшим, и не имеет никакого иного статуса в уголовном процессе по конкретному делу [5].

Проверка доказательств является не только практической, но и логической деятельностью субъектов доказывания, позволяющей определить их достоверность или недостоверность, соответствие требованиям законности при собирании. В ходе осуществления данной процессуальной деятельности происходит накопление и систематизация знаний о преступном событии, трансформирующихся в систему обстоятельств, подлежащих установлению [6].

Основной целью проверки доказательств видится установление источника полученных данных с целью достижения полноты, всесторонности и максимальной объективности расследования уголовного дела, а в последствии — обоснованности обвинительного приговора [7]. Вывод о том, что процессуальные действия следователя должны быть направлены на повышение качества и эффективности расследования преступления, установление всех обстоятельств, связанных с преступным событием основывается также на процессуальной самостоятельности следователя [8].

Особая роль в процессе доказывания отводится суду и следователю, поскольку его деятельность направлена на собирание, проверку доказательств и принятие на их основе процессуальных решений, от которых впоследствии зависит правильность разрешения уголовного дела в суде [9]. Следует помнить, что деятельность следователя, направленная на выяснение обстоятельств уголовного дела, не сводится только в обвинительную сторону.

Следователь обязан стремиться к раскрытию преступления, выявлению разнообразных фактов, имеющих значение для дела, а также в его компетенцию входит обеспечение прав участников процесса [10]. Ценность доказательств, согласно императивному требованию закона, — равная [11].

Следует отметить, что прокурор является субъектом проверки и оценки доказательств [12]. Допустимость доказательств при наличии процессуальных нарушений решается исходя из баланса заинтересованности государства в уголовном преследовании и его же заинтересованностью в защите прав и свобод граждан [13]. Процесс доказывания по уголовному делу — это процессуальная деятельность участников уголовного судопроизводства по обнаружению, собиранию, проверке, исследованию и оценке доказательств с целью правильного разрешения уголовного дела.

Проверка доказательств является не только практической, но и логической деятельностью субъектов доказывания, позволяющей определить их достоверность или недостоверность, соответствие требованиям законности при собирании. В ходе осуществления данной процессуальной деятельности происходит накопление и систематизация знаний о преступном событии, трансформирующихся в систему обстоятельств, подлежащих установлению.

Основной целью проверки доказательств видится установление источника полученных данных с целью достижения полноты, всесторонности и максимальной объективности расследования уголовного дела, а в последствии — обоснованности обвинительного приговора.

Особая роль в процессе доказывания отводится суду и следователю, поскольку его деятельность направлена на сбор, проверку доказательств и принятие на их основе процессуальных решений, от которых впоследствии зависит правильность разрешения уголовного дела в суде. Деятельность следователя, направленная на выяснение обстоятельств уголовного дела, не сводится только в обвинительную сторону.

Следователь обязан стремиться к раскрытию преступления, выявлению разнообразных фактов, имеющих значение для дела, а также в его компетенцию входит обеспечение прав участников процесса. Ценность доказательств, согласно императивному требованию закона, — равная.

Следует отметить, что прокурор является субъектом проверки и оценки доказательств.

Допустимость доказательств при наличии процессуальных нарушений решается исходя из баланса заинтересованности государства в уголовном преследовании и его же заинтересованностью в защите прав и свобод граждан.

Выявление роли прокурора в процессе доказывания и решения вопроса о том, относится ли он к субъектам доказывания, представляется крайне важным для общего развития теории доказательств и доказывания.

Не оценив доказательства с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности, прокурор не сможет утвердить обвинительное заключение, а без проверки доказательств — поддержать обвинение в ходе судебного разбирательства. Учитывая все вышеизложенное, представляется не совсем ясным, почему при отсутствии реальной возможности у прокурора собирать доказательства по уголовному делу законодатель все равно относит его к субъектам доказывания в ст. 86 УПК РФ.

Имеется два возможных варианта разрешения указанной проблемы. Во-первых, законодательно исключить в ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса РФ указания на возможность участия прокурора в собирании доказательств, т.к. действительных полномочий у прокурора для этого не имеется. При этом не возникает необходимости внесения изменений ни в ст. 87, ни в ст. 88 Уголовно-процессуального кодекса РФ, т.к. проверка и оценка доказательств — это неотъемлемые функции прокурора на всех этапах производства по уголовному делу.

Второй вариант разрешения проблемы не предполагает каких-то законодательных изменений и поправок, а именно требуется лишь пересмотреть всю концепцию доказывания. Речь идет о том, чтобы рассматривать процесс доказывания не как триединую деятельность по сбору, проверке и оценке доказательств, а как общую направленность деятельности должностных лиц органов государственной власти и иных участников уголовного процесса. Следует заметить, что на неравнозначность понятий «доказывание», «деятельность по собиранию доказательств» или «деятельность по оценке доказательств».

С такой точки зрения можно будет говорить о субъектах оценки доказательств и субъектах, уполномоченных собирать эти доказательства. Такой подход позволит поставить точку в спорах относительно роли в процессе доказывания не только прокурора, но и защитника. Установление в теории доказательств и доказывания положений о доказательственной роли прокурора, основываясь на положениях законодательства, позволят определить конкретный вектор в дальнейшем совершенствовании и развитии методик осуществления им своих функций. Кроме того, развитие науки всегда благоприятно сказывается на качестве законодательной техники, а необходимость преодоления определенных пробелов в нормативно-правовой базе очевидна. Установление логичности и последовательности при определении роли прокурора в процессе доказывания, сделает возможным повысить эффективность производимых процессуальных действий по проверке и оценке доказательств.

Литература:

1. Зинатуллин З.З. О допустимости оперирования социальными категориями «усмотрение», «целесообразность» и «риск» в уголовном судопроизводстве // *Риски в праве: пути решения: монография* / под ред. Л. Г. Татьяниной. М.: Юрлитинформ, 2020. С. 94.
2. Гук П. А. Независимость и судебское усмотрение // *Российская юстиция*. 2018. N11. С. 45.
3. Калиновский К. Б. Доследственный обыск — незаконное ноу-хау // *Уголовный процесс*. — 2019. — № 1 (121). — С. 9.
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 25.12.2023)(с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023)// «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N25, ст. 2954.
5. Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступления. 2-е изд., перераб. и дополн. Москва: Юристъ, 2020. 304 с.
6. Корсаков, К. А. Концепция познавательно-доказательственной деятельности // *Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: материалы конференций* / под ред. Н. П. Кирилловой, С. П. Кушниренко, Н. Г. Стойко, В. Ю. Низамова. — М., 2019. — С. 152–157.
7. Малышева, О. А. Следователь как субъект доказывания и принятия процессуальных решений в уголовном судопроизводстве // *Вестник Томского государственного университета*. — 2021. — № 469. — С. 69–75.
8. Корнакова, С. В. Процессуальная самостоятельность следователя: проблемы реализации // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. — 2018. — № 1 (43). — С. 113–121. 4.
9. Кучин В.В., Попов И. А. Доказательства и 11 149 42 46 46 32 доказывание в уголовном судопроизводстве: учебное пособие. М., 2020.С.44.

10. Тактоева, В.В. К вопросу выявления, документирования и расследования преступлений, связанных с контрабандой стратегически важных ресурсов — лесоматериалов / В.В. Тактоева // Российский следователь. — 2020. — № 1. — С. 17–22.
11. Белкин А. Р. Осмотр и освидетельствование как следственные действия: проблемы законодательной регламентации // Уголовное судопроизводство. 2019. № 2. С. 17–21.
12. Попова Л.В. О роли уполномоченных прокуроров в доказывании по уголовным делам / Л.В. Попова, Е.А. Зобов // Судебная власть и уголовный процесс. — 2016. — № 3. — С. 87–91.
13. Сабирова А.К. Роль прокурора в процессе доказывания / А.К. Сабирова // Научные труды Северо-западного института управления РАНХИГС. — 2019. — № 4 (21). — С. 247–250.

Личность субъекта, укрывающего преступление

Горбунов Евгений Иванович, студент магистратуры
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В современном уголовном праве большое внимание уделяется нормам, предусматривающим ответственность за умышленные деяния. Данные нормы в теории и практике уголовного законодательства объединяются в рамках родового понятия прикосновенности к преступлению.

Методом противодействия преступности выступает установление системы запретов общественно опасных деяний. Основная цель этого метода заключается в предупреждении преступлений.

В настоящее время данной теме уделено мало внимания. Это обуславливает необходимость устранения причин сопутствующих совершению тех или иных преступлений.

Одна из наиболее опасных форм прикосновенности к особо тяжким преступным деяниям — заранее не обещанное укрывательство преступлений (ст. 316 УК РФ). Укрыватель, активно помогая преступнику избежать уголовной ответственности за содеянное, способствует безнаказанности виновного лица, препятствует осуществлению правосудия и подрывает принцип неотвратимости уголовно-правового воздействия.

Кроме этого, укрывательство как форма прикосновенности содержит спорные моменты, решить которые можно с помощью дальнейшего исследования криминогенной ситуации в стране.

Если не обращать внимания на личность преступника, то деятельность по раскрытию преступлений не будет эффективна.

Представленную статью, можно считать актуальной, так как, учитывая факт, что человек стоит за совершением преступления, то он же и ответственен за привлечение исследователя. Он же является причиной совершения преступлений, другие обстоятельства — это условия, способствующие данному действию.

Преступники имеют отличия друг от друга, проявляющиеся в правовых, психологических и прочих признаках. Так же, можно отметить, что данные признаки могут, так же, объединять людей в группы. Следуя данной логике, появляется необходимость классификации лиц, совершивших преступления, на различные группы.

В данной классификации выделяют две обширные группы, социологическая и социально-демографическая. Первая включает в себя гендерную принадлежность, возрастную, образо-

вание, материальную обеспеченность, степень участия в общественно-полезных делах, вид занятости, профессиональная принадлежность, место проживания.

Правовые включают в себя: характер преступлений, их тяжесть; наличие преступлений, совершенных ранее; групповое, либо совершенное в одиночку; срок занятия преступной деятельностью; форма виновности.

Данные, взятые за 2018 г., отражают средний возраст укрывателя, значение которого варьируется около 33х лет. Далее представлено процентное соотношение возраста лиц, совершивших укрывательство за данный период времени:

- 20–30 лет — 22%,
- 30–40 лет — 32%,
- 40–50 лет — 10%,
- старше 50 лет — 13%.

Данные показывают, что средний возраст большинства укрывателей варьируется от 30 до 40 лет 57.

Отмечается, что образование большинства лиц, совершающих укрывательство, ниже уровня образования законопослушных граждан.

Уровень образования этих граждан ниже, чем у законопослушных граждан. Опираясь на судебные приговоры 2019–2024 гг. по Забайкальскому краю, можно отразить статистику отличия уровня образования людей, совершивших преступление. Большинство лиц, фигурирующих в судебных делах за данный период времени (74%), не имели высшее или незаконченное высшее. В числе укрывателей со средне-специальным образованием насчитывалось 26% осужденных. Следует отметить, что среди лиц, совершивших заранее не обещанное укрывательство преступлений, высшее образование никто не имел.

Криминологический портрет укрывателей. В общем соотношении процент мужчин и женщин 1:7. Однако доля женщин в совершении таких преступлений намного ниже, чем мужчин (именно 84% рассматриваемых преступлений было совершено мужчинами).

Проанализировав приговоры суда по статье 316 Уголовного Кодекса Российской Федерации, можем сделать вывод, что 33% всех преступников, совершивших заранее не обещанное укрывательство преступлений холостые.

Семья для людей является стабилизирующим фактором, а отсутствие семьи приводит к тому, что люди начинают совершать противоправные деяния.

Основная часть лиц, осужденных за не заранее обещанное укрывательство преступлений, 67% находились в дружеских отношениях, 33% являлись близкими родственниками.

Криминологические признаки позволяют определить лиц, совершивших заранее не обещанное укрывательство преступлений. В основном люди не считают укрывательство опасным деянием и поэтому помощь в сокрытии преступления считают не наказуемой. Однако это далеко не так. Ведь они также подлежат наказанию в виде лишения свободы.

Свойства личности человека. Сравнительное психологическое изучение личности больших групп преступников и законопослушных граждан показало, что первые отличаются от вторых значительно более высоким уровнем импульсивности. Подобные черты формируются в рамках индивидуального бытия, на базе индивидуального жизненного опыта, а также биологически обусловленных особенностей.

Однако такие особенности, равно как и психологические черты, носят как бы нейтральный характер и в зависимости от условий жизни и воспитания наполняется тем или иным содержанием, т.е. приобретает социально полезное или антиобщественное значение.

Основное место занимают мотивы и цели человека, его характер и способности. Условия, которые образуют внешнюю сторону и влияют на возникновение криминогенной мотивации, взаимодействуют с личностными особенностями и в итоге вызывают намерение и решимость совершить преступление.

Формирование мотивов — это формирование личности. Часто лица, которые совершают данные преступления не участвуют в жизни общества, а также заинтересованы в получении выгоды. Однако несмотря на это все они боятся, что их родственник может быть привлечен к уголовной ответственности. Укрывательством обычно занимаются люди с низким материальным и социальным статусом, также в основном эти лица, небрежно относятся к закону и зачастую нарушают его.

К примеру, относительно личности преступника, совершающего дачу ложных показаний в судебном процессе, было отмечено преобладание таких качеств как сочувствие, боязнь привлечения к уголовной ответственности близкого родственника, корыстные побуждения, неуважение к закону. Когда исследуется личность корыстного преступника, вскрываются конкретные механизмы прямой и обратной связи между лицами, совершающими корыстные преступления, и средой их обитания, специфика формирования и реализации мотива, выбора варианта и способа преступления.

С точки зрения организации эффективной борьбы с указанными преступлениями мало указать, что преступники захотели

совершить действия на сокрытие преступника, сокрыть орудия и средства совершения преступления и т.д. — надо выяснить, почему они захотели и совершили заранее не обещанное укрывательство, или оказали услуги изменения внешности преступника, или в процессе судебного рассмотрения дела предоставили ложную информацию, что помогло лицу, совершившему преступление избежать наказания? А для этого необходимо изучение личности в связи с теми явлениями, которые привели ее к преступлению.

Применительно к личности укрывателя указывалось на боязнь привлечения к уголовной ответственности близкого родственника, чувство товарищества, корысть, получение материальной выгоды, а также падение уровня нравственности и духовности.

Проанализировав приговоры суда по статье 316 УК РФ и сопоставив их со статистическими данными, автор пришёл к выводу, что обычно данный вид преступления совершают мужчины в возрасте 30–45 лет, имеющие высшее образование, пользующиеся уважением в обществе. Также они обычно состоят в браке. Ранее не были судимы, а преступление совершили под давлением общества. Зачастую они раскаиваются в содеянном и планируют больше не нарушать закон.

Достаточно распространена проблема совершения, заранее не обещанного укрывательства среди супругов и близких родственников. К сожалению, данная категория наиболее подвержена влиянию со стороны своей второй половинки, боясь привлечения к уголовной ответственности мужа, жену, детей и т.д.

Согласно примечанию к статье 316 Уголовного кодекса Российской Федерации «лицо не подлежит уголовной ответственности за заранее не обещанное укрывательство преступления, совершенного его супругом или близким родственником», статья 51 Конституции гласит «Никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется Федеральным законом».

Однако, названные причины не означают, что преступное поведение — лишь результат негативных влияний внешней среды на человека, а сам он в этом как бы не участвует. В преступном поведении отражены и генетически обусловленные задатки, и предрасположенности, темперамент, характер и т.д. Внешние условия не напрямую порождают преступное поведение. Они обуславливают внутренний духовный мир, психологию личности, которые в свою очередь становятся самостоятельным и активным фактором, опосредующим влияние социальной среды на неё. Человек, образно говоря, «выбирает» и усваивает те из них, которые в наибольшей степени соответствуют его психологической природе. Каждый индивид как личность — это продукт не только существующих отношений, но также своего собственного развития и самосознания.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ; федеральных конституционных законов от 04.10.2022 № 5-ФКЗ, от 04.10.2022 № 6-ФКЗ, от 04.10.2022 № 7-ФКЗ, от 04.10.2022 № 8-ФКЗ)
2. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 64-ФЗ [ред. от 23.03.2024] // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

3. Овсянникова К. Е. Укрывательство преступлений как отдельный вид преступлений: необходимость конкретизации нормы права. — СПб.: Неделя науки СПбПУ. — 2018. — 452 с.
4. Борзенкова Г. И. Курс уголовного права. Особенная часть. — м.: Зерцало-М. — 2002. — 319 с.

Понятие завещания: дискуссионный вопрос российской правовой доктрины

Гуткович Александра Дмитриевна, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

В статье рассматриваются проблемы определения понятия завещания. Проведен анализ позиции законодателя и научных точек зрения на данный дискуссионный вопрос российской правовой доктрины.

Ключевые слова: завещание, понятие, гражданское право, наследство.

The concept of a will: a controversial issue of the Russian legal doctrine

Gutkovich Aleksandra Dmitrievna, student master's degree
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

The article discusses the problems of defining the concept of a will. The analysis of the position of the legislator and scientific points of view on this controversial issue of the Russian legal doctrine is carried out.

Keywords: will, concept, civil law, inheritance.

Российская правовая система изобилует множеством различных понятий. Можно с уверенностью утверждать, что практически для любой сферы правоотношений понятийный аппарат, во-первых, первичен, во-вторых, существенен. Определяя понятийный аппарат, конкретизируя его элементы, законодатель обеспечивает уточнение множества аспектов, начиная от сущности той или иной дефиниции и оканчивая границами ее понимания.

Следует отметить, что напрямую понятие завещания в законодательстве не закреплено. В главе 62 Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (далее — ГК РФ) [1] имеется множество положений о порядке заключения завещания, однако, отсутствуют нормы относительно искомого понятия. Вместе с тем, по мнению некоторых авторов, сделать вывод о понятии завещания возможно, исходя из имеющихся положений ГК РФ, путем их систематизации и подробного анализа [8, С. 20–23.]. Сторонники законодательного подхода к определению завещания приводят различные формулировки исследуемого понятия.

Например, В. И. Серебровский писал о том, что под завещанием следует понимать акт распоряжения гражданином своим имуществом на случай своей смерти [9, с. 558]. Очевидно, что в данном случае прослеживается четкая взаимосвязь между определением и положениями ч. 1 ст. 1118 ГК РФ. Вместе с тем, опираться только на положения данной правовой нормы при определении понятия завещания, на наш взгляд, не совсем корректно.

Во-первых, в данной правовой норме речь идет не только о завещании, но и о наследственном договоре. В этой связи, не совсем понятно, в чем разница между указанными поня-

тиями, если каждое определяется только исходя из ч. 1 ст. 1118 ГК РФ.

Во-вторых, далее, в самой норме ст. 1118 ГК РФ имеется множество положений, дополнительно характеризующих понятие завещания. Очевидно, что данные положения также следует учитывать при определении искомого понятия.

Другое определение было предложено П. В. Сизовым и Ю. А. Кожиным. Согласно позиции данных авторов под завещанием следует понимать форму личного распоряжения дееспособным гражданином своим имуществом, путем указания в соответствующем формальном документе на судьбу такового на случай своей смерти [10, С. 201–204.]. Как можно заметить, в предложенном определении авторы опираются сразу на несколько положений ст. 1118 ГК РФ.

Во-первых, на ч. 1 ГК РФ — в части указания на случаи вступления в силу завещания (случай смерти), а также на правоприменительную природу завещания — распоряжение имуществом завещателя.

Во-вторых, на ч. 2 ст. 1118 ГК РФ — в части указания на то, что гражданин, который совершил завещание, должен быть полностью дееспособен. Это же подтверждается и в другом правовом документе, а именно в Методических рекомендациях по удостоверению завещаний и наследственных договоров, утвержденным решением Правления ФНП от 02.03.2021 № 03/21 [11].

В-третьих, это ч. 3 ст. 1118 ГК РФ — в части указания на личный характер завещания.

Имеются и иные интерпретации положения ст. 1118 ГК РФ по вопросу определения понятия завещания. Так, по мнению И. Л. Корнеевой завещание представляет собой одностороннюю сделку, которая создает права и обязанности после

открытия наследства [7, с. 89.]. Как видим, за основу определения в данном случае взята формулировка ч. 5 ст. 1118 ГК РФ.

А.С. Вьюшина определяет завещание как документ, имеющий юридическую силу только в том случае, если он подготовлен в соответствии со всеми правовыми нормами и процедурой его сертификации [6, С. 75–81.].

По мнению А.П. Альбова, завещание — это односторонняя сделка [5, с. 43.]. Среди признаков завещания, по мнению автора можно выделить следующие:

«Во-первых, завещание порождает возникновение наследственных правоотношений. Принятие наследства предполагает совершение юридически значимых действий наследника.

Во-вторых, завещание всегда носит личный характер. Особенности данного признака заключаются в необходимости личного подписания завещания, с учетом исключений, указанных в ч. 3 ст. 1125 ГК РФ.

В-третьих, способ распоряжения имуществом на случай смерти».

Таким образом, можно сделать вывод о следующих основных тенденциях, имеющих место при определении понятия и сущности завещания.

Во-первых, все авторы, обращающиеся к вопросу об определении понятия завещания, в однозначном порядке исходят из положений ГК РФ. В этом плане следует признать тот факт, что именно нормативно-правовой подход к решению рассматриваемого вопроса первичен.

Во-вторых, окончательные «набор» признаков, через которые определяется завещание, авторы определяют дифференцированно, в зависимости от широты своих собственных научных взглядов.

В-третьих, ключевым источником определения понятия завещания является ГК РФ, однако, с учетом определенных пояснений в другом правовом документе, а именно упомянутых

нами ранее Методических рекомендациях по удостоверению завещаний и наследственных договоров.

Таким образом, возможно сделать вывод о следующих основных признаках, определяющих завещание:

1. Цель совершения — распоряжение лицом своим имуществом на случай смерти;

2. Условия совершения — полная дееспособность и личный характер волеизъявления;

3. Формат совершения — односторонняя сделка, которая создает права и обязанности после открытия наследства.

Вопрос об определении понятия завещания весьма актуален в научных кругах. Проведенный обзор научных позиций по данному поводу позволил сделать вывод о следующих основных тенденциях.

Во-первых, все авторы, обращающиеся к вопросу об определении понятия завещания, в однозначном порядке исходят из положений ГК РФ. В этом плане следует признать тот факт, что именно нормативно-правовой подход к решению рассматриваемого вопроса первичен.

Во-вторых, окончательный «набор» признаков, через которые определяется завещание, авторы определяют дифференцированно, в зависимости от широты своих собственных научных взглядов.

В-третьих, ключевым источником определения понятия завещания является ГК РФ, однако, с учетом определенных пояснений в другом правовом документе, а именно упомянутых нами ранее Методических рекомендациях по удостоверению завещаний и наследственных договоров.

Проведя анализ позиций законодателя, правоприменителя и ученых, напрашивается вывод о том, что под завещанием следует понимать одностороннее распоряжение, которое оставляет завещатель на случай своей смерти в отношении принадлежащего ему имущества (его части) или имущественных прав.

Литература:

1. Часть третья Гражданского кодекса Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // Парламентская газета от 28 ноября 2001 г. № 224.
2. Решение Красногвардейского районного суда г. Санкт-Петербурга № 2–6885/2022 2–973/2023 2–973/2023(2–6885/2022);~М-5944/2022 М-5944/2022 от 26 сентября 2023 г. по делу № 2–6885/2022 // Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mCD45HBTpmJT/> (дата обращения: 26.03.2024).
3. Решение Крыловского районного суда Краснодарского края № 2–716/2023 2–716/2023~М-669/2023 М-669/2023 от 29 сентября 2023 г. по делу № 2–716/2023 // Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9sLnGOOA9nUt/> (дата обращения: 26.03.2024).
4. Решение Московского районного суда г. Чебоксары № 2–4091/2023 от 28 сентября 2023 г. по делу № 2–4091/2023 // Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9sLnGOOA9nUt/> (дата обращения: 26.03.2024).
5. Альбов, А. П. Наследственное право: учебник и практикум. — 2 — е изд. / А. П. Альбов. — М.: Юрайт, 2019. — С. 43.
6. Вьюшина, А. С. Проблемы признания наследника недостойным в Российской Федерации / А. С. Вьюшина, П. В. Шумов // *Дневник науки*. — 2020. — № 5 (41). — С. 75–81.
7. Корнеева, И. Л. Наследственное право: учебник и практикум для вузов / И. Л. Корнеева. — 6-е изд., испр. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. С. 89.
8. Новикова, В. В. Актуальные проблемы завещаний, сравнение с наследственным договором / В. В. Новикова, Д. И. Алтухова, М. А. Гармашев // *Тенденции развития науки и образования*. — 2024. — № 105–8. — С. 20–23.
9. Серебровский В. И. Очерки советского наследственного права. Избранные труды. — 2 изд., испр. и доп. — М.: Статут. — 2003. — 558 с.

10. Сизов П. В., Кожина Ю. А. Понятие, признаки и виды завещания // Теоретические и практические основы научного прогресса в современном обществе: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Саратов, 09 февраля 2024 года. — Стерлитамак: ООО «Агентство международных исследований», 2024. — С. 201–204.
11. Методические рекомендации по удостоверению завещаний и наследственных договоров (утв. решением Правления ФНП от 02.03.2021, протокол № 03/21) // СПС «Консультант Плюс» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_414568/cfd8f6fb01706852d1d7601b114bedaab3a202cb/#dst100029 (дата обращения: 26.03.2024).

Становление и развитие института оказания ветеринарных услуг в России

Давлетшин Руслан Рустэмович, студент магистратуры
Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Характер регулирования правоотношений, складывающихся по поводу оказания платных ветеринарных услуг имеет особую значимость как для государства в контексте обеспечения продовольственной и эпизоотической безопасности, так и для общества на любом этапе своего развития.

Актуальность исследования состоит в том, что на фоне возрастающей востребованности ветеринарных услуг, проблема складывающихся по их поводу правоотношений остается малоизученной и редко упоминаемой в юридической литературе, историко-правовой анализ становления института оказания ветеринарных услуг позволяет определить основную динамику и направления развития данного института.

Цель данной статьи состоит в выявлении основных исторических периодов и тенденций развития института оказания ветеринарных услуг в России.

Слово «ветеринария» происходит от латинского «*veterinarius*» — ухаживающий за скотом, лечащий скот. Впервые оно встречается в трактате римского писателя-агронома Колумеллы «О сельском хозяйстве» (1 в. н.э.) [2, с. 4].

Отношения, складывающиеся по поводу оказания ветеринарных услуг существовали с древнейших времен, с момента одомашнивания животных, в силу большой роли животноводства в жизни общества и необходимости наличия специальных знаний по лечению и уходу за животными. Однако само существование отношений не может однозначно свидетельствовать о каком-либо их правовом регулировании, тем более о регулировании в качестве специального института.

Первые упоминания о ветеринарной деятельности содержат древнейшие источники российского права: Русская правда (IX–XI века), Устав князя Владимира Святославовича (X–XI века) [4, с. 15]. Стоит отметить, что изучение развития правового регулирования института оказания ветеринарных услуг в России в данном периоде затруднено в связи с небольшим количеством дошедших до нас письменных источников. Однако наличие некоторых правовых норм в области ветеринарии в более поздних документах свидетельствует о постепенном развитии данного института.

Так, в качестве примера можно привести Соборное уложение 1649, которое содержало правила по торговле скотом и мясом, устройству мясных лавок и заготовке скота и провианта, а также Полный свод законов Российской Империи, в ко-

торой были включены меры по борьбе с чумой рогатого скота и некоторыми другими болезнями.

В 1868 году в связи с широким распространением инфекционных болезней и массовой гибелью животных создается Государственная ветеринарная служба России. [6, с. 74]. Данная служба в своей деятельности сосредоточилась на разработке и принятии мер по предупреждению и прекращению повальных и заразных болезней животных и практически не затрагивало отношения, складывающиеся между ветеринарными специалистами при оказании ими ветеринарных услуг.

Так, Н.В. Миногина отмечает, что регулирование ветеринарных отношений в России на протяжении данного периода в основном носило административно-правовой характер это борьба с эпизоотиями, правила по торговле скотом и продукцией животноводств [5, с. 14].

С начала революции 1917 года реформирование ветеринарного законодательства и системы управления. Сперва деятельность в этом направлении начало Временное правительство. Для этих целей в 1917 году были учреждены Временный центральный ветеринарный комитет, Коллегия ветеринарного управления, Главный ветеринарный совет при временно правительстве, Главный военно-ветеринарный комитет при Ветуправлении армии [3, с. 61]. В силу событий Великой октябрьской революции 1917 года, данные органы не успели проделать значимой работы.

Однако уже в 1923 году уже при установлении советской власти был утвержден Ветеринарный устав РСФСР, определяющий основы организации ветеринарных мероприятий и задачи ветеринарных учреждений и содержащий ряд положений о вольнопрактикующих ветеринарных специалистах.

С прекращением Новой экономической политики в конце 1920-х годов возникла необходимость дальнейшего преобразования ветеринарного законодательства. Учрежденный в 1929 году Народный комиссариат земледелия уделял особое внимание регулированию отношений между ветеринарными участками и хозяйствами соцсектора в области профилактических и противозооотических мероприятий, проведению лечебной работы строго не регламентировалось.

Так, циркуляр Народный комиссариат земледелия от 14 ноября 1929 г. «О направлении работы ветучастковой сети» содержал пункт о проведении решительной борьбы с чрезмерным увлечением большинства участковых ветработников

лечебной работой в ущерб массовым профилактическим мероприятиям [1, с. 45].

Характер проводимых преобразований в целом был обусловлен первоочередной необходимостью восстановления сельского хозяйства и обеспечением продовольственной безопасности и противодействию заразным болезням животных.

Оказание ветеринарных услуг в период с 1967 года производилось на бесплатной основе и только с принятием в 1986 г. Закона СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности граждан СССР» данное положение будет отменено и в СССР появляется большое количество ветеринарных специалистов, осуществляющих свою деятельность на возмездной основе индивидуально, а также в составе ветеринарных центров, кабинетов и т.д.

После распада СССР и образования Российской Федерации ветеринарное законодательство вновь нуждалось в реформировании. 14 мая 1993 года Верховным Советом Российской Федерации был принят Закон РФ «О ветеринарии», регулирующий большей частью административные вопросы, а 9 июля 1994 года Постановлением Правительства РФ были утверждены Правила оказания ветеринарных услуг, содержащих положения о сроках оказания ветеринарных услуг, устанавливающие права и обязанности исполнителя и потребителя ветеринарных услуг.

С введением в действие части второй Гражданского кодекса Российской Федерации в 1995 году в круг обязательств по возмездному оказанию услуг были включены ветеринарные услуги, а также определены основные направления и общие принципы регулирования общественных отношений по оказанию различных видов услуг.

Литература:

1. Алексеева, Л. В. Нормативные основы ветеринарии и мероприятия советского Правительства по ее развитию в 1920-е-1930-е годы // Вестник Нижневартговского государственного университета. — 2008. — № 3. — С. 37–45.
2. Домницкий И. Ю. История ветеринарной медицины: краткий курс лекций для обучающихся специальности 36.05.01 «Ветеринария» // ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ. — Саратов, 2017. — 49 с.
3. Донченко А. С., Самоловова Т. Н. Организационная структура и система управления ветеринарным делом в советской России (1917–1940 гг.) // Инновации и продовольственная безопасность. — 2017. — № 1 (15). — С. 59–82.
4. Иванюхина Н. В. Правовое регулирование договорных отношений по оказанию ветеринарных услуг (на примере города Москвы): дисс. канд. юрид. наук. Москва. 2009. — 166 с.
5. Миногина Н. В. Правовое регулирование договора возмездного оказания услуг. автореф. дисс. канд. юрид. наук. Москва, 2006. 28 с.
6. Юшкова Л. Я. Перспективы развития государственной ветеринарной службы России // Эффективное животноводство. — 2023. — № 3 (185). — С. 74–77.

Проблемы разграничения составов, предусмотренных пунктом «в» части 2 статьи 238 УК РФ и частью 2 статьи 109 УК РФ, совершенных врачами

Дымбрылова Ника Сергеевна, студент магистратуры
Байкальский государственный университет (г. Иркутск)

В статье автор проводит сравнение двух составов преступлений, закрепленных Уголовным кодексом РФ, а именно ч. 2 ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей» и п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ «Производство, хранение или перевозка в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение

В настоящее время правоотношения по оказанию ветеринарных услуг регулируются нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, содержащимися в главе 39 «Возмездное оказание услуг», Законом Российской Федерации от 14 мая 1993 года № 4979–1 «О ветеринарии», Законом Российской Федерации от 7 февраля 1992 года № 2300–1 «О защите прав потребителей» и постановлением Правительства Российской Федерации от 6 августа 1998 года № 898 «Об утверждении Правил оказания платных ветеринарных услуг».

Таким образом, история становления института оказания ветеринарных услуг в России насчитывает несколько этапов, которые можно условно разделить на:

- период преобладания гражданско-правового регулирования отношений, границы которого предлагается определить с начала возникновения Российского государства в 862 году до появления Государственной ветеринарной службы России в 1868 году;
- второй период характеризуется нарастающим административно-правовым регламентированием и сосредоточением ветеринарной деятельности в руках государства — с 1862 года до принятия Закона СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности граждан СССР» в 1986;
- третий период длится с 1986 года по настоящее время и характеризуется разворотом в сторону гражданско-правового регулирования и развитию частной системы ветеринарии при сохранении административно-правового регулирования в области борьбы с болезнями с заразными животных и обеспечения эпизоотической безопасности.

работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а равно неправомерные выдача или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности, которые повлекли по неосторожности смерть человека». Несмотря на существенную разницу в данных составах, на практике они зачастую применяются к аналогичным ситуациям, что говорит о наличии определенных проблем.

Ключевые слова: причинение смерти по неосторожности, ненадлежащее выполнение работ и услуг, ошибки медицинских работников, ненадлежащее оказание медицинской помощи.

Преступные деяния против жизни и здоровья являются отдельной категорией преступных деяний, объектом которых выступают общественные отношения, которым преступлением причиняется вред или создается угроза причинения такого вреда. Обращаясь к исследованиям, проводимым в прошлом столетии, в работах Гринберга М.С., Белокобыльского Н.Н. и Нерсесяна В.А. можно увидеть попытки систематизации преступлений, которые совершаются в форме неосторожности и их выделения в отдельную категорию преступлений, обособляя их от умышленного причинения вреда. Несмотря на наличие таких попыток, их результата в ныне действующем уголовном законе мы не наблюдаем, и отдельной главы, которая бы регулировала неосторожные преступления, в УК РФ нет.

В качестве одних из самых обсуждаемых преступлений, которые совершаются с неосторожной формой вины, сегодня выступают ст. 109 (причинение смерти по неосторожности) и конкретно исследуемый нами ч. 2 (причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих обязанностей) и по сути регламентирующий такое же ненадлежащее выполнение работ и оказание услуг, повлекшее по неосторожности смерть — п. в ч. 2 ст. 238 УК РФ [1]. Можно уже исходя из формулировок отметить высокую степень схожести данных составов, однако основное их отличие в тяжести преступлений, так ст. 109 УК РФ — это преступление небольшой тяжести, а ст. 238 УК РФ — это тяжкое преступление.

Очевидно, что в большинстве случаев данные статьи касаются ненадлежащего оказания медицинской помощи. И.В. Тимофеев пишет, что «одной из главных проблем ответственности медицинских работников является установление причин, условий и причинных связей в случаях наступления летального исхода при обстоятельствах, связанных с ненадлежащим исполнением служебных обязанностей медперсоналом» [9, с. 27].

Обратимся к судебной практике по исследуемым составам.

Например, врач-хирург Х. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, и приговорен к двум годам лишения свободы с запретом заниматься врачебной деятельностью сроком на два года. Обстоятельства указанного дела следующие: потерпевший А. был доставлен медицинской каретой скорой помощи в хирургическое отделение, где работал Х. с предварительным диагнозом, который ему поставили врачи скорой — закрытая черепно-мозговая травма. Указанный диагноз врачами скорой был сообщен хирургу Х., однако последний решил обойтись визуальным осмотром потерпевшего без назначения каких-либо рентгенологических исследований. Такой осмотр ничего не выявил, кроме фиксации синяков и ссадин, и Х. принял решение об отсутствии необходимости госпитализации потерпевшего. Потерпевший А. скончался в этот же день от кровоизлияния. [6]

Как представляется, следующий пример из практики — аналогичный, но квалифицирован уже по ч. 2 ст. 109 УК РФ. Скорой помощью в терапевтического отделения была доставлена потерпевшая П., которая, почувствовав недомогание, звала скорую помощь. Врач скорой помощи, осмотрев потерпевшую и исследовав имеющиеся результаты исследований, обозначила картину болезни и диагностировала ишемическую болезнь сердца. Когда скорая привезла П. в больницу, терапевт уже была проинформирована о том, что ей везут пациентку с сердечным приступом. При первичном осмотре терапевт с. не стала узнавать клиническую картину и не изучила документы, предоставленные скорой помощью. Инфаркт миокарда, с которым привезли потерпевшую П., был воспринят терапевтом как остеохондроз и защемление грудного отдела позвоночника, который требует осмотра невролога. Потерпевшая П. была отпущена домой и через несколько часов той же бригадой скорой помощи была зафиксирована ее смерть [5].

По представленным примерам мы видим по своей сути одну картину — некавалифицированное оказание медицинской помощи привело к смерти. Разница в квалификации представленных деяний видится в несовершенстве законодательных норм не только уголовных но и регулятивных. Законодатель определил медицинскую помощь как «комплекс мероприятий, включающих в себя предоставление медицинских услуг» [2], отождествив тем самым понятие лечения и оказание услуг. Указанное обстоятельство не позволяет отграничить друг от друга составы преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 109 и п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ, применительно к медицинской помощи, так как «любая медицинская услуга, оказанная ненадлежащим образом, не отвечает требованиям безопасности жизни или здоровья потребителя» [3].

Если обратиться к элементам рассматриваемых составов преступлений, то в первую очередь их отличие состоит в разнице объектов посягательства. Так, в качестве непосредственного объекта по ст. 109 УК РФ выступает жизнь и здоровье человека, а в ст. 238 УК РФ здоровье населения и общественное благополучие. Здесь важно отметить, что при ненадлежащем оказании медицинской помощи причинение вреда обществу возможно только в случае, если оно является систематическим, а разовое причинение, как представляется все же не наносит вреда именно этим отношениям. Так, П. был приговорен к лишению свободы по п. в ч. 2 ст. 238 УК РФ так как из-за неверного диагноза умер его пациент Р. Причинение вреда здоровью населения, а не конкретного человека тут заключалось в том, что П. неправильно использовал вверенный ему аппарат для лазерной терапии, что и не позволяло ему ставить верные диагнозы [4].

Также по своей сути у исследуемых составов разница существует и в объективной стороне. Так, в ч. 2 ст. 109 УК РФ объективная сторона выражена ненадлежащим исполнением профес-

сиональных обязанностей, а в п. в ч. 2 ст. 238 УК РФ действиями, которые образуют объективную сторону выступает предоставление услуг, которые не отвечают требованиям безопасности (тут важно понять какие именно требования безопасности для каких услуг установлены, так как законодательно они не закреплены).

Е. В. Сильченко справедливо разделяет преступления против жизни и здоровья и преступления, предусмотренные ст. 238 УК РФ, по признакам объективной стороны, указывая на то, что круг обязанностей врача, оказывающего медицинскую помощь, нарушение которых при наличии иных признаков состава преступления подлежит квалификации по ст. 238 УК РФ, ограничен только безопасным использованием медицинских изделий, а при невыполнении иных профессиональных обязанностей содеянное следует квалифицировать по статьям, предусмотренным главой 16 УК РФ» [8, с. 70].

Также рассматриваемые составы отличаются и по субъекту преступления. Относительно ч. 2 ст. 109 УК РФ законодателем четко установлено наличие специального субъекта в виде «лица осуществляющего свои профессиональные обязанности».

В свою очередь в ст. 238 УК РФ никаких специальных требований к субъекту преступления не установлено, что делает применение рассматриваемой статьи достаточно широким так как, например за надлежащее обеспечение качества медицинских услуг ответственность должны нести в том числе и руководители медицинской организации. В своем исследовании на данный факт указал О. Н. Дунин указав, что «квалифицировать как оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности, повлекших по неосторожности причинение смерти, надлежит лишь деяния лица, обеспечивающего организацию лечебно-профилактической, административно-хозяйственной и финансовой деятельности организации [7, с. 351].

Как видно из представленного исследования, рассматриваемые составы преступлений имеют достаточное количество различий, которые на практике не принимаются во внимание. Представляется, что конкуренция данных норм может быть устранена только на законодательном уровне путем включения в УК РФ специального состава преступления — «ненадлежащее оказание медицинской помощи».

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 14 февраля 2024 г.). Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21 ноября 2011 № 323-ФЗ (ред. от 25 декабря 2023 г.). Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
3. О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных статьей 238 Уголовного кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 18. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
4. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 12 августа 2021 г. по делу № 77-1633/2021. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
5. Приговор Шацкого районного суда Рязанской области от 4 августа 2017 г. по делу № 1-2/2017(1-70/16). Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
6. Приговор Людиновского районного суда Калужской области от 27 июля 2018 г. по делу № 1-1-45/2018. Доступ из справочно-правовой системы КонсультантПлюс.
7. Дунин О. Н. К вопросу об уголовной ответственности медицинских работников за причинение смерти по неосторожности // Электронный научный журнал Байкальского государственного университета. 2023. № 1. Т. 14. С. 347-353.
8. Сильченко Е. В. К вопросу о возможности признания медицинских работников субъектами преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. — 2020. Т. 7. № 3. С. 69-73.
9. Тимофеев И. В. Причинно-следственные связи медицинского вмешательства и негативного исхода в клинической практике (философские и юридические аспекты проблемы) // Медицинское право. 2021. № 6. С. 25-33.

Понятие и признаки неотложных следственных действий

Журкина Анастасия Валерьевна, студент магистратуры
Дальневосточный юридический институт МВД России (г. Хабаровск)

В статье рассмотрены особенности проведения неотложных следственных действий, выделены особенности их проведения, показаны их признаки, отличающие от иных процессуальных действий.

Ключевые слова: неотложные следственные действия, следователь, орган дознания.

В уголовном процессе на начальном этапе расследования актуальным является быстрое принятие решений и произ-

водства следственных действий, которые позволяют в короткий срок собрать доказательства. Они именуется неотложными

следственными действиями. Правовой основой их производства являются п. 19 ст. 5 УПК РФ, где дано понятие неотложных следственных действий, а также ст. 157 УПК РФ, в которой приводятся ключевые требования к их производству.

Как институт уголовного процесса неотложные следственные действия представляют собой особый предмет исследования. Учеными, изучающими их правовую природу, приводятся различные мнения об их юридической сущности и месте в уголовном судопроизводстве.

Так, А. С. Есина и Е. Н. Арестова видят в неотложных следственных действиях особую форму предварительного расследования [1].

Иной взгляд высказывает А. В. Смирнов. В его работе неотложные следственные действия получают статус первоначального этапа расследования, на которой ввиду неотложности совместно идут следователь и орган дознания [2].

А. П. Рыжаков выделяет неотложные следственные действия в качестве самостоятельной формы предварительного расследования. Иными формами является следствие, дознание. Смешанная форма, о которой говорит автор, включает в себя неотложные следственные действия и следующее за ним предварительное следствие [3].

В. Вандышев считает, что неотложные следственные действия являются исключительной стадией уголовного судопроизводства, осуществляемой органами дознания. При этом их следует признавать частью предварительного расследования [4].

Проведенный анализ определений позволяет сделать следующие выводы:

1) Неотложные следственные действия являются особой формой процессуальной деятельности, которая является частью предварительного следствия.

2) Неотложные следственные действия не являются частью только дознания или только следствия. Они являются комплексным правовым институтом, основанным на особых нормах уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемых в стадии предварительного расследования

Процессуальное содержание неотложных следственных действий как правового института характеризуется рядом свойств, позволяющих отграничить их от смежных институтов:

1) Признак первостепенности. Неотложные следственные действия проводятся в самом начале расследования и являются действиями первостепенной важности. Они необходимы для фиксации первой полученной информации о событии преступления. Если эти сведения не зафиксировать, то сведения будут безвозвратно утеряны. Например, если своевременно не начать осмотр места происшествия, то следы уничтожить дождь. Если не произвести обыск, то подозреваемые уничтожат следы или орудия преступления.

2) Признак самостоятельности, который позволяет признать, что неотложные следственные действия могут быть проведены только по уголовным делам, следствие по которым обязательно. В случае рассмотрения дела в форме дознания институт неотложных следственных действий не применяется [5].

3) Признак регулятивности проявляется в создании системы взаимодействия между субъектами, уполномоченными проводить следственные действия. Следователь в случае необ-

ходимости может привлечь к проведению следственных действий орган дознания или лиц, уполномоченных произвести дознания. Выполнение производства следственного действия иным уполномоченным субъектом на основании отдельного поручения является способом качественной организации расследования.

4) Признак процессуальной «ограниченности», допускающий проведение только ограниченного числа следственных действий, которые могут получить статус неотложных. Имеются такие следственные действия, которые в силу своего значения не могут иметь статус неотложности (очная ставка, следственный эксперимент и др.).

5) Отдельные неотложные следственные действия характеризуются признаком процессуальной исключительности. Он в силу необходимости могут быть признаны неотложными, так как без его проведения могут быть утрачены какие-либо доказательства. Они допускаются только в исключительных обстоятельствах (допрос в ночное время, проведение следственного действия без разрешения судьи и др.). Если исключительность не будет доказана, то и необходимость их проведения будет оспорена. Например, защитник подозреваемого оспорил законность проведения обыска в жилом помещении. Основанием для обращения в суд стало отсутствие исключительности обстоятельств, препятствующих проведению следственного действия в общем порядке [5].

6) Признак целенаправленности. Он позволяет признать, что благодаря таким следственным действиям могут быть решены уголовно-процессуальные задачи начального этапа расследования (возбуждение уголовного дела, закрепление доказательств и др.)

7) Оперативность неотложных следственных действий. Она выражается в необходимости быстрого и качественного осуществления расследования по уголовному делу. Необходимость и допустимость их использования в уголовном процессе связывает именно с быстротой реакции на какое-либо событие. Например, совершено убийство. Требуется проведение осмотра места происшествия. Оно проводится в максимально короткие сроки уполномоченными лицами.

8) Процессуальная детерминированность производства неотложных следственных действий выражается в допуске к проведению следственных действий лиц, которые в силу обстоятельств могут быть уполномочены их проводить. Например, капитан корабля в море проводит неотложные следственные действия, так как за время следования в порт доказательства будут утеряны.

Таким образом, неотложные следственные действия являются процессуальной деятельностью органа дознания, заключающейся в том, что при выявлении признаков преступления, по которому обязательно производство предварительного следствия, и при невозможности незамедлительного возбуждения дела следственным органом, который правомочен производить по нему расследование, орган дознания возбуждает уголовное дело, производит в срок, не превышающий 10 суток, следственные действия, направленные на фиксацию следов преступления, после чего передает уголовное дело следователю. Процессуальное содержание неотложных след-

ственных действий как правового института характеризуется рядом признаков, таких как первостепенность, оперативность, процессуальная детерминированность их производства, процессуальное исключение.

Литература:

1. Есина А. С., Арестова Е. Н. Дознание в органах внутренних дел: учеб. пособие. М., 2003. С. 37.
2. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. Авторский курс. М., 2021. С. 115. |
3. Рыжаков А. П. Уголовный процесс. М., 2015. С. 200.
4. Гельдибаев М. Х., Вандышев В. В. Уголовный процесс. М., 2022. С. 118.
5. Исаевская А. М., Купряшина Е. А. Некоторые проблемы при производстве неотложных следственных действий // Наука и образование в жизни современного общества: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. М., 2015. С. 56.
6. Обзор судебной практики Белгородского областного суда по уголовным делам за июль 2013 года // Информационный бюллетень Белгородского областного суда. 2013. № 8.

Актуальные проблемы уголовно-правовой характеристики вымогательства

Зиновьева Дарья Викторовна, студент;
Клименкова Елизавета Михайловна, студент;
Джораев Гороглы, студент магистратуры;
Южиков Александр Александрович, кандидат юридических наук, доцент
Астраханский государственный технический университет

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы уголовно-правовой характеристики вымогательства. Описывается понятие вымогательства и его распространенность, а также анализируется состояние законодательства, проблемы судебной практики и необходимость внесения изменений.

Ключевые слова: вымогательство, уголовно-правовая характеристика, законодательство, судебная практика.

Введение. В современном обществе вымогательства являются одной из наиболее актуальных и серьезных угроз личной и экономической безопасности. Уголовно-правовая характеристика вымогательства играет определяющую роль в правовом регулировании данного преступления. Актуальные проблемы уголовно-правовой характеристики вымогательства требуют немедленного внимания и решительных действий со стороны правоохранительных органов, правительственных и неправительственных организаций.

Основная часть. Вымогательство является одним из наиболее распространенных видов преступлений в современном обществе. Оно характеризуется использованием угроз или насилия для получения материальных или иных благ от потерпевшего. В связи с этим, вопросы уголовно-правовой характеристики вымогательства остаются актуальными и требуют постоянного внимания со стороны законодателей и правоохранительных органов.

В настоящее время проблемы уголовно-правовой характеристики вымогательства в Российской Федерации являются актуальными и вызывают большую общественную озабоченность. Вымогательство как одно из тяжких преступлений против имущества имеет серьезные последствия для жертвы и общества в целом.

К предмету вымогательства по смыслу статьи 163 УК РФ относится, в частности, чужое (то есть не принадлежащее виновному на праве собственности) имущество, а именно вещи,

включая наличные денежные средства, документарные ценные бумаги; безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, а также имущественные права, в том числе права требования и исключительные права. [4]

Вымогательство является одним из наиболее распространенных экономических преступлений, часто связанным с организованной преступностью. Законодательство различных стран предусматривает уголовную ответственность за вымогательство, определяя соответствующие наказания для лиц, совершивших данное преступление.

Вымогательство может происходить как в реальной жизни, так и в виртуальном пространстве. Например, в сети Интернет существует так называемое «компьютерное вымогательство» или «кибервымогательство», когда злоумышленники угрожают раскрытием личной информации, блокировкой доступа к данным или другими способами, чтобы добиться финансовых выгод.

Важно отличать вымогательство от других видов преступлений, таких как мошенничество или разбой. При вымогательстве основное действие направлено на принуждение к передаче имущества путем угрозы или насилия, в то время как при мошенничестве главной целью является обман потерпевшего, а при разбое — применение физической силы для завладения имуществом. [8]

Законодательство направлено на эффективное противодействие вымогательству и предусматривает строгое наказание для его совершителей. Лица, пострадавшие от вымогательства,

имеют право обратиться в правоохранительные органы для защиты своих прав и интересов. [5]

Согласно статье 163 части 2 УК РФ, вымогательство, совершенное: группой лиц по предварительному сговору; с применением насилия; в крупном размере, — наказывается лишением свободы на срок до семи лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового. А согласно части 3, вымогательство, совершенное: организованной группой; в целях получения имущества в особо крупном размере; с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, — наказывается лишением свободы на срок от семи до пятнадцати лет со штрафом в размере до одного миллиона рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до пяти лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового [2].

Первая проблема, с которой сталкиваются правоохранительные органы и судебные инстанции, заключается в определении и доказательстве факта вымогательства. Часто преступники используют различные методы психологического давления, усиливая страх жертвы и делая сложным выявление прямых угроз и требований. Это может затруднять судебный процесс и создавать преграды для надлежащего привлечения виновных к ответственности. Именно поэтому необходимо разработать и внедрить эффективный комплекс мер по борьбе с вымогательством.

Вторая проблема связана с низкой эффективностью санкций, предусмотренных за вымогательство в российском уголовном законодательстве. Несмотря на то, что за это преступление предусмотрена достаточно высокая максимальная мера наказания, суды в практике нередко назначают более мягкие санкции в силу различных обстоятельств, таких как понижение степени общественной опасности преступления или смягчающие обстоятельства. Это значительно снижает степень ответственности преступников и влияет на общую картину борьбы с вымогательствами.

Третья проблема связана с обеспечением безопасности жертвы и привлечением свидетелей. Часто вымогательство сопровождается угрозами и насилием, что создает опасность для жизни и здоровья жертвы и ее близких. Важно, чтобы правоохранительные органы обеспечивали высокий уровень защиты для потерпевших, предоставляли им необходимую помощь и содействие. Кроме того, активное привлечение свидетелей и защита их интересов является залогом успешного разбирательства по делам о вымогательстве.

Четвертая проблема связана с взаимодействием правоохранительных органов и судебных инстанций при рассмотрении дел о вымогательстве. Возникают трудности в согласовании между ними, что замедляет проверку и расследование преступлений. Необходимо улучшить координацию действий и информационное взаимодействие между всеми участниками

уголовно-правового процесса для более эффективной борьбы с вымогателями.

Кроме того, необходимо обратить внимание на возникновение новых форм вымогательства в современном обществе. Вместе с технологическим прогрессом появляются новые возможности для вымогателей, например, использование интернета и социальных сетей для совершения преступлений. Это создает новую угрозу и требует разработки новых подходов к противодействию. [6]

В рамках уголовно-правовой характеристики вымогательства также необходимо обратить внимание на предупреждение этого преступления. Кроме привлечения виновных к ответственности, важно создать эффективную систему профилактики — освещение проблемы в СМИ, проведение просветительской работы с общественностью, популяризация правовых норм и совершенствование методов реагирования правоохранительных органов на проявления вымогательства.

Важным аспектом является необходимость улучшения судебной системы и судебной практики. Жертвы вымогательства должны получать справедливое разрешение своих дел, а виновные должны быть строго наказаны. Судебные решения должны быть законными, обоснованными и справедливыми, чтобы общественность имела доверие к судебным органам и веру в эффективность борьбы с вымогательством. [7]

Борьба с вымогательством требует комплексного подхода, включая законодательные меры, обучение населения правилам безопасности, укрепление правопорядка и эффективную работу правоохранительных органов. Важно также поддерживать жертв вымогательства и предоставлять им необходимую помощь и защиту.

Выводы. В целом, актуальные проблемы уголовно-правовой характеристики вымогательства в Российской Федерации требуют серьезного внимания и системных изменений. Необходимо разрабатывать меры для более эффективного выявления и пресечения данного вида преступлений, повышать наказуемость вымогательства и обеспечивать безопасность жертв. Только тогда можно рассчитывать на снижение уровня вымогательств и создание безопасной и справедливой обстановки в обществе.

Важно уделить внимание профилактике вымогательства через проведение информационно-просветительской работы среди населения о методах защиты от вымогательства и о последствиях совершения данного преступления. Необходимо также укреплять механизмы сотрудничества между правоохранительными органами, банками, предприятиями и общественными организациями для оперативного обмена информацией и координации действий по предотвращению и пресечению вымогательства. Важно также обеспечить поддержку жертв вымогательства, включая психологическую помощь и правовую поддержку, чтобы помочь им преодолеть последствия преступления и вернуться к нормальной жизни.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.].

2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ (ред. от 14.02.2024).
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 14.02.2024).
4. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. N56 г. Москва «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)».
5. Грудинин Н. С. Современное состояние и статистика вымогательств в Российской Федерации // Научный вестник Крыма. 2018. № 2 (13).— С. 17.
6. Далгалы, Т. А. Преступления против общественной безопасности. Криминологический, международный и сравнительно-правовой аспекты: учебное пособие для вузов / Т. А. Далгалы, Д. Ж. Гостькова.— Москва: Издательство Юрайт, 2024.— 166 с.
7. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др.— М.: ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018.— 86 с.
8. Эрдолатов Ч. С. Способ совершения вымогательства как элемент криминалистической характеристики преступления // Полицейская и следственная деятельность. 201. № 3.— С. 20–25.

Юридическая сущность отказа в возбуждении уголовного дела

Зошук Ирина Арунасовна, слушатель магистратуры
Дальневосточный юридический институт МВД России (г. Хабаровск)

В статье рассмотрены особенности отказа в возбуждении уголовного дела. Дано понятие стадии возбуждения уголовного дела, и отказ в возбуждении уголовного дела рассмотрен как один из вариантов ее завершения. Приведены исторические факты, показана юридическая сущность и перечислены основания прекращения уголовного дела.

Ключевые слова: стадия возбуждения уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, основания, признаки, форма окончания производства.

Уголовное судопроизводство включает в себя ряд стадий, которые последовательно разворачиваются по мере разрешения уголовно-правового конфликта. Первой стадией, имеющей самостоятельный характер, является возбуждение уголовного дела. Правовое регулирование данного процессуального этапа осуществляется на основании ст. 140–149 УПК РФ.

Стадия возбуждения уголовного дела не имеет легального определения. Современными учеными с учетом действующего законодательства предложены разные варианты определений. В. Н. Яшин и А. В. Победкин определяют стадию возбуждения уголовного дела как «совокупность норм права, регламентирующих группу однородных общественных отношений, в данном случае отношений, возникающих в ходе деятельности по рассмотрению и разрешению заявлений и сообщений о преступлениях» [1].

А. А. Усачев возбуждение уголовного дела понимает как «совокупность процессуальных норм, регулирующих процессуальные действия дознавателя, органа дознания, следователя, прокурора или пострадавшего (по делам частного обвинения), связанные с началом уголовного судопроизводства» [2].

Стадию возбуждения уголовного дела необходимо признать неким процессуальным «фильтром», который с юридической точки зрения отсеивает информацию, определяющую необходимость государственного вмешательства и защиты интересов граждан. Если не имеется оснований для вмешательства государства в отношения граждан, то и уголовное дело не будет возбуждено. Предполагается, что правовой конфликт может быть разрешен административно-правовыми или гражданско-пра-

вовыми средствами. В любом случае отказ в возбуждении уголовного дела является средством экономии процессуальных средств и ресурсов.

Отказ возбуждения уголовного дела является неотъемлемой частью процедуры возбуждения уголовного дела. Отказ возбуждения уголовного дела отражает итог проведенной работы по проверке сообщения о преступлении. Деятельность в стадии возбуждения уголовного дела должна быть признана исключительно процессуальной. На это указывает порядок сбора объяснений, производства экспертиз носят процессуальный характер, производства отдельных следственных действий.

В науке уголовного процесса анализ юридической сущности отказа возбуждения уголовного дела, как и само это понятие впервые было введено М. С. Строговичем [3]. До него применялись различные конструкции: «отказ в производстве расследования», «отказ в дознания» и др. Такая формулировка стала общепризнанной и впервые была закреплена в ст. 113 УПК РСФСР 1961 г.

Институт отказа возбуждения уголовного дела получил нормативное закрепление в п. 2 ч. 1 ст. 145 и 148 УПК РФ. В них перечислены основания отказа возбуждения уголовного дела, определен процессуальный порядок его закрепления и порядок обжалования.

Отказ в возбуждении уголовного дела представляет собой консолидированный комплекс норм уголовного процесса, определяющий порядок проверки сообщений о преступлении и вынесения процессуального решения. Комплексность существующих норм, регулирующих порядок прекращения процес-

суальных действий в рамках уголовного судопроизводства, позволяет признать его институтом уголовного процесса. Наряду с иными институтами (проверка сообщения о преступлении (ст. 140–144 УПК РФ), рассмотрение ходатайств и жалоб (ст. 124 и 125 УПК РФ)) отказ в возбуждении уголовного дела решает важные процессуальные задачи, направленные на разрешение правового конфликта.

Отказ возбуждения уголовного дела как правовой институт решает следующие процессуальные задачи:

- 1) дает возможность исключить неоправданное преследование лица, подозреваемого в совершении преступления;
- 2) позволяет не допустить неоправданное использование человеческих и материальных ресурсов, перераспределив их на те преступления, которые действительно причинили вред общественным интересам;
- 3) позволяет проводить профилактику правонарушений и преступлений, которые при схожих условиях могли бы быть совершены в будущем;
- 4) дает возможность формировать у граждан уверенность в справедливости уголовного закона [4].

Процессуальный порядок отказа возбуждения уголовного дела схож с иными процедурами стадии уголовного процесса. По своей правовой природе он близок с институтом прекращения уголовного дела. В уголовном процессе прекращение уголовного дела представляет собой форму окончания уголовно-процессуального производства, которая выражается в процессуальном акте, означающим отказ от дальнейшего ведения производства по делу.

Различие между названными институтами состоит в том, что отказ возбуждения уголовного дела связан с начальной стадией производства, а прекращение уголовного дела может быть осуществлено на последующих стадиях. Они имеют и разные последствия, заключающиеся в реализации прав на реабилитацию [5].

Перечень причин, дающих повод отказать в возбуждении уголовного дела, в уголовно-процессуальном законодательстве определен исчерпывающе. Он изложен в ст. 24 УПК РФ. Кроме того, основанием отказа в возбуждении уголовного дела может быть информация о применении акта амнистии (п. 3 ч. 1 ст. 27 УПК РФ). Его установление служит соблюдению принципа законности в уголовном процессе, так как позволяет защитить права физических и юридических лиц, пострадавших от преступления. Практическое значение формулировки оснований отказа в возбуждении уголовного дела состоит в определении причин активности следователя (дознателя) для установления истины в уголовном процессе [6].

Чаще всего основания отказа возбуждения уголовного дела делятся на материальные и процессуальные. Матери-

альные основания связаны с отсутствием признаков преступления, предусмотренных уголовным законодательством. Например, в примечаниях к ст. ст. 205, 206, 223, 275, 307, 316 УК РФ содержатся материально-правовые основания отказа в возбуждении уголовного дела, проверка которых не требует проведения расследования. Необходимо при этом отметить, что в уголовно-процессуальном законодательстве данные основания отказа возбуждения уголовного дела не упоминаются.

Процессуальные основания не позволяют продолжить уголовное преследование ввиду наличия некоторых обстоятельств, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством. Они представляют собой обстоятельства, наличие которых с точки зрения уголовного права не исключает факта преступления и наказания за содеянное. Однако, в силу требования процессуального закона устраняет возможность возбуждения уголовного дела и ведения следствия. Такими обстоятельствами могут быть отсутствие заявления потерпевшего, если речь идет о делах частного обвинения; отсутствие заключения суда о наличии признаков преступления либо отсутствие согласия Совета Федерации, Государственной Думы РФ, Конституционного Суда РФ, квалификационной коллегии судей на возбуждение уголовного дела в отношении соответствующих категорий лиц [7].

Наиболее популярной классификацией оснований отказа возбуждения уголовного дела является деление на реабилитирующие и нереабилитирующие. Критерием классификации в данном случае является последствия принятия решения по итогам проверки сообщения о преступлении.

Понятие реабилитирующих оснований связано с установление факта, что некое лицо не совершало преступного деяния или само действие не является преступным. Перечень реабилитирующих оснований указан в п. 1–2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Нереабилитирующие основания предполагают, что совершенное деяние все же имеет преступный характер, и при других обстоятельствах лицо было бы наказано, но ввиду наличия неких процессуальных особенностей уголовное дело не может быть возбуждено. Перечень таких обстоятельств установлен в п. 3–6 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Таким образом, начало уголовного судопроизводства связано с возбуждением уголовного дела. Этот этап расследования завершается принятием процессуального решения о возбуждении уголовного или отказе от возбуждения уголовного дела. Отказ возбуждения уголовного дела представляет собой комплексный правовой институт, часть процедуры возбуждения уголовного дела. Он выполняет важную задачу недопущения необоснованного преследования гражданина, а также неоправданного использования ресурсов государства.

Литература:

1. Григорьев, В.Н., Победкин А. В., Яшин В. Н. Уголовный процесс: учебник. М.: Эксмо, 2019. С. 98–99.
2. Уголовный процесс: учебник для вузов / под ред. А. А. Усачева. М.: Юрайт, 2020. С. 154.
3. Строгович М. с. и др. Краткое руководство по ведению предварительного следствия. М.1938. С. 6.
4. Иванова У.А. Значение и необходимость стадии возбуждения уголовного дела и института отказа в возбуждении уголовного дела // Аллея науки. 2019. Т. 1. № 5 (32). С. 713.

5. Дмитриева В. А. Прекращение уголовного дела и прекращение производства по уголовному делу // Сборник статей по материалам 74-й научно-практической конференции студентов по итогам НИР за 2018 год «Научное обеспечение агропромышленного комплекса». М, 2019. С. 1149.
6. Смирнов А. В., Калиновский К. Б. Уголовный процесс. М., 2021. С. 335.
7. Магомедова П. А. Основания отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела // В сборнике «Проблемы совершенствования законодательства. Сборник научных статей студентов юридического факультета». Махачкала, 2019. С. 86.

Этические проблемы поведения адвоката в уголовном судопроизводстве

Ибрагимов Ренат Ибрагимович, студент;

Павлюс Илья Владимирович, студент

Научный руководитель: Ляхова Анжелика Ивановна, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В данной научной статье рассматриваются этические проблемы поведения адвоката в контексте уголовного судопроизводства. Исследование охватывает различные аспекты, включая принципы независимости, конфиденциальности и уважения суда. Через призму данных принципов авторы раскрывают сущность этических проблем, с которыми может столкнуться адвокат в процессе правозащитной деятельности. Кроме того, статья анализирует соответствие поведения адвоката профессиональной этике и законодательству.

Ключевые слова: адвокат, защитник, этические проблемы, правозащитная деятельность, независимость, конфиденциальность, уважение суда.

В современной правовой системе адвокаты играют важную роль в обеспечении справедливости и соблюдении прав человека в уголовном судопроизводстве. Однако, выполнение своих профессиональных обязанностей в данной сфере может сталкивать адвокатов с различными этическими проблемами. Эти вопросы остаются темой активных обсуждений в юридическом сообществе всего мира. Целью данной статьи является рассмотрение основных этических проблем, с которыми сталкиваются адвокаты в уголовном судопроизводстве.

По данной проблематике ни раз высказывался Евгений Владимирович Васьковский — один из самых известных советских деятелей юриспруденции, считаем целесообразным в контексте и нынешних реалий упомянуть его позицию — «ни одна профессия не представляет для нравственности занимающихся ею таких соблазнов, как адвокатура, ибо адвокат, будучи специалистом в правоведении, может облечь в законную форму любую уловку, любой подвох» [1, с. 31]. Данная позиция видится нам более чем обоснованной, поскольку сущность адвокатской деятельности во многом подвержена дуализму, выраженному в балансе между частными интересами доверителя, отражающие его эгоистичные мотивы и публичными интересами общества и всего государства, нацеленные на изобличение и санкционирование виновных.

Вследствие раннее сказанного, работа адвоката в уголовном судопроизводстве предполагает соблюдение строгих этических стандартов и правил. Профессиональный кодекс этики устанавливает основные правила поведения адвокатов, включая обязательства по сохранению независимости и конфиденциальности, уважения к суду и применение честных тактик при защите прав своего клиента. Несоблюдение этических стандартов или их искаженное соблюдение введет к появлению *этических проблем*,

которые, в свою очередь, подразумевают серьезные последствия для адвоката, включая дисциплинарные меры и потерю лицензии на осуществление адвокатской деятельности. Исходя из законов логики, следует начать с независимости.

Согласно мнению Эдмунда Пикара, следует рассматривать независимость адвоката как «его важнейший долг по отношению к самому себе» [2, с. 23]. На наш взгляд, данная позиция соответствует истине, поскольку подобное видение нашло подтверждение не только в доктрине, но и разделено позицией законодателя нашей страны. Так, в Федеральном законе «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» несколько раз уделяется особое внимание данному принципу [3] защитительной деятельности, что свидетельствует о ее главенстве и важности в работе адвоката. Говоря о последней, подразумевается, что защитник должен быть свободен от любого рода давления при осуществлении правозащитной деятельности как со стороны «частного сектора», так и со стороны государства в лице его органов.

Однако, независимость адвоката обладает рядом своих нюансов, то правовое наполнение, которым обладает данный принцип, формирует весьма размытые границы не сколько его понимания, а сколько применения на практике. В подтверждение нашей позиции, считаем корректным сослаться на слова крупнейшего отечественного криминалиста — Ивана Яковлевича Фойницкого. По мнению автора — «широкие границы независимости адвоката оправданы тем, что защитник в уголовном процессе представляет обвиняемого, а не просто является толкователем его желаний» [4, с. 70]. По мнению автора, представитель доверителя по определению наделен правами и компетенцией, позволяющие ему огласить суду в ходе разбирательства доказательства, «играющие на руку» стороне

защиты, но являющиеся оскорбительными или даже унижительными по отношению к чести и достоинству своего подзащитного. Из вышесказанного следует, что истинная независимость, по мнению автора, гарантируется и реализуется посредством вверения суду всех доказательств, невзирая даже на волю клиента, с одной стороны, что выступает инструментом протекции для адвоката, как реализатора и гаранта правозащитной функции. В то время как другая грань независимости реализуется в форме недопущения использования незаконных средств и способов защиты.

Резюмируя данную позицию, стоит отметить, что она наглядно демонстрирует проблематику в практической реализации данного этического стандарта, если рассматривать его через проекцию поведения адвоката. Однако, полностью согласиться с ней мы не можем, так как даже учитывая главенство принципа независимости для адвоката, он не может реализовывать правозащитную функцию, базируясь исключительно на нем, не считаясь со всеми остальными этическими основами. Это наглядно продемонстрировано в описанной ранее ситуации, где границы принципа независимости были настолько широкими, что отделили собой принцип конфиденциальности, что на наш взгляд, не допустимы в правозащитной практике.

На наш взгляд, принцип конфиденциальности — это один из основных принципов профессиональной этики для адвокатов. Он обязывает адвоката защищать конфиденциальность информации, полученной от своих клиентов в процессе представительства. Этот принцип означает, что адвокат не имеет права разглашать информацию, полученную от клиента, без его разрешения. Доверенная информация о клиенте, его делах, ситуации, а также любая прочая конфиденциальная информация, должна оставаться под абсолютной защитой и не разглашаться адвокатом. Важно понимать, что оба принципа имеют одинаково важное значение в профессиональной этике адвоката.

Принцип независимости помогает обеспечить независимое и беспристрастное представительство интересов клиента, в то время как принцип конфиденциальности гарантирует, что тайная информация клиента защищена и не будет разглашена. Поэтому, на наш взгляд, важно соблюдать оба принципа, понимая их взаимосвязь, и учитывать, что принцип независимости не должен затмевать собой принцип конфиденциальности, а наоборот — они должны работать в совокупности для обеспечения эффективной деятельности адвоката.

Хотя, в защиту позиции И. Я. Фойницкого следует сказать, что если возводить желания и волю доверителя в абсолют, то общественное значение защиты в уголовном судопроизводстве было бы в подобном случае нивелировано. Однако, допущение использования в процессе защиты способов и средств, порочащих честь и достоинство подзащитного, вызывающих у него еще больший психологический дискомфорт не в меньшей степени порочат честь и достоинство адвоката, а поскольку «достоинство частного человека — есть личное достояние, а достоинство адвоката — есть достояние всего сословия» [5, с. 62], подобное в современной правозащитной практике недопустимо.

В подтверждение наших доводов, считаем целесообразным упомянуть выдающегося исследователя в области права

Н. Н. Полянского, автор справедливо указывает: «если адвокат пренебрегает требованием клиента о неразглашении некоторых сведений, которые, возможно, были бы полезны или даже необходимы для защиты его интересов, то вместе с тем защитник, несомненно, злоупотребляет имеющимися у него полномочиями» [6]. Таким образом, мы, как и автор, полагаем, что законные интересы клиента должны иметь первоочередное значение для адвоката. Подобную позицию разделяет, и законодатель в ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3] он указывает единственный случай, при котором адвокат может воспрепятствовать воле своего подзащитного — это самооговор иные варианты не предусматриваются.

Однако, этические коллизии имеют место быть не только в области реализации принципов независимости и конфиденциальности в процессе уголовного судопроизводства, но, к сожалению, и затрагивают иную ипостась этических основ правозащитной деятельности — уважение суда и участников судебного процесса. Данное утверждение, к сожалению, наблюдаются не только в дискуссиях теоретиков, но и подтверждено практикой, наглядно иллюстрирующей ситуацию, при которых адвокат совсем явно не идет против воли и предписаний законодателя, но использует приемы, идущие в разрез с этическими парадигмами поведения и отношения к суду и процессу. Примером подобного поведения может быть случай, произошедший в процессе рассмотрения апелляционных жалоб, поступивших от стороны защиты на приговор Московского городского суда от 20 июля 2022 года по уголовному делу № 55-1560/2022 [7, с. 164].

Судебная коллегия по уголовным делам в течение нескольких заседаний не могла рассмотреть апелляционные жалобы и, соответственно, вынести решение по ним вследствие злоупотребления правом со стороны защиты о переносе судебного заседания. Как было позже установлено, причины, по которым адвокаты и их подзащитные ходатайствовали о переносе судебного заседания, были незначительными или вовсе не правоустанавливающими. Так, больничные листы не соответствовали фактическим датами проведения судебных разбирательств, а защитники, ранее ссылавшиеся на участия в суде кассационной инстанции, как на причину отказа участия в этом судебном заседании, были изобличены позже обнаруженным извещением кассационного суда, согласно которому, им было разрешено не присутствовать на данном процессе, так как это не препятствовало рассмотрению дела.

По нашему мнению, данный пример наглядно демонстрирует нарушение канонов этичного поведения со стороны правозащитника, что, на наш взгляд, должно расцениваться не только как уход это морально-нравственных начал, но и прямое воспрепятствование правосудию. В этой связи считаем целесообразным упомянуть слова государственного деятеля США Р. Кеннеди: «уважение к суду — это не только неотъемлемая составляющая профессиональной этики каждого адвоката, но и основа правового государства в целом, так как это и есть гарантия профессионального правосудия» [8, с. 89].

Таким образом, проявление этического поведения адвоката в уголовном судопроизводстве есть не только обязательство

перед профессиональным сообществом, но и важный элемент обеспечения справедливого и эффективного функционирования всей правовой системы.

Подводя итог всему вышесказанному, на примере принципа независимости важно отметить следующее: этические проблемы могут возникать не только в ходе реализации принципов, как принято полагать, когда в процессе уголовного судопроизводства у адвоката гипотетически формируется соблазн пойти против этических канонов, но и даже уже на этапе их осознания последним. Проявление же неуважения со стороны адвоката по отношению к суду не только разрушает доверие к пра-

вопорядку, но и вовсе подрывает основы правовой системы, что может привести к нарушению общегосударственных принципов законности и справедливости. Таким образом, решение этических проблем адвокатов в уголовном судопроизводстве требует комплексного подхода и включения как образовательных, так и более жестких санкционных мер, чтобы обеспечить соблюдение этических стандартов и поддержание доверия к системе правосудия в целом.

Только соблюдая высокие стандарты профессиональной этики, адвокаты могут эффективно стоять на страже основ правового государства и защищать интересы своих клиентов.

Литература:

1. Васьковский Е. В. Основные вопросы адвокатской этики. СПб., 1895. С. 58
2. Пикар, Эдмон Об адвокате: (Парадокс): (Paradoxe sur l'avocat). — 1-е изд. — М.,: скоропеч. А. А. Левенсон, 1898. — [4], VI, 120 с.
3. Федеральный закон от 31.05.2002 №63-ФЗ (ред. от 24.07.2023) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 10.06.2002 г. — № 23. — Ст. 2102
4. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А. В. Смирнова. СПб., 1996. Т. 2. С. 585.
5. Правила адвокатской профессии во Франции / Пер. с фр. [4-х гл. из кн. Mollot Règles sur la profession d'avocat Н. П. Шубинского]; М. Молло. — Москва: Н. П. Шубинской, 1894. — XVI, 98 с.
6. Баев М. О Баев О. Я. Предисловие // Полянский Н. Н. Правда и ложь в уголовной защите. Воронеж, 2013. С. 64.
7. Пушкин А. В. Профессиональная этика адвоката в уголовном судопроизводстве: теория и практика // Вестник экономической безопасности. 2023. № 1. С. 162–166.
8. Robert F. Kennedy The Pursuit of Justice. — 1st ed.. — USA, Los Angeles, California: Harper & Row, 1964. — 148 с.

Проблемы прекращения уголовного дела или уголовного преследования

Иванова Вера Викторовна, студент магистратуры
Смоленский государственный университет

В статье обозначается сущность института прекращения уголовного дела или уголовного преследования, дается классификация оснований, определяется проблема прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с истечением срока давности, поднимается вопрос относительно императивности или диспозитивности назначения судебного штрафа.

Ключевые слова: прекращение уголовного дела, прекращение уголовного преследования, назначение судебного штрафа, истечение сроков давности.

Problems of termination of a criminal case or criminal prosecution

The article outlines the essence of the institute of termination of criminal case or criminal prosecution, classifies the grounds, defines the problem of termination of criminal case or criminal prosecution in connection with the expiration of the statute of limitations, raises the question regarding the peremptory or dispositive nature of the imposition of a judicial fine.

Keywords: termination of criminal proceedings, termination of criminal prosecution, imposition of a judicial fine, expiration of the statute of limitations.

Процедура прекращения уголовного дела или уголовного преследования используется часто, однако вызывает немалое количество споров и противоречий как у правоприменителей, так и у научного сообщества. Относительной новацией в данном вопросе является добавление уже ставшего популярным основания — назначение судебного штрафа. Юридическим сообществом это новшество было принято неоднозначно, однако нельзя

отрицать, что отечественный законодатель идет по пути своих иностранных коллег — наблюдается тенденция внедрения альтернативных способов разрешения уголовно-правовых споров [6].

Социальная и правовая сущность института прекращения уголовного дела или уголовного преследования заключается в том, что данный механизм помогает разрешить уголовно-правовой конфликт без традиционной «реакции» со стороны

государства в виде вынесения судебного решения, что также значимо и для института судебной власти, так как происходит своего рода отсеивание уголовных дел, влекущее уменьшение нагрузки на соответствующие органы.

Основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования делятся на две категории — реабилитирующие основания и нереабилитирующие, первые предусматривают восстановление лица в правах — возмещение материального и морального вреда, восстановление жилищных, трудовых и иных нарушенных прав, вторые не влекут восстановления прав, соответственно.

К первой группе относятся следующие основания [2]:

1. подозреваемый или обвиняемый не причастен к совершению преступления
2. отсутствие состава события преступления
 - 2.1. отсутствие самого деяния
 - 2.2. причинение вреда не связано с совершением деяния
 - 2.3. причиненный вред совершен самим потерпевшим
3. отсутствие состава преступления
 - 3.1. отсутствие одного из элементов состава преступления
 - 3.2. малозначительность совершенного деяния
 - 3.3. добровольный отказ от преступления.

Нереабилитирующими считаются такие основания как:

1. истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности
2. примирение сторон
3. деятельное раскаяние
4. акт амнистии или помилования
5. применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетнего
6. смерть подозреваемого, обвиняемого.

Число оправдательных приговоров в России крайне мало, в связи с чем при наличии оснований для прекращения уголовного дела, независимо от того, являются они реабилитирующими или нет, подозреваемый или обвиняемый, как правило, дает требуемое законодательством согласие на прекращение дела, в особенности, когда речь идет об истечении сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

С юридической точки зрения выбор данного основания весьма привлекателен за счет того, что исходя из позиции Конституционного Суда в подобной ситуации суд не признает подозреваемого или обвиняемого как виновным, так и не признает его невиновным [5], однако на практике порой получается принцип «не оправдан — значит виновен», многие адвокаты отмечают, что в их профессиональной деятельности не единичны случаи, когда суд в своем определении использует утвердительные формулировки (например, «преступление совершено при следующих обстоятельствах»), тем самым создается закономерное представление, что лицо все-таки признано виновным. Апелляционный суд в таких случаях традиционно отмечает, что суд нижестоящей инстанции использовал формулировку некорректно и необходимо излагать позицию органов предварительного следствия не в утвердительной форме.

Исходя из чего можно сделать вывод о том, что зачастую правоприменители неправильно рассматривают институт прекращения уголовного дела или уголовного преследования, — как фактически механизм прекращения лишь уголовного пресле-

дования, то есть считается, что вина лица доказана, а уголовное преследование, как следствие, и уголовное дело прекращается лишь по причине истечения сроков.

В современной уголовно-процессуальной теории мнения относительно данного вопроса разнятся, одни специалисты разделяют позицию Конституционного Суда, другие же рассматривают прекращение уголовного дела ввиду истечения сроков давности как основание освобождения непосредственно от уголовной ответственности, признавая при этом вину подозреваемого или обвиняемого. Подобные ситуации наглядно показывают, что диаметрально противоположные позиции научного сообщества в сочетании с недостаточной регламентацией вопроса со стороны законодателя значительно усложняют правоприменительную практику.

Возвращаясь к указанной ранее новации в виде назначения судебного штрафа, требуется отметить и противоречивость этого основания. Помимо того, что не все юристы положительно оценивают подобную законодательную либерализацию, множество проблем возникает и в процессе трактовки соответствующих формулировок в актах [1].

Во-первых, большинство правоведов негативно оценивают тот факт, что законодатель не делает согласие потерпевшего на прекращение уголовного дела или уголовного преследования обязательным для принятия соответствующего решения, ограничиваясь лишь тем, что необходимо возмещение причиненного вреда, размер и способ компенсации которого определяет все-таки сам потерпевший. Во-вторых, формулировки законодателя не дают возможности уверенно сказать, назначение судебного штрафа является при наличии соответствующих обстоятельств правом суда, либо же его обязанностью [3].

Если анализировать норму самого уголовно-процессуального кодекса, то с точки зрения лингвистических норм формулировка «Суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем с согласия руководителя следственного органа либо дознавателем с согласия прокурора, в порядке, установленном настоящим Кодексом, в случаях, предусмотренных статьей 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, вправе прекратить уголовное дело или уголовное преследование <...>» [9] подразумевает право на использование подобной меры, в то время как, например, обзор практики от Президиума Верховного Суда Российской Федерации описывает прекращение уголовного дела или уголовного преследования как обязанность суда — «если в ходе судебного разбирательства суд придет к выводу о невозможности прекращения уголовного дела в связи с деятельным раскаянием либо примирением сторон, то он при отсутствии возражений подсудимого прекращает уголовное дело с назначением судебного штрафа» [4]. Ранее Верховный Суд отмечал, что судам необходимо при рассмотрении каждого уголовного дела анализировать, присутствуют ли основания для применения к лицу статьи 76.2 Уголовного Кодекса, то есть для назначения судебного штрафа [7, 8].

Подтверждением противоречивости используемых формулировок выступает и судебная практика, к примеру, Московский городской суд, осуществляя проверку обвинительного приговора одного из районных судов, пришел к выводу,

что прекращению уголовного дела с применением судебного штрафа ничто не препятствовало, что, по его мнению, указывает на существенное нарушение норм процессуального законодательства, допущенное нижестоящей инстанцией, отказавшей в назначении судебного штрафа. Несмотря на то, что большинство правоприменителей и правоведов придерживаются точки зрения о факультативности назначения судебного штрафа, на практике зачастую встречается и противоположное мнение, порождающее споры в рамках апелляционного и кассационного производства, в связи с чем представляется необ-

ходимым заменить законодательные формулировки на более точные в трактовке.

Тема проблематики прекращения уголовного дела или уголовного преследования является весьма обширной, при этом наблюдаются очевидные правовые пробелы и расхождения, порождающие сложности для правоприменительной деятельности, на наш взгляд, представляется необходимым внесение уточнений в уголовно-процессуальное законодательство, таких как, например, «суд по своему усмотрению может принять решение о назначении судебного штрафа».

Литература:

1. Гаджиева А. А., Караев К. Ш. Прекращение уголовного преследования с назначением судебного штрафа: проблемы и перспективы развития // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 6. С. 256–260.
2. Казарин Д. М., Рябчиков В. В. Реабилитирующие и нереабилитирующие основания прекращения уголовного дела и уголовного преследования: актуальные вопросы правоприменительной практики // StudNet. 2022. № 2. С. 1220–1227.
3. Лепина Т. Г., Шатанкова Е. Н. Проблемы применения судебного штрафа как основания освобождения от уголовной ответственности // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (41). С. 251–258.
4. «Обзор судебной практики освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (статья 76.2 УК РФ)» // «Бюллетень Верховного Суда РФ», N12, декабрь, 2019
5. Определение Конституционного Суда РФ от 02.11.2006 N563-О «По жалобам граждан Барсукова Бориса Юрьевича, Богдана Сергея Леонидовича и других на нарушение их конституционных прав положениями пункта 3 статьи 31 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» // «Вестник Конституционного Суда РФ», N2, 2007
6. Плошкина, Я. М. Перспективы развития альтернативных способов разрешения уголовно-правового конфликта в российском уголовном процессе с учетом германского опыта / Я. М. Плошкина // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: Материалы X Международной научно-практической конференции, Иркутск, 01 октября 2021 года / Отв. редакторы А. М. Бычкова, Н. В. Кешикова. Том 1.— Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2021.— С. 126–131.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 N19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // «Российская газета», N145, 05.07.2013
8. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N63-ФЗ
9. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ

Проблемы определения должностного лица, как субъекта получения взятки (статья 290 УК РФ)

Кабардина Яна Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Гармаев Юрий Петрович, доктор юридических наук, профессор

Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

В статье обращается внимание на различные подходы к пониманию «должностных лиц» в контексте применения его в уголовном законодательстве. Анализируется взаимосвязь примечаний к ст. 285 и ст. 318 Уголовного кодекса Российской Федерации. Обосновывается целесообразность нормативного закрепления функций должностного лица в примечании к ст. 285 УК РФ.

Ключевые слова: получение взятки, специальный субъект, должностные лица, представитель власти, функции представителя власти, организационно-распорядительные функции, административно-хозяйственные функции.

Получение взятки является преступлением коррупционной направленности, предусмотренное ст. 290 УК РФ и понимается, как получение от другого лица незаконной выгоды (взятки) в обмен на выполнение определенных действий или бездействие должностного лица.

Законы многих стран устанавливают строгие наказания за получение взятки. В Российской Федерации, например, за это

преступление предусмотрены серьезные штрафы, арест, лишение свободы, запрет занимать определенные должности и другие меры наказания.

Для решения вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности в соответствии с ст. 8 УК РФ необходимо наличие совершенного деяния, содержащего все признаки состава преступления.

Среди всех признаков состава преступления в статье 290 УК РФ особое место занимает субъект преступления. Субъект получения взятки является одной из центральных фигур, который вызывает много вопросов и противоречий как в доктрине уголовного права, так и в правоприменительной практике.

Следует уяснить, что отличительной чертой взяточничества является то, что оно совершается специальным субъектом.

Под специальным субъектом в теории уголовного права принято понимать лицо, которое наряду с основными (общими) признаками (физической природой, возрастом, вменяемость) обладает дополнительными (например, пол, семейно-родственные отношения, особый статус).

Специальным субъектом получения взятки являются должностные лица. Понятие должностных лиц дано в ч. 1 примечания к статье 285 УК РФ, согласно которому должностными лицами в статьях настоящей главы признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных внебюджетных фондах, государственных корпорациях, государственных компаниях, публично-правовых компаниях, на государственных и муниципальных унитарных предприятиях, в хозяйственных обществах, в высшем органе управления которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право прямо или косвенно (через подконтрольных им лиц) распоряжаться более чем пятьюдесятью процентами голосов либо в которых Российская Федерация, субъект Российской Федерации или муниципальное образование имеет право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более пятидесяти процентов состава коллегиального органа управления, в акционерных обществах, в отношении которых используется специальное право на участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований в управлении такими акционерными обществами («золотая акция»), а также в Вооруженных Силах Российской Федерации, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации.

Данное понятие несколько раз дополнялось законодателем расширяя при этом круг должностных лиц подлежащих ответственности за совершения преступлений входящих в главу 30 УК РФ. Но несмотря на данные дополнения законодателя, проблем в определении статуса лица, как должностного не стало меньше.

Раскрывая данное понятие через функции, возникает несколько проблем.

Первая проблема заключается во взаимосвязи двух примечаний:

- примечание к статье 285 УК РФ;
- примечание к статье 318 УК РФ.

Законодатель, давая определение должностного лица в ч. 1 примечания к ст. 285 УК РФ, распространяет его только на положения главы 30 УК РФ (Должностными лицами в *статьях настоящей главы* признаются лица...), а понятие «представителя власти», которое дано в примечании к ст. 318 — на все

остальные статьи УК РФ (Представителем власти *в настоящей статье и других статьях настоящего Кодекса* признается...).

Из этого следует логический вывод, что понятие «представителя власти» — является более широким, нежели понятие «должностного лица».

Но суждение о широте понятия «представителя власти» является ошибочным, поскольку, обращаясь к примечанию к ст. 318 для более четкой конкретизации понятия «должностного лица», мы встречаем понятие представителя власти как *должностного лица* правоохранительного или контролирующего органа, а также *иное должностное лицо*, наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся от него в служебной зависимости.

Т. е. эти два примечания обладают «двойственным отсылочным характером» или моделью «обратного механизма», что может порождать проблемы в применении закона.

Помимо этого, в примечании к ст. 285 УК РФ отсутствуют понятия: «функции представителя власти», «организационно-распорядительных функций» и «административно-хозяйственных функций», что является вторым проблемным аспектом при установлении статуса лица, как должностного.

Так, должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие *функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции...*

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 N19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» раскрываются данные функции.

Так, например под организационно-распорядительными функциями следует понимать ряд задач и обязанностей, направленных на организацию и управление деятельностью в соответствии с установленными правилами и процедурами. Эти функции включают в себя:

1. Руководство трудовым коллективом.
2. Распределение задач и обязанностей сотрудникам, контроль их выполнения.
3. Организация работы по достижению поставленных целей и задач.
4. Управление ресурсами, включая финансы, материальные ресурсы, трудовые ресурсы и другие (применения мер поощрения или награждения, наложение дисциплинарных взысканий)
5. Принятие оперативных решений по текущим вопросам деятельности (полномочия по принятию решений, имеющих юридическое значение и влекущее юридические последствия)
6. Взаимодействие с другими структурами и учреждениями, регулирование отношений с партнерами и контрагентами.
7. Контроль за исполнением поставленных задач и отчетность перед вышестоящими органами.

Тем не менее, некоторые авторы статей выражают негодование, связанное с тем, что такие ключевые понятия, как функции описаны в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, а не в УК РФ. Данное негодование вполне обосновано, поскольку Уголовный кодекс РФ является актом, который всегда

будет обладать большей юридической силой, нежели постановление Пленума Верховного Суда РФ.

Исходя из этого возникает потребность в закреплении и четком раскрытии признаков должностных лиц в примечании к ст. 285 УК РФ, где после понятия следует нормативно закрепить следующие определения:

- «представитель власти»;
- «функции представителя власти»;
- «организационно-распорядительные функции»;
- «административно-хозяйственные функции».

Данное закрепление перечисленных определений будет способствовать совершенствованию уголовного законодательства и обес-

печит единообразное применение норм как на стадии возбуждения уголовного дела, так и на стадии судебного разбирательства.

Из всего вышеперечисленного следует вывод о том, что проблема, связанная с определением статуса должностного лица как субъекта получения взятки (ст. 290 УК РФ) является актуальной. От качества деятельности должностных лиц зависит эффективность работы не только определённых органов, но и всего государства в целом.

Несмотря на все дополнения законодателя, понятие «должностных лиц» всё же требуется в доработке, которая в дальнейшем приведёт к единому пониманию и сэкономит время в поиске норм при установлении статуса такого лица как должностное.

Литература:

1. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2024) // Справочная правовая система «Консультант»
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Справочная правовая система «Консультант»
3. Хазиева, Р.Р. Основные проблемы квалификации действий должностного лица как субъекта преступления в точки зрения признаков / Р.Р. Хазиева // Вестник научных трудов «Юристъ»: По материалам заседания III Совета молодежных общественных организаций и объединений Республики Татарстан в сфере противодействия коррупции. В 2-х частях, Казань, 05 декабря 2019 года / Под редакцией С.Л. Алексева [и др.]. Том Выпуск 8. Часть 2.— Казань: Частное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Академия социального образования», 2020.— С. 254–260.

Проблемы и перспективы правового регулирования трудовых отношений в условиях коронавирусных ограничений

Кваша Юрий Николаевич, студент магистратуры;

Левитанус Борис Александрович, кандидат юридических наук, доцент

Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
(г. Санкт-Петербург)

Автором проводится анализ судебной практики по вопросам нарушения права граждан на труд без дискриминации в условиях коронавирусных ограничений. Выявляются тенденции и перспективы правового регулирования трудовых отношений. Автором выносятся предложения по совершенствованию законодательства в аспекте права граждан на труд без дискриминации в условиях пандемий и иных исключительных случаях.

Ключевые слова: дискриминация, вакцинация, труд, работник, здоровье, коронавирус.

Problems and prospects for the legal regulation of labor relations in the context of coronavirus restrictions

The author analyzes judicial practice on the violation of the right of citizens to work without discrimination in conditions of coronavirus restrictions. The trends and prospects of legal regulation of labor relations are revealed. The author makes proposals to improve legislation in the aspect of the right of citizens to work without discrimination in the context of pandemics and other exceptional cases.

Keywords: discrimination, vaccination, labor, employee, health, coronavirus.

Пандемия, связанная с появлением новой коронавирусной инфекции (далее также — COVID-19, коронавирус) в конце 2019 года, привела к возникновению множественных ситуаций нарушения прав и свобод человека, в том числе в сфере трудовых отношений.

Один из наиболее актуальных вопросов — массовая вакцинация и неизбежно связанное с этим появление большого числа граждан, которые по различным причинам от нее отказались: или в определенный момент времени, или доступными им вакцинами, или выступая против прививок в принципе. На

это указывают и результаты социологических опросов: часть людей вакцинировалась из убеждений в необходимости этого, другие — сомневаются в эффективности и безопасности экспериментальных вакцин в отсутствие публичных отчетов о результатах их клинических исследований и выражая беспокойство за свое здоровье, а третьи — по разным причинам категорично против вакцинации [74].

Проведем анализ судебных споров об отстранении от работы и последующем увольнении работников, не прошедших вакцинацию.

Предметом настоящего анализа являются 18 трудовых споров [17–70], по 8 из которых [17–26, 32, 37, 42–48, 51, 52, 59, 61–66, 69] автор статьи выступал представителем истцов, по искам работников о признании незаконными решений работодателя об отстранении от работы в связи с отказом от вакцинации без сохранения зарплаты. Для наиболее объективной картины в настоящей работе использованы решения судов разных субъектов РФ: Смоленской, Оренбургской, Магаданской, Ленинградской, Волгоградской областей, республики Саха (Якутия), Хабаровского края, Ханты-Мансийского автономного округа — Югры и г. Санкт-Петербурга.

В пользу работников приняты решения, вступившие в силу, по 3 делам [28, 41, 56, 57, 70] из 18 [17–70]. Еще в одном случае [24, 43, 47, 66] решения судов первой и апелляционной инстанций были отменены кассационным судом с направлением дела на новое рассмотрение в Санкт-Петербургский городской суд, который без признания приказа работодателя незаконным, одновременно признал допущенные этим приказом нарушения в отношении работника по срокам отстранения от работы, и взыскал с работодателя моральный вред в размере 10 тыс. руб., что свидетельствует о дефектной логике суда, содержащей неустраиваемые противоречия.

Большинство судов сходятся во мнении, что отстранению от работы подлежат только лица, не прошедшие вакцинацию, чья работа включена в перечни, утвержденные как Постановлением Правительства РФ № 825 [10], так и территориальными постановлениями главных государственных санитарных врачей по субъектам РФ (далее также — ГГСВ по субъектам РФ). Между тем, Оренбургский областной суд [41] трактует территориальные постановления ГГСВ по субъектам РФ ограничительно, указывая, что помимо нахождения работы в списке из такого территориального постановления, она должна быть связана с высоким риском заболевания инфекционными болезнями (далее также — ИБ), что подлежит доказыванию.

Период законного отстранения от работы из-за отсутствия вакцинации против COVID-19 суды, как правило, признают неоплачиваемым, однако, есть и иные подходы [34].

Судебная практика по вопросам судебной защиты нарушенного права граждан на труд без дискриминации в условиях ограничительных мер, вызванных COVID-19, пока находится в стадии становления. Однако, по одному из дел Конституционный Суд РФ вынес Определение [16], которым признал законным отстранение от работы в сфере торговли.

В целом в период пандемии COVID-19 наблюдалась тенденция массового признания законными приказов работодателя об отстранении от работы невакцинированных граждан.

Причем, даже если суд первой инстанции признавал такой приказ незаконным, то вышестоящие судебные инстанции отменяли это решение. Показательна и хронология принятия судебных постановлений: все решения судов первой инстанции в пользу работников принимались не позднее ноября 2021 г., после чего — в пользу работодателей. Исключением является Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 13.04.2022 по делу № 33–2579/2022 [41].

В отрицательной судебной практике по искам работников обнаруживается следующее:

1. Суды одновременно делают взаимоисключающие выводы: признают территориальные постановления ГГСВ по субъектам РФ (с предельными датами, когда работник должен вакцинировать вторым компонентом вакцины) нормативными основаниями для принятия оспариваемых приказов и законными приказы, принятые ранее этих дат. К тому же, территориальные органы Роспотребнадзора не имеют полномочий на принятие НПА. Очевидно, что такие решения судов являются заведомо неправосудными [24, 43, 47, 66]. В свою очередь, игнорирование названных пороков вышестоящими судами свидетельствует о незаконности принятых ими судебных актов.

2. Суды также игнорируют доводы истцов о том, что в оспариваемых приказах единственным условием допуска Истца к работе является прохождение обязательной вакцинации против COVID-19. Данные приказы, содержащие формулировки о бессрочном отстранении Истца от работы, а именно: «[...] отстранить от работы работников [...] на период с [...] и до момента прохождения обязательной вакцинации» — исключают допуск Истца к работе и в случае окончания периода эпидемиологического неблагополучия в регионе, что свидетельствует о превышении работодателем своих полномочий в области иммунопрофилактики ИБ и принципиальной незаконности приказов с такими формулировками, противоречащими ч. 2 ст. 76 ТК РФ [5]. В ином случае работник поражается в праве на труд до прохождения вакцинации против COVID-19 даже при отмене соответствующего территориального постановления ГГСВ по субъекту РФ, что недопустимо в силу ч. 3 ст. 37 Конституции [1], пункта 2 ч. 1 ст. 2, частей 1 и 2 ст. 3 ТК РФ.

3. Суды игнорируют тот факт, что в силу п. 1 ст. 8 Закона № 157 [6] работодатель «не относится к числу лиц, наделенных самостоятельными полномочиями по обеспечению осуществления иммунопрофилактики» ИБ, а потому не может обязывать своих работников пройти профилактические прививки (далее также — ПП), которые проводятся исключительно при наличии информационного добровольного согласия на медицинское вмешательство (далее также — ИДС на МВ) гражданина (п. 2 ст. 11 Закона № 157).

4. Суды при этом руководствуются порочным толкованием перечня работ из Постановления Правительства РФ № 825, безосновательно полагая, что такой перечень работ не является закрытым и может быть расширен территориальными постановлениями ГГСВ по субъектам РФ и (или) Календарем профилактических прививок по эпидемическим показаниям (далее также — КПП по ЭП) посредством включения в эти документы необходимых категорий граждан, задействованных в иных ра-

ботах, отличных от перечня работ из Постановления Правительства РФ № 825.

Так, например, суды признают, что должности дворника, курьера, швеи, диспетчера и другие не включены в перечень работ из Постановления Правительства РФ № 825, однако приходят к ошибочным выводам, не имеющим под собой правовых оснований о том, что их работа связана с высоким риском заболевания ИБ, а потому они подлежат отстранению от работы на основании территориальных постановлений ГГСВ по субъектам РФ, подразумевающих опасность таких видов работ, без указания конкретных должностей.

5. Суды не принимают во внимание, что Письма органов власти, в том числе Письма Роструда от 13.07.2021 № 1811-ТЗ [15], от 12.08.2021 № ПГ/22779-6-1 [14], Письмо Минтруда и Роспотребнадзора от 23.07.2021 № 14-4/10/П-5532 [13] выражают частное мнение их составителей по вопросам, связанным с отстранением граждан от работ в пандемических условиях, не являются НПА, которыми должен руководствоваться суд при вынесении решений.

6. Суды оставляют не опровергнутыми следующие доводы. При принятии территориальных постановлений ГГСВ по субъектам РФ (во исполнение полномочий, предусмотренных абз. 5 пп. 6 п. 1 ст. 51 Закона № 52 [8] и п. 2 ст. 10 Закона № 157) исключительно у граждан, задействованных в перечне работ из Постановления Правительства РФ № 825 и одновременно отнесенных к категориям граждан, которые перечислены в КПП по ЭП [11], возникает обязанность вакцинироваться не только ПП из Национального календаря профилактических прививок (далее также — НКПП) [11], как в обычных условиях, но и ПП из КПП по ЭП.

Отстранения по признаку невакцинированности от иных работ, кроме указанных в Постановлении Правительства РФ № 825, действующее законодательство РФ не допускает.

Работа в должности, например, дворника или курьера в перечне работ из Постановления Правительства РФ № 825 отсутствует, поэтому само по себе отнесение работника к категории граждан, поименованных в КПП по ЭП общей формулировкой «работники медицинских организаций» (без учета особенностей выполняемой ими работы), не влечет безусловную обязанность такого работника вакцинироваться против COVID-19, а следовательно — и не может служить основанием для его отстранения от работы в порядке, предусмотренном п. 2 ст. 5 Закона № 157 во взаимосвязи с положениями ч. 1 ст. 76 ТК РФ.

Причем как НКПП, так и КПП по ЭП принципиально не содержит каких-либо положений об отстранении указанных в нем категорий граждан от работ при отсутствии у этих граждан соответствующих ПП, а потому могут повлечь их отстранение исключительно от тех работ, которые поименованы в Постановлении Правительства РФ № 825.

Кроме того, ни одним НПА РФ в соответствии с абз. 9 ч. 1 ст. 76 ТК РФ не предусмотрена возможность отстранения граждан от работ лишь по тому основанию, что COVID-19 или иное заболевание включены в «перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих», утв. Постановлением Правительства РФ № 715 [9]. Само же Постановление № 715 требования об отстранении от работ тех граждан, у ко-

торых отсутствуют ПП от указанных в нем заболеваний, не содержит.

В свою очередь, полномочия ГГСВ по субъектам РФ определены статьями 50 и 51 Закона № 52. Перечень указанных полномочий является закрытым и не предусматривает право этих врачей обязывать работодателей организовывать вакцинацию работников и, тем более, обеспечивать определенный процент охвата работников организаций или предприятий профилактической вакцинацией, что согласуется также с п. 1 ст. 8 Закона № 157, согласно которому работодатели не относятся к перечню специальных субъектов, наделенных полномочиями «по обеспечению осуществления иммунопрофилактики».

Право ГГСВ по субъектам РФ принимать решения о проведении ПП по ЭП (п. 2 ст. 10 Закона № 157) во исполнение полномочия, предусмотренного абз. 5 пп. 6 п. 1 ст. 51 Закона № 52, не наделяет этих врачей правом названными решениями определять категории граждан (т.е. неопределенный круг лиц), «подлежащих обязательной вакцинации по эпидемическим показаниям», поскольку таким правом наделен Минздрав РФ (п. 3 ст. 10 Закона № 157).

Следовательно, поскольку территориальными постановлениями ГГСВ по субъектам РФ определены категории граждан, «подлежащих обязательной вакцинации по эпидемическим показаниям», а не группы таких граждан (т.е. четко ограниченный круг лиц), как того требует абз. 5 пп. 6 п. 1 ст. 51 Закона № 52, то в указанной части такие постановления являются дефектным по своему содержанию, а потому не могут применяться при разрешении судебных споров (ч. 2 ст. 11 ГПК РФ [4] и абз. 13 ст. 12 ГК РФ [3]).

Фактически суды превысили свою юрисдикцию, когда наделили ГГСВ по субъектам РФ отсутствующим у них полномочием на вынесение НПА и утверждение категорий граждан, «подлежащих обязательной вакцинации по эпидемическим показаниям», тем самым поправ принцип законности при осуществлении правосудия, закрепленный в статьях 2, 15, 118, 120 Конституции, ст. 5 Закона № 1-ФКЗ [2], статьях 2, 5, 8, 11 и 195 ГПК РФ.

Более того, безопасность и эффективность медицинских препаратов, применяемых в качестве вакцин против коронавируса, введенных в оборот в упрощенном порядке, не доказана результатами их клинических исследований, отчеты об этих исследованиях по настоящее время не опубликованы и засекречены [71, 75, 78] разработчиками, а риск причинения вреда жизни и здоровью человека, включая его смерть, в результате вакцинации существенно превышает угрозу заболевания этой инфекцией, протекающей во множественности случаев в бессимптомном режиме (*общеизвестный факт*).

Кроме того, многие зарубежные и отечественные ученые открыто выступили против вакцинации, считая сложившуюся ситуацию в целом лже-пандемической [77, 79, 80, 83]. Профессор Гундаров И. А., д.м.н., специалист в области эпидемиологии и медицинской статистики, философии и демографии высказался о пандемии социального психоза шизоидного типа [72]. Депутат Государственной Думы VIII созыва Бурляев Н. П. заявил о планетарном обмане и планетарном терроризме [76].

Публикации о вреде вакцин в разных странах приобрели массовый характер. В России статистику осложнений и смертей в результате ковидной иммунопрофилактики в полной мере никто не ведет — в нарушение пункта 1 ст. 17 Закона № 157, а также не несет за это никакой ответственности. В то же время, о летальных случаях после вакцинации против COVID-19 регулярно сообщается в СМИ [73, 82].

Итак, на основании изложенного можно сделать вывод о том, что в пандемический период абсолютное большинство судов выносило шаблонные и заведомо порочные решения, пренебрегая правом в угоду сформированной органами исполнительной власти ошибочной позиции об эффективности и безопасности малоизученных лекарственных препаратов, введенных в оборот в ускоренном порядке под видом вакцин, результаты клинических испытаний которых по настоящее время засекречены их разработчиками, что принципиально недопустимо, поскольку при такой ситуации принципиально невозможна дача индивидуального добровольного согласия на вакцинацию гражданина, а значит и любое медицинское вме-

шательство, что прямо следует как из положений статей 4–6, 20 Закона № 323-ФЗ [7], так и из Правил проведения клинических исследований [12].

Сложившаяся ситуация требует закрепления на законодательном уровне ряда норм, исключающих лишение средств к существованию граждан, отказавшихся от вакцинации в условиях пандемии и иных исключительных случаях, и обеспечивающих со стороны государства компенсацию работодателям произведенных таким гражданам выплат при простое по правилам ч. 2 ст. 157 ТК РФ и невозможности перевода их на другую работу по правилам ст. 73 ТК РФ — в размере, не меньшем МРОТ.

В контексте пресечения дискриминации трудовых прав граждан обоснованным является и установление прямого законодательного запрета на требования работодателя о предоставлении в его распоряжение без письменного согласия работника медицинских или иных документов, непосредственно не связанных с его трудовой деятельностью, содержащих личную и (или) врачебную тайну, в том числе сведения о вакцинации.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации, принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020 (дата обращения: 02.04.2024).
2. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» (ред. 16.04.2022) // Собрание законодательства РФ от 06.01.1997. № 1, ст. 1.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (Часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: Принята Государственной Думой 21.10.1994, Часть 1 введ. в действие с 01.01.1995 Федеральным законом от 30.11.1995 № 52-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 05.12.1994 № 32, ст. 3301.
4. Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ от 18.11.2002. № 46, ст. 4532.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (часть I), ст. 3.
6. Федеральный закон от 17.09.1998 № 157-ФЗ «Об иммунопрофилактике инфекционных болезней» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 38. ст. 4736.
7. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48, ст. 6724.
8. Федеральный закон от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» (ред. от 26.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 1999. № 14. ст. 1650.
9. Постановление Правительства РФ от 01.12.2004 № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» (ред. от 31.01.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации от 06.12.2004. № 49, ст. 4916.
10. Постановление Правительства РФ от 15.07.1999 № 825 «Об утверждении перечня работ, выполнение которых связано с высоким риском заболевания инфекционными болезнями и требует обязательного проведения профилактических прививок» (ред. от 24.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 19.07.1999. № 29, ст. 3766.
11. Приказ Минздрава РФ от 06.12.2021 № 1122н «Об утверждении национального календаря профилактических прививок, календаря профилактических прививок по эпидемическим показаниям и порядка проведения профилактических прививок» (ред. от 12.12.2023): зарег. в Минюсте РФ 20.12.2021 № 66435 [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. 20.12.2021. № 0001202112200070. URL: <http://pravo.gov.ru>, 20.12.2021 (дата обращения: 02.04.2024).
12. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 12.02.2016 № 29 «О Правилах проведения клинических и клинико-лабораторных испытаний (исследований) медицинских изделий» (ред. от 26.01.2024) // Правовой портал Евразийского экономического союза [сайт], 17.05.2016. URL: <https://docs.eaeunion.org> (дата обращения: 02.04.2024).
13. Письмо Минтруда РФ и Роспотребнадзора от 23.07.2021 г. № 14–4/10/П-5532 «Совместные разъяснения Минтруда России и Роспотребнадзора по организации вакцинации в организованных рабочих коллективах (трудовых коллективах) и порядку учёта процента вакцинированных» [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).

14. Письмо Роструда от 12.08.2021 № ПГ/22779–6–1 «Об основаниях отстранения работников, непривитых от COVID-19» // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
15. Письмо Роструда от 13.07.2021 № 1811-ТЗ «О возможности отстранения от работы не привитых от COVID-19 работников» // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
16. Определение КС РФ от 31.10.2023 № 2759-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вялых Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 65, 76 и 88 Трудового кодекса Российской Федерации, а также ряда федеральных законов» // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
17. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.11.2022 № 88–21684/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
18. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.03.2023 по делу № 88–3401/2023 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
19. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.04.2023 по делу № 88–6615/2023 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
20. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 01.03.2023 по делу № 88–3662/2023 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
21. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06.02.2023 по делу № 88–24534/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
22. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 17.04.2023 по делу № 88–7160/2023 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
23. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22.09.2021 № 88–15357/2021 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
24. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 23.01.2023 по делу № 88–1144/2023 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
25. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.05.2023 по делу № 88–7559/2023 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
26. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 25.10.2023 по делу № 88–21827/2023 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
27. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2021 по делу № 88–19074/2021 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
28. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 28.07.2022 по делу № 88–15910/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
29. Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 14.12.2022 по делу № 88–34488/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
30. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 16.06.2022 по делу № 33–6062/2022 // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
31. Апелляционное определение ВС республики Саха (Якутия) от 04.04.2022 по делу № 33–1104/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
32. Апелляционное определение Ленинградского областного суда от 27.09.2022 по делу № 33–5680/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
33. Апелляционное определение Липецкого областного суда от 15.08.2011 по делу № 33–2357/2011 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
34. Апелляционное определение Магаданского областного суда № 33–37/2022 от 10.02.2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
35. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.05.2021 по делу № 33–14362/2021 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
36. Апелляционное определение Московского областного суда от 19.07.2011 по делу № 33–16296 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
37. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 28.06.2022 по делу № 33–6284/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
38. Апелляционное определение Омского областного суда от 02.02.2022 по делу № 33–408/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
39. Апелляционное определение Омского областного суда от 23.11.2022 по делу № 33–6553/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
40. Апелляционное определение Омского областного суда от 15.01.2014 по делу № 33–125/2014 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).

41. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 13.04.2022 по делу № 33–2579/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
42. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 01.09.2022 по делу № 33–17788/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
43. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 01.09.2022 по делу № 33–18403/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
44. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 15.06.2023 по делу № 33–13104/2023 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
45. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 17.11.2022 по делу № 33–23949/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
46. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 20.01.2021 № 33–894/2021 по делу № 2–3076/2020 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
47. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29.03.2023 по делу № 33–7697/2023 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
48. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 30.11.2022 по делу № 33–24673/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
49. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 16.02.2021 по делу № 33–2183/2021 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
50. Апелляционным определением Хабаровского краевого суда от 04.03.2022 по делу № 33–1552/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
51. Апелляционное определение суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 04.10.2022 по делу № 33–6296/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
52. Апелляционное определение суда Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 29.11.2022 № 33–7296/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
53. Решение Горьковского районного суда Омской области от 04.08.2022 по делу № 2–308/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
54. Решение Горьковского районного суда Омской области от 21.10.2021 по делу № 2–486/2021 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
55. Решение Дзержинского районного суда г. Новосибирска от 04.03.2022 по делу № 2–1366/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
56. Решение Заднепровского районного суда города Смоленска от 19.10.2021 по делу № 2–1710/2021 (вступило в законную силу 20.11.2021) [Электронный ресурс] // Система гарант (дата обращения: 02.04.2024)
57. Решение Заднепровского районного суда города Смоленска от 27.10.2021 по делу № 2–1733/2021 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
58. Решение Краснооктябрьского районного суда города Волгограда от 23.12.2021 по делу № 2–3600/2021 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
59. Решение Лангепасского городского суда ХМАО-Югры от 18.05.2022 по делу № 2–293/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
60. Решение Магаданского городского суда от 29.10.2021 по делу № 2–2731/2021 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
61. Решение Московского районного суда города Санкт-Петербурга от 30.06.2022 по делу № 2–2791/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
62. Решение Нижневартовского городского суда ХМАО-Югры от 29.06.2022 по делу № 2–2059/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
63. Решение Петроградского районного суда города Санкт-Петербурга от 15.06.2022 по делу № 2–1853/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
64. Решение Петродворцового районного суда города Санкт-Петербурга от 25.10.202 по делу № 2–1157/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
65. Решение Приморского районного суда города Санкт-Петербурга от 28.03.2022 по делу № 2–6895/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
66. Решение Пушкинского районного суда города Санкт-Петербурга от 12.04.2022 по делу № 2–1929/2022 // Пушкинский районный суд г. Санкт-Петербурга [сайт]. URL: https://psh-spб.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=r_juid&vnkod=78RS0020&srв_num=1&delo_id=1540005&case_type=0&judicial_uid=78RS0020-01-2022-000220-17 [текст решения отсутствует] (дата обращения: 02.04.2024)
67. Решение Советско-Гаванского городского суда Хабаровского края от 22.11.2021 по делу № 2–1180/2021 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).

68. Решение Томпонского районного суда Республики Саха (Якутия) от 22.11.2022 по делу № 2–310/2021 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
69. Решение Тосненского городского суда Ленинградской области от 15.06.2022 по делу № 2–902/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
70. Решение Центрального районного суда г. Оренбурга от 14.01.2022 по делу № 2–294/2022 [Электронный ресурс] // Система Гарант (дата обращения: 02.04.2024).
71. Госдума выступила против публикации результатов испытаний лекарств и вакцин // Интернет-проект KM.RU [сетевое издание]. URL: <https://www.km.ru/zdorove/2023/10/12/gosudarstvennaya-duma-rf/907307-gosduma-vystupila-protiv-publikatsii-rezultatov-i> (дата обращения: 02.04.2024).
72. Игорь Гундаров. Демография: страшная правда / Миронов Де-Факто // YouTube. 2024. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=mYyKLNQL8oE> (дата обращения: 02.04.2024).
73. Куликов, К. Последствия после российских вакцин / Константин Куликов // Аргументы недели [сетевое издание]. 15.02.2022. URL: <https://argumenti.ru/opinion/2022/02/759675> (дата обращения: 02.04.2024).
74. Лента новостей РБК. Социологи оценили отношение россиян к обязательной вакцинации. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/06/2021/60d219ab9a7947ed4c9319e5> (дата обращения: 02.04.2024).
75. МИНЗДРАВ защищает тайну ВАКЦИН, а не здоровье! Суд тоже / Иван Иванов (правозащитник) ВКонтакте. VK. URL: https://vk.com/wall562084005_17856 (дата обращения: 02.04.2024).
76. Николай Бурляев о ковидобесии: «Это планетарный обман, планетарный терроризм» // Свободные люди Северо-Запада ВКонтакте. VK. 05.10.2023. URL: https://vk.com/wall-205517746_129386 (дата обращения: 02.04.2024).
77. Нобелевский лауреат Люк Монтань о вакцинации: «недопустимая ошибка» // Центр-1: новости, аналитика и мнения из Узбекистана [Электронный ресурс]. 18.10.2021. URL: <https://centre1.com/world/nobelevskij-laureat-lyuk-montane-o-vaktsinat-sii-nedorustimaya-oshibka/> (дата обращения: 02.04.2024).
78. Прививка, покрытая тайной // Коммерсантъ [сетевое издание]. 28.01.2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5192153> (дата обращения 02.04.2024).
79. Предсмертное интервью профессора Полетаева против принудительной вакцинации! / Валерий Анатольевич Соколов // YouTube. 30.08.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zYZdrXuHnkM> (дата обращения: 18.03.2024).
80. Профессор Катасонов: «Никакой пандемии нет. Есть фальшивая статистика» // Бизнес Online [Электронный ресурс]. 13.05.2020. URL: <https://www.business-gazeta.ru/article/468307?ysclid=ltvptsv5it875262511> (дата обращения: 16.03.2024).
81. Социологи оценили отношение россиян к обязательной вакцинации // РБК: Лента новостей [сетевое издание]. 23.07.2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/06/2021/60d219ab9a7947ed4c9319e5> (дата обращения: 18.03.2024).
82. 1000 рецензируемых научных статей о травмах, вызванных вакцинами от «Ковид-19» / Доктор Марк Троцци // Право Выбора [сайт]. 02.10.2023. URL: <https://bhira.org/archives/10009383> (дата обращения: 18.03.2024).
83. We the People Convention (by: Dr. David Martin) [Electronic resource]. 2023–05–31. URL: <https://wethepeopleconvention.org/articles/dr-david-martin> (date of treatment: 05.03.2024).

Правовые аспекты местного самоуправления в России: проблемы и перспективы

Клишко Ольга Александровна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Данная статья включает в себя исследование важности местного управления в контексте практики современной правовой системы Российской Федерации. В ее рамках проведен анализ основных проблем правовых аспектов местного самоуправления в РФ, определены главные перспективы развития местного самоуправления, обозначена роль местного самоуправления в обеспечении развития регионов. При написании работы особое внимание уделяется проблемам, с которыми сталкиваются местные органы власти в процессе выполнения своих функциональных обязанностей, что позволило в конце работы обозначить наиболее эффективные способы их устранения.

Ключевые слова: местное самоуправление, правовые аспекты, проблемы, перспективы.

Введение

В наши дни проблемы, возникающие при реализации функциональных обязанностей и полномочий органов местного самоуправления в Российской Федерации (далее в работе — РФ),

привлекают все больше внимания со стороны ученых и практикующих специалистов, поскольку данная сфера деятельности органа публичной власти играет ключевую роль в стабильном и активном развитии региона. Кроме того, именно грамотное и эффективное местное самоуправление может обеспечить

высокий уровень благополучия и благосостояния населения в среднесрочной перспективе.

В это же время, значительные усилия местных органов власти не всегда способствуют преодолению серьезных проблем в вопросах реализации полномочий на местном уровне, которые, безусловно, требуют срочного решения.

Рассматривая сущность местного самоуправления в контексте регионального развития, необходимо отметить труд Войтовича В. Ю., который в своих работах утверждает, что под местным самоуправлением в нынешнее время следует понимать право местного социума на осуществление управленческих функций в рамках российского законодательства на определенной территории с целью покрытия наиболее важных потребностей населения [1]. В это же время автор говорит о том, что государственно-правовая природа местного самоуправления тесно связана с его политико-социальным институтом, который образовывается в результате того, что местное самоуправление не входит в систему органов государственной власти в принципе [1]. Это обуславливает резонансное отношение к местным органам власти, ставя под сомнение их компетентность и властность на определенной территории.

В Федеральном законе № 131-ФЗ от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее в работе — ФЗ № 131-ФЗ от 06.10.2003) говорится, что на территории РФ местное самоуправление рассматривается в качестве формы осуществления народом своей власти [2]. Данная форма народной власти обеспечивает самостоятельное решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций [2]. В это же время в законе указывается на то, что решение вопросов в рамках реализации функциональных обязанностей и полномочий органов местного управления может осуществляться исключительно в пределах, устанавливаемых Конституцией РФ, федеральными законами и иными нормативно-правовыми актами, закреплёнными на государственном уровне.

Хорошо раскрыты особенности отечественной модели местного самоуправления в работе Авакьяна С. А., который утверждал, что закреплённое в Конституции Российской Федерации определение понятия «местное самоуправление» не дает возможности выделить вопросы «сугубо местного значения» [3]. Это позволяет нам задуматься о том, что публичная власть органов местного самоуправления в некоторой степени иллюзорна, так как все вопросы, решаемые местными органами самоуправления — это вопросы, решаемые изначально органами государственной власти. Кроме того, автор в своей статье подмечает, что вопросы между различными муниципальными образованияами также практически не отличаются, за исключением ряда частных, которые мы не будем описывать в рамках данной работы [3].

В результате рассмотрения всей вышеизложенной информации, мы можем утверждать, что сущность понятия «местное самоуправление» и его правовая природа становятся одним из главных факторов, оказывающих воздействие на понятийный аппарат в процессе их изучения и определения в более полной

мере. В свою очередь, подобная ситуация приводит к появлению проблем в работе системы местного самоуправления на территории многих регионов России.

Анализ основных проблем правовых аспектов местного самоуправления в РФ

Одной из первостепенных проблем в рамках правовых аспектов местного самоуправления на территории РФ является ограниченная автономия местных органов власти, которая выражается в некой недостаточности и нечеткости большинства полномочий органов местного самоуправления. При этом, автономия власти появляется и в результате формирования независимых взаимоотношений между органами местного самоуправления и органами централизованной государственной власти. В конечном итоге, все это приводит к ограничению их полномочий и неравномерному развитию регионов РФ, что само по себе обуславливает возникновение общественного недовольства по поводу качества работы системы местного самоуправления.

В своей диссертации Шамхалов М. А. утверждает, что ограниченная автономия местных органов власти является в современной России характерной чертой развития ее системы и норм права, так как во многом этот процесс направлен на поиск путей оптимизации сочетания централизации и децентрализации системы управления [4]. Подобный подход ориентирован на разграничение предметов ведения и полномочий, в то же время, акцентируя внимание на ограничении самоорганизационных мер на местных территориях через передачу функциональных обязанностей и полномочий местных органов власти вышестоящим.

Основная причина ограничения автономии, по мнению автора работы, состоит в том, что в РФ государственная власть в большинстве своем сконцентрирована на центральном уровне, что ограничивает свободу местных властей. Органы местного самоуправления в регионах не имеют возможности самостоятельно принимать решения в большинстве вопросов, а также реализовывать политику развития территории в целом.

Вторая причина возникновения автономии заключается в политической воли, которая зачастую ограничивается *политическими элитами*. В некоторых случаях представители региональной и центральной политической элиты не заинтересованы не только в наделении местных органов власти дополнительными полномочиями, но и в целом развитии регионов, что приводит к ослаблению влияния местных органов самоуправления на реализуемые на территории региона программы развития.

Отметим и то, что ограничение автономии местных органов власти может происходить и по причине финансовой зависимости регионов от центрального правительства. В данном случае свобода территорий (регионов) ограничивается финансовыми потоками, поступающими в их бюджет для дальнейшего освоения [5]. Очевидно, что ограничение финансовых потоков в местный бюджет **может быть спровоцировано отсутствием интереса в развитии региона со стороны политической элиты**.

В совокупности все вышеописанные факторы приводят к тому, что ограничение автономии местных органов власти — это естественный процесс на территории РФ, который берет свое начало именно из централизованного характера государственной власти. Данная проблема влияет и на политические, и на экономические, и на социальные процессы в обществе, приводя к снижению уровня эффективности работы органов местного самоуправления, а также разрушая патриотичность и ориентированность на развитие регионального достояния путем применения полномочий, прописанных в федеральном законодательстве.

Еще одной немаловажной проблемой является **бюрократическая нагрузка**, значительно ограничивающая развитие местных органов самоуправления. В современной практике она выражена в достаточно сложной и сверх нагроможденной процедуре получения разрешения, лицензий и иных документов, подтверждающих правомерность деятельности и работ. В конечном итоге все это значительно затрудняет и замедляет принятие решений и реализацию проектов на уровне местных властей.

Доказать высокий уровень бюрократической нагрузки в местных органах власти, можно обратив внимание на то, что необходимость в работе с документами может исходить, как от самих органов государственной власти региона, так и от вышестоящих органов управления. В таком случае она будет передаваться региональным органам власти в качестве поручения. В некоторых случаях местные органы власти вынуждены осуществлять документарную работу в связи с обработкой обра-

щений граждан, организаций или иных органов власти. Так: входящие документы представляют собой основу поручения для местных органов власти; их исполнение — это процесс принятия решения по принятому поручению (исполнение поручения, согласно нормативно-правовым актам и прописанным процедурам, осуществляется поочередно в нескольких структурных подразделениях органа местного самоуправления); для того, чтобы завершить процедуру принятия управленческого решения, необходимо подписать все документы у руководителя органа или конкретного структурного подразделения (примером может являться конкурсная документация или проект нормативно-правового акта) [7].

В статье Джагарян Н. В. говорится о том, что бюрократия в контексте работы органов местного самоуправления приводит не только к ограничению, но и усложнению процесса принятия местными органами самоуправления решений [6]. Бюрократия замедляет и затрудняет принятие всех необходимых решений, негативно сказываясь на эффективности работы местных органов власти, по мнению автора.

Здесь следует отметить, что из бюрократии вытекает и еще одна существенная проблема правовых аспектов деятельности местных органов власти, а именно, коррупционная составляющая, которая, в свою очередь, приводит к искажению принимаемых решений по большинству вопросов. Для подтверждения значимости данной проблемы обратимся к анализу статистики по коррупционным преступлениям в местных органах власти на территории РФ (таблица 1).

Таблица 1. Статистика коррупционных преступлений в местных органах власти на территории РФ [8]

	2019	2020	2021	2022	2023
Кол-во обвинительных приговоров, тыс. шт	15,6	12,7	15,2	13,4	14,1
Темпы прироста, %	X	-18,59	19,69	-11,84	5,22

Из анализа таблицы видим, что в 2023 г. количество обвинительных приговоров по коррупционным делам увеличилось на 5,2%, что указывает на рост коррупционной составляющей в контексте принятия решений на уровне местных органов самоуправления. При этом, одним из самых коррупционных регионов на территории РФ является Краснодарский край, согласно официальной статистике, он находится на шестое место в рейтинге, составленном Генеральной Прокуратурой Российской Федерации [9]. По данным официальной статистики на 2021 г. на территории края зафиксировано 78 183 преступлений с коррупционной составляющей, из них около 277 преступлений по статье 290 УК РФ (получение взятки в особо крупном размере) [9]. Следует отметить, что, понимая «плачевное положение дел», местное Правительство принимает меры по снижению уровня коррупции, которые заключаются в следующих аспектах:

— повсеместная цифровизация, сопутствующая внедрению электронных систем документооборота и учета обращений;

— создание специальных комиссионных органов, осуществляющих предотвращение осуществления коррупционных схем;

— активный прием жалоб со стороны населения по поводу коррупции и т.д.

Коррупционная составляющая негативно сказывается на уровне эффективности работы органов местного самоуправления за счет отсутствия достаточного уровня реализации предлагаемых проектов, а также за счет неправильного распределения ресурсной базы и искажения приоритетов в глазах представителей данных органов. Чем выше уровень коррупции в местных органах власти, тем выше вероятность того, что решения их представителями принимаются не на основании общественных интересов, а на основании личных выгод, что мешает развитию региона в среднесрочной перспективе.

Отметим и то, что с одной стороны централизация власти негативно сказывается на работе органов местной власти, урезая ее полномочия. С другой стороны, подобный подход противодействует коррупции, не позволяя решать некоторые проблемы не только в обход нормативно-правовой системы РФ, но и в обход государственных органов власти высшего уровня.

Таким образом, все обозначенные нами выше проблемы ни в коей мере не способствуют активному развитию и укреплению позиций местных органов власти, приводя исключи-

тельно к их малоэффективной и в некоторых случаях абсолютно незаконной работе. В это же время для устранения всех перечисленных нами проблем, требуется не только создавать условия для активного участия местных органов власти в развитии регионов, но и формировать жесткие, контролируемые структуры в рамках нормативно-правовой системы, которые смогут не только своевременно выявлять неэффективно работающие органы власти, но и реализовывать мероприятия по устранению причин снижения эффективности их работы.

Определение главных перспектив развития местного управления в контексте нормативно-правовой базы РФ

Перед тем как приступить к определению главных перспектив развития местного самоуправления в контексте нормативно-правовой базы РФ необходимо отметить, что оно представляет собой некий процесс определения ключевых направлений развития системы местного самоуправления, который происходит с учетом существующей на территории РФ нормативно правовой базы, в состав которой входят: Конституция РФ, федеральные и региональные законы и т.д.

Так, в соответствии с основными положениями ФЗ № 131-ФЗ от 06.10.2003, к ключевым направлениям развития органов местного самоуправления можно отнести следующие направления:

- *увеличение уровня автономии органов местного самоуправления через расширение объемов их полномочий;*
- *полная автоматизация электронного документооборота в органах государственной власти на местном уровне;*
- *активное развитие межмуниципального сотрудничества;*
- *пересмотр с целью оптимизации местных нормативно-правовых актов;*
- *повсеместное укрепление роли гражданского общества в работе местных органов власти.*

Рассмотрим каждое из направлений более подробно.

В первую очередь обратим внимание на увеличение уровня автономии органов местного самоуправления через расширение объемов их полномочий, которое может быть достигнуто через принятие новых законов или изменение существующих, а также укрепление финансовой и административной независимости местных органов самоуправления [10]. Данное направление подразумевает под собой наделение местных органов власти большим количеством возможностей для принятия самостоятельных решений, а также для разработки и реализации местных программ и проектов развития. При этом оно должно быть тесно сопряжено с увеличением уровня ответственности местных органов власти и их представителей за совершаемые правонарушения, что не позволит создать ситуацию, при которой будет отмечен резкий рост количества коррупционных преступлений на местном уровне.

Во-вторых, следует рассмотреть и направление, подразумевающее под собой активное развитие межмуниципального сотрудничества, которое выражается в организации партнерских взаимоотношений между различными муниципалитетами с целью обмена опытом, реализации совместных проектов или с целью объединения ресурсных баз и усиления коорди-

национных действий по отношению реализации некоторых смежных проектов. Развитие данного направления способствует укреплению местного сообщества и созданию объединенной идентичности между различными муниципалитетами, повышая тем самым общий уровень привлекательности региона для потенциальных инвесторов, туристов и жителей.

Автоматизация документооборота позволит уменьшить уровень бюрократической загрузки местных органов власти и улучшить качество предоставляемых ими услуг. Данное направление разрабатывается с целью упрощения и ускорения процесса работы с документами, что, в свою очередь, позволяет работникам органов местного самоуправления значительно сокращать время, которое они затрачивают на выполнение рутинных операций, дав им возможность сосредоточиться на разработке и реализации политик и программ развития территорий.

Говоря о мероприятии, направленном на пересмотр нормативно-правовых актов, регулирующих деятельность местных органов самоуправления, мы должны понимать, что оно должно быть организовано в рамках стремления оптимизировать работу государственных органов власти в целом. В то же время, он сопряжен с тем, что некоторые представители местных органов власти не будут согласны с его результатами, что в краткосрочной перспективе приведет к проявлению разногласий в работе. В среднесрочной же перспективе реализация работ в данном направлении приведет к увеличению уровня сбалансированности, а также к усилению принципа справедливости, а также к общему увеличению эффективности работы местных органов самоуправления.

Повсеместное же укрепление роли гражданского общества в работе местных органов власти даст возможность усилить демократические принципы, улучшить качество принимаемых решений и повысить эффективность работы местных органов власти [10]. Данное направление акцентирует свое внимание на:

- *повышении уровня легитимности и доверия со стороны местного сообщества к органам местного самоуправления;*
- *наделением всех представителей гражданского общества уникальными знаниями в области работы местных органов власти (способствует увеличению вовлеченности представителей общественности в принятие решений);*
- *увеличивает уровень контроля за деятельностью местных органов самоуправления.*

В совокупности данное направление совершенствования их работы в большей мере отвечает современной повестке для и может выступать в качестве ориентира для развития нормативно-правовой базы РФ в целом.

Таким образом, все описанные нами выше перспективы развития местного самоуправления основаны исключительно на нормативно-правовой базе РФ и ее основных положения, касающихся не только функционирования самих органов местной власти, но и других смежных с ними подразделений и ведомств.

Заключение

Очевидно, что роль местного самоуправления в контексте современного развития большинства регионов РФ на современном этапе огромна и безусловна, поскольку именно местное

самоуправление несет ответственность за принятие решений по таким задачам, как социально-экономическое развитие, инфраструктурное строительство, регулирование рынка труда, развитие субъектов малого и среднего бизнеса и т.д. Подчеркивает важность работы органов местного самоуправления и то, что решение всех прописанных выше вопросов в совокупности приводит к улучшению качества жизни населения, увеличению его уровня благосостояния и формированию наиболее благоприятной среды в регионе.

Литература:

1. Войтович, В. Ю. Местное самоуправление: сущность и значение / В. Ю. Войтович. — Текст: непосредственный // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». — 2016. — № 6. — С. 124–129.
2. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 14.02.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/aa8e0893f28ab9d82f0bd76c8573b8dd2afb02e2/.
3. Авакьян С. А. Особенности российской модели местного самоуправления и пути ее совершенствования // Юридическая наука. — 2014. — № 2. — С. 56–61.
4. Шамхалов, М. А. Автономия и самостоятельность местного самоуправления как конституционно-правовой принцип: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Шамхалов М. А. — 2006. — 164 с. — Текст: непосредственный.
5. Давыдов, Ю. А. Финансовая автономия органов местного самоуправления: парадигма эффективности / Ю. А. Давыдов. — Текст: непосредственный // Научные вызовы устойчивого социально-экономического развития России. — 2019. — № 1. — С. 66–70.
6. Джагарян, Н. В. Местное самоуправление и бюрократия: конституционные аспекты соотношения и взаимовлияния / Н. В. Джагарян. — Текст: непосредственный // Сравнительное конституционное обозрение. — 2014. — № 6. — С. 64–80.
7. Кусов В. К. Анализ основ документооборота в органах государственной власти Омской области // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2015. С. 238–243.
8. Коррупция в России и мире — в шести графиках // «Русфонд». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6595032>.
9. Показатели преступности России «Самые коррумпированные регионы РФ» // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat>.
10. Ускова, Т. В. Местное самоуправление в России: итоги и перспективы реформ / Т. В. Ускова. — Текст: непосредственный // Проблемы развития территории. — 2016. — № 5. — С. 159–176.

Исходя из всего вышесказанного, изучение ключевых проблем функционирования и усиления позиций органов местного самоуправления, а также перспектив их развития и в контексте нормативно-правовой базы РФ, позволяет ученым и практикующим специалистам формировать наиболее подходящие пути развития нормативно-правовой системы РФ, ориентированные на некоторую децентрализацию органов государственной власти с целью предоставления большей свободы органам местного самоуправления.

Защита прав и свобод человека и гражданина как государственная обязанность прокурора

Козлова Лилия Петровна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Государство обязано признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина [1]. Вопросы их защиты всегда сохраняют свою актуальность, особенно учитывая непостоянство законодательной базы, частое реформирование государственных органов, незрелость институтов гражданского общества, не обеспечивающих должный контроль за деятельностью субъектов публичной власти. В подобных условиях возрастает роль органов прокуратуры в защите прав и свобод человека и гражданина как государственного органа, независимого от иных ветвей власти.

Об этом же свидетельствует и многочисленность фактов нарушения прав и свобод человека и гражданина, выявляемых ор-

ганами прокуратуры. Так, согласно статистическим данным о результатах деятельности прокуратуры Российской Федерации, указанным ведомством на территории России в 2020 году было выявлено 2 427 878 нарушений законов в рамках осуществления надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, по итогам 2021 года этот показатель составил 2 432 63 нарушения [2]. Проблема усугубляется тем, что услуги профессиональных юристов для многих граждан недоступны по экономическим соображениям, а потому затруднен и доступ к правосудию. Таким образом, с помощью прокурорского надзора обеспечивается правовая защита данных граждан путем применения мер прокурорского реагирования и обращения с иском в суд в интересах конкретных граждан или неопределенного круга лиц.

Согласно ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — ФЗ «О прокуратуре РФ») надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина является одним из направлений прокурорского надзора [3]. Для реализации данной отрасли прокурорского надзора был принят специальный ведомственный акт [4]. В рамках осуществления надзора в обозначенной сфере прокурор проводит проверки соблюдения различных отраслей законодательства и в случае выявления нарушений принимает различные предусмотренные законом меры прокурорского реагирования.

Однако важным является следующий вопрос: защита прав и свобод человека и гражданина — это право или обязанность прокурора? Прежде чем ответить на поставленный вопрос, необходимо системно проанализировать положения законодательства, связанные с правовым статусом прокуратуры и прокурорских работников.

Во-первых, необходимость осуществления прокурорского надзора прямо следует из положений ФЗ «О прокуратуре РФ». Кроме того, прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина выделяется законодателем в самостоятельную отрасль прокурорского надзора, что также подчеркивает значимость осуществления подобной деятельности. Из положений ч. 1 ст. 1 ФЗ «О прокуратуре РФ» также усматривается неразрывная связь рассматриваемой отрасли прокурорского надзора с назначением самого органа.

Во-вторых, в силу положений ч. 3 ст. 12 ФЗ «О прокуратуре РФ» Генеральный прокурор РФ, а также нижестоящие прокуроры при первичном вступлении в должность прокуроров принимают присягу, которая включает в себя клятву защищать права и свободы человека и гражданина. Согласно п. «в» ч. 1 ст. 43 ФЗ «О прокуратуре РФ» одним из оснований прекращения службы в органах и организациях прокуратуры является нарушение присяги прокурора. При этом из положений исследуемой статьи также вытекает еще одно основание для увольнения — это совершение проступка, порочащего честь прокурорского работника, которое может быть связано с нарушением положений о защите прав и свобод человека и гражданина.

Охарактеризовать поступок работника органов прокуратуры с позиции признания его порочащим часть и достоинство (т.е. в качестве основания для увольнения) позволяет Кодекс этики прокурорского работника Российской Федерации.

Второй раздел Кодекса этики устанавливает правила поведения прокурорского работника, среди которых, применительно к теме научной работы, можно выделить:

- определение основного смысла и содержания профессиональной служебной деятельности прокурора через признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина;

- непримиримую борьбу с любыми нарушениями законодательства и своевременное принятие эффективных мер к защите охраняемых законом прав и свобод человека и гражданина, направленных на устранение нарушений и восстановление нарушенных прав;

- руководство в своей деятельности такими принципами, как справедливость и неотвратимость ответственности за нарушение закона [5].

Необходимо отметить, что совершение поступка, порочащего честь и достоинство, не во всех случаях может повлечь за собой увольнение, однако выступает основанием для привлечения работника прокуратуры к дисциплинарной ответственности. Относительно вопроса о защите прав и свобод человека и гражданина можно предположить, что конкретная мера дисциплинарной ответственности будет определяться с учетом тех неблагоприятных последствий, которые наступят для человека ввиду бездействия прокурорского работника.

Тем самым непринятие мер к обеспечению соблюдения прав и свобод человека и гражданина, пресечению нарушений законов в данном направлении может повлечь для прокурорского работника дисциплинарное взыскание вплоть до увольнения из органов прокуратуры.

Представленные обстоятельства свидетельствуют о том, что защита прав и свобод человека и гражданина выступает обязанностью служащих органов прокуратуры.

Наиболее значимой областью осуществления прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина выступает уголовный процесс. Указанный вывод можно сделать из анализа уголовного и уголовно-процессуального законодательства. На это также указывает издание специального приказа [6]. Следует отметить, что нарушения прав и свобод человека и гражданина в рамках уголовного процесса встречаются повсеместно [7].

Как правило, меры уголовной ответственности, меры процессуального принуждения и иные процедуры рассматриваемых отраслей права связаны с существенными ограничениями прав и свобод человека и гражданина (свобода передвижения, тайна переписки и др.). Не менее значимо и то обстоятельство, что в связи со спецификой уголовного процесса и его воздействием на личность подозреваемого, обвиняемого или подсудимого требуется неукоснительное и точное соблюдение всех правовых предписаний. Вместе с тем нередки случаи, когда правоохранительные органы нарушают положения действующего законодательства и тем самым допускают нарушение прав и свобод человека и гражданина.

Повышенное значение реализации прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в уголовном процессе признается также Конституционным Судом Российской Федерации. Так, в своем постановлении от 29 июня 2004 года № 13-П высшая судебная инстанция отмечает, что, следуя назначению и принципам уголовного судопроизводства, прокурор обязан всеми имеющимися в его распоряжении средствами обеспечить охрану прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве, но на этом его функции не заканчиваются, он осуществляет также надзор за исполнением законов органами, выполняющими оперативно-розыскную деятельность, дознанием и предварительным расследованием [8].

Следует отметить, что в рамках уголовного процесса нарушению, как правило, подлежат личные права и свободы подозреваемого, обвиняемого или подсудимого, и весь комплекс прав потерпевшего [9, с. 46].

Правоохранительными органами нередко нарушаются конституционные права и свободы участников процесса со сто-

роны защиты. К примеру, немаловажной проблемой является желание следователей минимизировать возбуждение уголовных дел в отношении сотрудников правоохранительных органов. Прокуратура, выявляя преступления в действиях следователей, в достаточной мере не имеет возможности влиять на органы, осуществляющие предварительное следствие.

Наглядным примером является дело бизнесмена Сергея Южанина, когда кировского предпринимателя в качестве свидетеля по уголовному делу задержали с применением силы, привезли в управление Следственного комитета РФ и 4 часа проводили допрос в наручниках. Суд определил, что разрешения на такие действия со стороны Следственного комитета РФ не имелось, при задержании Южанина оружия не имел, протокол не составлялся и пришел к выводу, что причин для применения физической силы и наручников не имелось, права, свободы и законные интересы предпринимателя были нарушены, а сотрудники Следственного комитета РФ превысили должностные полномочия [10].

Важно обратить внимание на возможности прокурора при осуществлении соответствующего вида надзора в уголовном процессе. Обязанности государственных органов всегда реализуются в строго определенных формах, которыми в указанных обстоятельствах служат средства прокурорского надзора. Характерной чертой средств прокурора в данном случае выступает их корреляция полномочиям прокурора как государственного служащего и соответственно связь с оценкой законности, обоснованности, своевременности деятельности определенных субъектов уголовного судопроизводства. Иными словами, применительно к исследуемой ситуации прокурор использует специальные средства, которые установлены уголовно-процессуальным законодательством. В качестве примера таких средств можно привести указания прокурора органам предварительного расследования, а также полномочия по отмене некоторых незаконных постановлений.

Таким образом, в ходе уголовного судопроизводства средства прокурорского надзора становятся, кроме собственно надзорных, еще и процессуальными. Вместе с тем Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее — УПК РФ) не дает точного и полного представления ни о перечне таких средств, ни о их структуре, содержании, понятии. К примеру, действующее законодательство не располагает определением понятия «требование», «указание» и др. Примечательно, что ФЗ «О прокуратуре РФ» и УПК РФ по-разному

подходят к содержанию многих актов прокурорского реагирования (постановление, требование и т.д.). В связи с чем многими авторами отмечается необходимость детальной регламентации видов и порядка применения процессуальных средств прокурора, с учетом особенностей реализации прокурором не только надзорных функций, но и уголовно-процессуальных [11, с. 53]. Указанная мера, на наш взгляд, может способствовать устранению существующих коллизий, а также формированию четкого перечня средств прокурорского надзора.

Необходимо указать, что прокурорский надзор осуществляется на всех этапах уголовного судопроизводства, что отражено не только в УПК РФ, но и ведомственных актах прокуратуры. По этой причине следует указать на определенную зависимость используемых средств от стадий уголовного процесса.

Определенные сложности реализации прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод человека и гражданина могут иметь организационные предпосылки. В качестве примера можно указать на взаимоотношения следователя и прокурора.

Как отмечает В. А. Ефанова в настоящее время законодательство позволяет следователю и прокурору действовать самостоятельно и независимо друг от друга: прокурор осуществляет надзор и государственное обвинение, а следователь отстаивает свою независимость в принятии процессуальных решений, что создает условия для волокиты [12, с. 46].

По мнению многих авторов, обособление органов предварительного следствия и утрата прокуратурой некоторых полномочий не могут положительно сказаться на достижении цели деятельности прокуратуры [13, с. 15].

Подводя итог изложенному, можно заключить следующее. Совокупный анализ положений федерального законодательства и приказов Генпрокуратуры РФ позволяет сделать вывод, что несмотря на то, что защита прав и свобод человека и гражданина выступает государственной обязанностью прокурора, следующей из самого назначения органа, ее реализация существенным образом осложнена за счет разобщенности нормативных правовых актов, регламентирующих порядок осуществления такой защиты. Кроме того, определенные трудности возникают в связи со спецификой уголовно-процессуальной сферы — в данном случае используются специфические средства прокурорского надзора (отмена постановлений, дача указаний и т.д.).

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. 1993. 25 дек.; 2020. 4 июля.
2. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за январь-декабрь 2021 г. // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: Результаты деятельности органов прокуратуры РФ — Генеральная прокуратура Российской Федерации (genproc.gov.ru) (дата обращения: 05.05.2022).
3. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации. 1992. № 8. Ст. 366; Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 1 (часть I). — Ст. 40.
4. Приказ Генпрокуратуры России от 7 декабря 2007 г. № 195 (ред. от 31.08.2023) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // Законность. 2008. № 3; 2023. № 11.

5. Приказ Генпрокуратуры России от 17 марта 2010 г. № 114 (ред. от 21.07.2023) «Об утверждении и введении в действие Кодекса этики прокурорского работника Российской Федерации и Концепции воспитательной работы в системе прокуратуры Российской Федерации» // Законность. 2010. № 6; 2023. № 8.
6. Приказ Генпрокуратуры России от 27 ноября 2007 г. № 189 (ред. от 19.08.2021) «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» // Законность. 2008. № 2; 2021. № 10.
7. Прокуратура отреагировала на нарушения, допущенные сотрудниками СИЗО при предоставлении свиданий защитникам // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/prokuratura-otreagirovala-na-narusheniya-dopushcheniye-sotrudnikami-sizo-pri-predostavlenii-svidaniy-zashchitnikam/?ysclid=l430ketmo2> (дата обращения: 05.06.2022).
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 4.
9. Андреева О. И. Пределы ограничения прав личности в уголовном процессе // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 358. С. 46–49.
10. Суду не понравилась доставка предпринимателя // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4118795?> (дата обращения: 05.03.2024).
11. Карягина Д. В. Средства прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод граждан в уголовном процессе // Universitas: экономика и юриспруденция. 2022. № 3 (90). С. 49–53.
12. Ефанова А. В. О проблемах прокурорского надзора в уголовном судопроизводстве // Судебная власть и уголовный процесс. 2016. № 4. С. 40–47.
13. Спирин А. В. Полномочия прокурора по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия: вопросы теории, практики, законодательного регулирования: дис. канд. юрид. наук. Екатеринбург. 2014. 273 с.

Неустойка: проблемы правовой природы и использования в договорных отношениях в свете реформы гражданского законодательства

Кудратова Татьяна Махмудовна, студент магистратуры
Московский финансово-промышленный университет «Синергия»

Ключевые слова: неустойка, законная неустойка, гражданский кодекс, договорные отношения.

Совершенствование гражданского законодательства — это одна из фундаментальных основ модернизации и адаптации правотворчества в системе российского права. Гражданский кодекс сегодня — это не только важнейший инструмент навигации по правам и обязанностям, но и система защиты для участников гражданского оборота. 18 июля 2008 года Президент РФ Дмитрий Медведев подписал Указ № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» с целью разработки концепции развития гражданского законодательства и внесения изменений в Гражданский кодекс.

Так, одним из направлений в разработке концепции развития гражданского законодательства стала модернизация положений об обязательствах и ответственности в системе договорных отношений, где неустойка является способом исполнения обеспечения обязательств, а также материальной мерой ответственности за ненадлежащее исполнение тех или иных обязательств в процессе исполнения договора. Актуальность вопроса, связанного с институтом неустойки, особенно важна в настоящее время в условиях стремительно развивающейся экономики и увеличении роста договорных отношений между различными участниками гражданского оборота.

Понятие «неустойка» в гражданском кодексе встречается сразу в двух главах кодекса. Так, согласно ст. 329 ГК РФ неустойка выступает в качестве способа исполнения обеспечения обязательств в то время, как в главе 25 ГК РФ неустойка выступает в качестве меры ответственности за нарушение обязательств. В связи с этим возникает вопрос о правовой природе неустойки. Так, способ исполнения обеспечения обязательств обладает свойствами акцессорности в то время, как ответственность акцессорностью не обладает.

В целом, под неустойкой понимают определенную законом или договором денежную сумму, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения. То есть, прямое толкование определения неустойки подразумевает, что неустойка может быть определена условиями договора, а также начисляться в соответствии с нормами гражданского кодекса. Поскольку в силу ст. 421 ГК РФ граждане и юридические лица свободны в заключении договора, а следовательно и свободны в избрании меры и размера ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств, то размер неустойки может быть выражен в качестве фиксированной платы за нарушение того или иного обязательства или может иметь

расчетный характер, к примеру когда установлен процент за каждый день ненадлежащего исполнения обязательства по оплате товара по договору поставки. Законная же неустойка определена конкретной ставкой. В частности, в соответствии со ст. 395 ГК РФ за ненадлежащее исполнение денежного обязательства определен размер неустойки в виде уплаты процентов на сумму долга, определяемой ключевой ставкой Банка России, действовавшей в соответствующие периоды. Таким образом, размер договорной неустойки определяется исключительно из достигнутого между сторонами соглашения, что в последствие может стать предметом спора.

К примеру, стороны заключили договор о поставке товара, согласно которому сторона «А» обязуется поставлять в адрес стороны «В» товары, количество и сроки оплаты которых определены в спецификациях к договору. Согласно договору за нарушение сроков оплаты товара предусмотрена ответственность в виде начисления неустойки в размере 0,5% от неоплаченной суммы за каждый день просрочки в оплате товара. Стоит отметить, что предельный размер неустойки договором не предусмотрен. Ввиду блокировки счета банком сторона «В» просрочила оплату Товаров, в связи с чем сторона «А» выставила в адрес стороны «В» неустойку, которая составила практически 70% от стоимости несвоевременно оплаченного товара. Очевидно, что требуемый размер неустойки несоразмерен нарушенному обязательству. Предположим, что сторона договора «В» на протяжении действия договора систематически нарушала сроки оплаты по поставкам Товаров, в то время как сторона «А» за весь срок действия договора ни разу не предъявила требования о неустойке, продолжая поставлять товары. По истечении срока действия договора стороны закрыли взаиморасчеты по основному обязательству, а спустя два года после окончания срока действия договора сторона «А» обратилась к стороне «В» с претензией об оплате неустойки по уже прекратившему свое действие договору.

Описанные в предыдущем абзаце ситуации, связанные с требованием об уплате неустойки, позволяют сделать вывод о необходимости тщательной проработки условий договора, относящихся к мерам ответственности и их ограничениям. В частности:

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации;
2. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ. — 2016. — 24 марта. — № 7.
3. Постановление Президиума Арбитражного суда Республики Марий Эл от 28.01.2019 № 09/19
4. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств».
5. Постановление Президиума ВАС РФ от 01.07.2014 № 4231/14 по делу № А40–41623/2013
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 17.12.2013 № 12945/13 по делу № А68–7334/2012
7. Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2000 № 263-О
8. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.02.2019 № 17АП-20465/2018-ГК по делу № А60–46509/2018
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.12.2011 № 81 «О некоторых вопросах применения статьи 333 Гражданского кодекса Российской Федерации»
10. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 12.01.2022 № Ф09–9657/21 по делу № А60–5366/2021

1. Четкая формулировка о моменте возникновения обязательства по оплате неустойки.

2. Ограничения, при которых нарушение обязательств одной стороной не влечет применения к ней санкций в форме начисления неустойки.

3. Определение лимита по размеру неустойки в процентом соотношении от суммы основного долга.

4. Сроки для предъявления требования о неустойке.

5. В связи с тем, что предъявление требования о неустойке является правом, а не обязательством стороны договора, включение в тело договора пунктов о том, как именно кредитор должен заявить о своем праве на неустойку, в том числе и об отражении суммы неустойки в бухгалтерских документах, в частности в актах сверки взаиморасчетов, как подтверждение факта намерения одной стороны договора требовать неустойку.

6. Основания для снижения неустойки в случае ненадлежащего исполнения одной из сторон условий договора.

Особенно остро в разрешении вопроса о размере неустойки стоит вопрос о соразмерности величины неустойки нарушенному обязательству. В целях урегулирования данного вопроса и для сохранения баланса интересов сторон договора в гражданском кодексе существует статья 333 ГК РФ, которая наделяет суд правом на уменьшении неустойки, если подлежащая уплате неустойка явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства. Однако, понятие о соразмерности носит достаточно субъективный характер и до сих пор нет четких критериев, в каких пределах размер неустойки носит адекватный характер, а в каких — размер неустойки может привести к неосновательному обогащению кредитора. Более того, при разрешении вопроса о размере неустойки суду следует исследовать совокупность факторов в анализе причин возникновения обязательства об оплате неустойки, в том числе добросовестное поведение кредитора и сложившиеся деловые обычаи между сторонами.

Таким образом, неустойка — это важнейший инструмент для участников гражданского оборота в вопросах обеспечения надлежащего исполнения обязательств. Данный инструмент показал свою эффективность в вопросе создания и поддержания добросовестной среды между участниками договорных отношений.

Проблема применения статьи 234.1 Уголовного кодекса Российской Федерации

Кужлева Алина Сергеевна, студент

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, новые потенциально опасные психоактивные вещества, перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации, реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ.

В 2015 году Федеральным законом от 03.02.2015 № 7-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» была введена ст. 234.1 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за незаконный оборот новых потенциально опасных психоактивных веществ (далее — НПОПВ), а именно за их незаконное производство, изготовление, переработку, хранение, перевозку, пересылку, приобретение, ввоз на территорию РФ, вывоз с территории РФ в целях сбыта [1].

В пояснительной записке к законопроекту вышеуказанного Федерального закона отмечалось, что введение данной статьи в УК РФ необходимо для осуществления противодействия обороту новых психоактивных веществ, повторяющих основную химическую формулу наркотических средств или психотропных веществ и схожих с ними по физиологическому воздействию на организм человека препаратов. Авторами законопроекта предлагалось вещества синтетического или естественного происхождения, которые вызывают у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, представляющего опасность для жизни и здоровья человека, и в отношении которых уполномоченными органами государственной власти не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом, отнести к НПОПВ и установить запрет на их оборот в РФ [3].

Так, в пояснительной записке упоминается о том, что эти вещества повторяют основную химическую формулу наркотических средств и психотропных веществ, что по своей сути полностью совпадает с целью введения в свое время такого предмета, как аналоги наркотических средств и психотропных веществ. Однако, данный признак не нашел свое отражение в действующем законодательстве.

Так, в УК РФ появился новый, ранее неизвестный российскому уголовному праву, предмет преступного посягательства — НПОПВ, рассмотрим его подробнее.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (далее — ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»), НПОПВ — вещества синтетического или естественного происхождения, включенные в Реестр новых потенциально опасных психоактивных веществ (далее — Реестр), оборот которых в РФ запрещен [2].

В ст. 2.2 ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» раскрываются признаки, которыми должно обладать НПОПВ для включения в Реестр, а именно такое вещество должно вызывать у человека состояние наркотического или иного токсического опьянения, которое является опасным для

его жизни и здоровья, в отношении которых уполномоченными органами государственной власти РФ не установлены санитарно-эпидемиологические требования или меры контроля за оборотом таких веществ [2].

На сегодняшний день практика применения ст. 234.1 УК РФ отсутствует, в связи с тем, что обязательным условием ее реализации является включение НПОПВ в Реестр, который на сегодняшний день не сформирован.

Обязанность ведения Реестра возложена на Главное управление по контролю за оборотом наркотиков Министерства внутренних дел РФ [2].

По мнению Е. Н. Бархатовой, идея введения такого Реестра была направлена непосредственно на оперативное реагирование со стороны государства на регулярно появляющиеся НПОПВ, так как внесение новых психоактивных веществ в перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации (далее — Перечень) занимает большое количество времени, что делает более затруднительной борьбу с новыми веществами. Таким образом, Реестр должен был стать промежуточным пунктом размещения опасных веществ с момента выявления вещества и до момента внесения его в Перечень, то есть оказывать помощь правоприменителю в защите жизни и здоровья граждан [4, с. 59].

Таким образом, цель для которой данная статья была внесена в уголовный закон РФ на сегодняшний день остается недостигнутой, а НПОПВ фактически продолжают находиться в легальном обороте.

Для решения существующей проблемы, по мнению А. И. Ротар и Ю. С. Гридиной, единственным вариантом разрешения сложившейся ситуации является запуск процедуры признания НПОПВ аналогом наркотических средств и психотропных веществ [5, с. 22].

Мысль о приравнивании НПОПВ с аналогами является не совсем справедливой.

По своей сути такие вещества являются абсолютно новыми, ранее неизвестными мировому сообществу в рамках незаконного оборота психоактивными веществами, которые обладают следующими признаками:

- 1) вещество синтетического или естественного происхождения;
- 2) вещество включено в Реестр;
- 3) способно вызывать состояние наркотического или иного токсического опьянения, опасное для жизни и здоровья;
- 4) уполномоченными органами государственной власти РФ не установлены санитарно-эпидемиологические требования либо меры контроля за их оборотом [2].

Аналогами же признаются вещества, обладающими следующими признаками:

- 1) вещество синтетического или естественного происхождения;
- 2) вещество не включено в Перечень;
- 3) химическая структура и свойства аналога сходны с химической структурой и со свойствами наркотических средств и психотропных веществ, психоактивное действие которых он воспроизводит [2].

Анализируя, указанные признаки, содержащиеся в ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», стоит отметить один важный момент, а именно то, что законодатель не указывает в качестве признака НПОПВ сходство химической формулы с уже известными наркотическими средствами и психотропными веществами.

Данный признак и является главным отличием сравниваемых понятий.

Кроме того, различие изучаемых понятий заключается и в их правовом признаке. В частности, аналогами могут быть признаны только те вещества, которые не включены в Перечень, а НПОПВ, в свою очередь, должны быть включены в Реестр.

Таким образом, данные понятия не могут быть признаны тождественными и, как следствие, приравнять НПОПВ к аналогам наркотических средств и психотропных веществ не представляется возможным.

Бархатова Е. Н., в свою очередь, для решения проблемы предлагает исключить из законодательства требование о создании Реестра и решать вопрос о привлечении лица к уголовной ответственности по ст. 234.1 УК РФ на основании результатов судебной экспертизы. В качестве аргумента в пользу такого решения Бархатова Е. Н. указывает то, что заключение эксперта о признании вещества психоактивным и потенциально опасным является достаточным основанием для установления состава преступления, предусмотренного ст. 234.1 УК РФ [4, с. 60].

Данное предложение также является довольно неоднозначным, так как не определены точные критерии, на основании которых эксперт должен делать выводы о признании того или иного вещества психоактивным и потенциально опасным, в связи с чем может возникнуть ситуация объективного вменения, что противоречит принципу вины, закрепленному в ст. 5 УК РФ.

Анализируя сложившуюся ситуацию неприменения рассматриваемой уголовно-правовой нормы на протяжении 9 лет, возникает вопрос не о том, как привести ее в действие, а нуждается ли уголовный закон в целом в такой норме.

Как уже было отмечено ранее, ст. 234.1 УК РФ закрепляет уголовную ответственность за незаконный оборот веществ, которые по своей сути являются наркотическими средствами или психотропными веществами, но в связи с недавним обнару-

жением еще не внесены в Перечень. Включение данной нормы в УК РФ было направлено на предоставление правоохранительным органам возможности привлечения лиц к уголовной ответственности за незаконный оборот указанных веществ посредством включения их Главным управлением по контролю за наркотиками Министерства внутренних дел РФ в Реестр.

Предусмотрев ведение Реестра, законодатель создал лишь еще одну «ступень», нагромождая и без того небыстрый процесс включения нового наркотического средства или психотропного вещества в Перечень.

Кроме того, возлагая функцию по формированию Реестра на Министерство внутренних дел РФ, законодатель не учел состояние «кадрового голода», длящегося на протяжении многих лет, и, как следствие, недостаточное количество высококвалифицированных сотрудников, которые бы обладали достаточным уровнем знаний для проведения лабораторных исследований необходимого уровня, который бы позволил на основании заключения эксперта вносить новое вещество в Реестр и привлекать лицо к уголовной ответственности.

В связи с этим, более рациональным представляется направить силы государства на пересмотр процесса внесения дополнений в Перечень, предусмотрев механизмы, которые бы позволили более оперативно реагировать государственным органам в лице Министерства здравоохранения РФ, Министерства внутренних дел РФ и Правительства РФ на постоянно появляющиеся новые психоактивные вещества.

Так, на сегодняшний день Перечень пополняется новыми наркотическими средствами или психотропными веществами в среднем один раз в полгода, а иногда и реже, в частности, последнее дополнение было внесено 7 февраля 2024 года, а до этого 14 ноября 2023 года. За такой большой промежуток времени подпольные лаборатории успевают синтезировать несколько десятков новых видов наркотиков, в связи с чем, если не предпринять меры для более быстрого реагирования государства на появление новых веществ, на теневом рынке всегда будет находиться большое количество веществ, представляющих реальную угрозу для жизни людей, а лица распространяющие такие вещества, так и будет осуществлять свою «легальную деятельность».

Исходя из вышесказанного, процедуру дополнения Перечня необходимо осуществлять каждые один-два месяца, только в этом случае можно говорить о реальной борьбе государства с незаконным оборотом наркотиков.

Возвращаясь к ст. 234.1 УК РФ, следует сказать о том, что ее наличие в УК РФ не представляет никакой практической ценности, в связи с чем ее следует исключить из российского уголовного закона.

Таким образом, урегулировав вопрос о более оперативном внесении дополнений в Перечень, у государства появятся все необходимые «инструменты» для реальной борьбы с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.

2. О наркотических средствах и психотропных веществах: Федеральный закон от 08.01.1998 № 3-ФЗ (ред. 08.12.2020) // Российская газета, № 7, 15.01.1998.
3. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 638953–6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/638953–6](https://sozd.duma.gov.ru/bill/638953-6) (Дата обращения: 12.12.2023).
4. Бархатова Е. Н. Категория «новые потенциально опасные психоактивные вещества» в уголовном праве России // Уголовное законодательство: вчера, сегодня, завтра. Материалы ежегодной международной научно-практической конференции. 2023. С. 58–61. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54599854/> (дата обращения: 15.12.2023).
5. Ротар А. И. Гридина Ю. С. Проблемные аспекты правового регулирования оборота новых потенциально опасных психоактивных веществ // Академический научно-правовой вестник адвоката А. Н. Чашина. 2023. Вып. 1. С. 18–23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=53792598/> (дата обращения: 12.12.2023).

Надругательство над телами умерших и местами их захоронения

Курганская Елена Евгеньевна, студент

Научный руководитель: Миرونюк Иван Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматриваются причины и условия, способствующие совершению надругательства над телами умерших и местами их захоронения, состав преступления, а также приводятся основные отличия от смежных составов преступлений.

Ключевые слова: квалификация, места захоронения, преступления, надругательство: тела умерших.

В настоящее время за надругательство над телами умерших и местами их захоронения предусмотрена уголовная ответственность в соответствии со статьей 244 Уголовного Кодекса Российской Федерации. Актуальность научной статьи объясняется тем, что изучение деятельности юристов в данной области показало, что проблемы квалификации деяний по ст. 244 УК РФ на сегодняшний день связаны с определением понятия «надругательства».

К причинам совершения надругательства над телами умерших и местами их захоронения, а также условиям, способствующие совершению преступления относятся:

1. финансовая нестабильность в государстве, в том числе и массовая безработица (в связи с этим фактом, граждане, оказавшиеся без средств к существованию, ищут пути заработка средств, необходимых им для выживания, поэтому они могут совершать рассматриваемое преступление),

2. личная неприязнь или ненависть к усопшему (граждане могут совершать надругательства над телами умерших и местами их захоронения из-за чувства ненависти или злобы к усопшему или их близким),

3. сверхъестественные убеждения (некоторые граждане верят в различные обряды или ритуалы, включающие надругательства над телами умерших, с целью получения какой-то выгоды или защиты от злых сил),

4. психические расстройства (психически нестабильные лица могут совершать надругательства из-за своего неправильного восприятия реальности или потребности в эмоциональном возмещении),

5. политические или религиозные убеждения (надругательства над телами умерших могут быть совершены в рамках политических или религиозных конфликтов, как форма устрашения

или демонстрации власти, для достижения поставленных целей отдельными лицами или группой лиц),

6. проявление агрессии или желание привлечь внимание (граждане могут совершать надругательства над умершими и местами их захоронения в качестве проявления агрессии или желания привлечь внимание к себе),

7. отсутствие централизованной системы охраны кладбищ (если место захоронения не охраняется или охрана недостаточна, это может способствовать совершению надругательства),

8. недостаточное внимание к культуре уважения к умершим (в случае, если в обществе отсутствует культура уважения к умершим, что также может способствовать совершению рассматриваемого преступления) [2]

В своих трудах Шалагин А.Е. отмечает, что: «такие преступления преимущественно совершаются в группе, среди виновных нередко встречаются несовершеннолетние, многие из которых являются учащимися средних и средних специальных учебных заведений. Преступления, предусмотренные ст. 244 УК РФ, совершаются и в совокупности с другими преступными деяниями, преимущественно насильственного и корыстного характера» [7].

Родовым объектом преступления, предусмотренного статьей 244 Уголовного кодекса Российской Федерации, выступает общественная безопасность и общественный порядок. Видовым объектом надругательства над телами умерших и местами их захоронения, по мнению Я.С. Калинской и А.А. Чугунова, является общественная нравственность [8]. В отношении непосредственного объекта у ученых существуют разные точки зрения. Так, например, Р.А. Исмагилов определяет непосредственный объект как похоронная культура [10]. Однако, такое мнение не разделяет Гладких В.И., который склоняется к тому,

что «непосредственным объектом преступления являются общественные отношения в сфере нравственности, связанные с обычаями, традициями, религиозными обрядами погребения, честью умерших, памятью о них, покоем тел и мест захоронения. Факультативным объектом будут нематериальные блага родственников умерших, собственность и т. п.» [9].

О. С. Капинус считает, что объективная сторона «выражается в надругательстве над телами умерших, уничтожении, повреждении или осквернении мест захоронения, надмогильных сооружений, кладбищенских зданий» [6]. Однако в настоящее время в современной юридической научной литературе отсутствует единый подход к понятию «надругательство». Толковый словарь Ожегова имеет следующее определение рассматриваемого понятия: «оскорбительное, грубое издевательство, кощунство» [3]. Не все представители уголовно-правовой науки согласны с данным определением. Так, например, А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков и др. определяют надругательство, как: «совершение безнравственных, оскверняющих или циничных действий» [4]. Другой точки зрения придерживается В. А. Джемелинский. В своих трудах он дает следующее определение: «безнравственные оскверняющие действия, противоречащие принятым у данного народа традициям и обычаям» [5]. Следует отметить, что автор не уточняет, о каких традициях и обычаях говорится. Кроме того, Российская Федерация характеризуется ее многонациональным народом, которые имеют свои особенности, касающиеся религиозных обрядов погребения умерших или их поминовения.

Таким образом, надругательство над телами умерших, исходя из анализа определения, должно обладать такими признаками как нарушения норм общественной нравственности, а также нарушения права человека на достойное место захоронения.

Как отмечал Гладких В. И.: «субъект преступления общий, т.е. физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста 16 лет» [9].

Субъективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется прямым умыслом, т.е. лицо, которое совершает повреждение, осквернение или уничтожение тела умершего или его могилы, осознает, что совершает общественно опасное деяние и желает наступление определенных последствий от своих действий. В принципе, мотивы данного преступления могут быть самыми разными, начиная с ненависти к усопшему, заканчивая действиями из хулиганских побуждений.

Квалифицирующие признаки рассматриваемого преступления содержатся в ч. 2 ст. 244 УК РФ, а именно преступление: «совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, по мотивам политиче-

ской, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, с применением насилия или с угрозой его применения» [1].

Стоит отметить, что надругательство над телами умерших и местами их захоронения имеет особенность, а именно то, что данный состав преступления может быть как формальным, так и материальным. Так, например, при надругательстве над телами умерших преступление считается оконченным в момент совершения деяния, а надругательство над местами их захоронения — с момента наступления каких-либо последствий (уничтожение или повреждение могилы, кладбищенских зданий).

Еще одной особенностью является факт того, что если лицо совершает тайное похищение предметов, которые находятся на могиле, в гробу или на трупе до момента его захоронения, то такое преступление будет квалифицироваться не по статье 244 УК РФ, а по статье 158 УК РФ (кража). В случае, если лицо совершает надругательство над местами захоронения, которые имеют историческую или культурную ценность, лицо подлежит уголовной ответственности по статье 243 УК РФ. Кроме того, эксгумация или перезахоронение останков умершего не будут иметь состава преступления в случае, если данные действия будут произведены в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Вандализм и надругательство над телами умерших нужно отграничивать друг от друга. Данные виды преступлений объединяет тот факт, что они посягают на общественную безопасность и общественный порядок. Их главное отличие заключается в предмете. Предметом вандализма являются: «здания или сооружения, имущество на общественном транспорте или в иных общественных местах», а предметом рассматриваемого преступления являются тела умерших, места их захоронения, надмогильные сооружения, кладбищенские здания. Кроме того, одним из наиболее распространенных проявлений вандализма является разрушение общественных сооружений и инфраструктуры.

Таким образом, в науке уголовного права нет единого подхода к определению «надругательства» в составе преступления, предусмотренном ст. 244 УК РФ. Полагаем необходимым разработать и закрепить научно обоснованное определение «надругательства» в законодательстве. Кроме того, на уровне разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации представляется целесообразным закрепить рекомендации по поводу отграничения надругательства над телами умерших и местами их захоронения от смежных составов преступлений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 23.03.2024) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
2. Хомякова М. А. Детерминанты надругательства над телами умерших // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 4 (112). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/determinanty-nadrugatelstva-nad-telami-umershih> (дата обращения: 24.03.2024).
3. Толковый словарь русского языка / Под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой М., 2001. — С. 380.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный): в 2 т./ А. В. Бриллиантов, Г. Д. Долженкова, Э. Н. Жевлаков [и др.] / под ред. А. В. Бриллиантова М.: Проспект, 2015. — С. 223.

5. Джемелинский В. А. Криминалистическая характеристика и первоначальный этап расследования надругательств над телами умерших и местами их захоронения / Дис... канд. юрид. наук: 12.00.08. — М., 2005. — С. 36.
6. Уголовное право России. Особенная часть: учебник для вузов / О. С. Капинус [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 1189 с. — (Высшее образование). — ISBN978-5-534-18351-1. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С. 765 — URL: <https://urait.ru/bcode/534839/p.765> (дата обращения: 22.02.2024).
7. Шалагин А. Е. Криминологическая характеристика и особенности предупреждения преступлений, предусмотренных ст. 244 УК РФ // ВЭПС. 2012. № 4.
8. Калинская Я. С., Чутунов А. А. Разграничение составов преступлений, предусмотренных статьями 214, 243, 244 УК РФ: объективные критерии // Современное право. — 2015. — № 7. — С. 106.
9. Уголовное право. Особенная часть: преступления против общественной безопасности и общественного порядка: учебник для вузов / В. М. Алиев [и др.], под общей редакцией В. И. Гладких, А. К. Есяяна. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 352 с. — (Высшее образование). — ISBN978-5-534-13708-8. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. С. 258. — URL: <https://urait.ru/bcode/543900/p.258> (дата обращения: 24.03.2024).
10. Исмагилов Р. А. Похоронная культура как предмет правового регулирования и объект уголовно-правовой охраны // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 1 (15). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pohoronnaya-kultura-kak-predmet-pravovogoregulirovaniya-i-obekt-ugolovno-pravovoy-ohrany> (дата обращения: 24.03.2024).

Конституционно-правовые аспекты публичного характера адвокатской деятельности

Кутузова Полина Олеговна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал, что каждый гражданин имеет право на привлечение профессионального и независимого защитника [9] в своем деле. Он также указывал на неприкосновенность права на квалифицированную юридическую помощь (согласно статье 46) и права на судебную защиту (согласно статье 48), отмечая, что эти права не должны быть ограничены [8]. Исходя из данного утверждения, в научной литературе часто обсуждается публично-правовой характер адвокатской деятельности, особенно в контексте ее взаимодействия с судом. В этом контексте суд рассматривается как государственный орган, осуществляющий правосудие от имени Российской Федерации [2, с. 48].

Адвокатура, определенная законодательством как институт гражданского общества, обладает особым статусом в судебных процедурах. Адвокат воплощает принципы справедливого правосудия, состязательности и равноправия сторон, закрепленные статьей 123 Конституции РФ. Важным вопросом для государства является обеспечение адвокатов минимальными и приемлемыми материальными гарантиями. Как отмечает М. С. Строгович, функция защиты, выполняемая адвокатом, имеет публичный и общественный характер, а также является важной для государства [10, с. 247].

Верховный Суд Российской Федерации указывает, что деятельность адвоката по представлению интересов доверителя перед органами предварительного следствия или судом имеет публично-правовой характер и не является предпринимательской деятельностью. Таким образом, это подтверждает публично-правовую природу адвокатуры российской системы правосудия. В Определении Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 462-О-О акцентируется внимание, что в подобном публично-правовом характере реализуются положения

статья 45 (часть 1) и статья 48 (часть 1) Конституции РФ [4]. Следует подчеркнуть, что существует различие между понятиями «публичный» и «государственный». Хотя некоторые исследователи смешивают эти термины, следует согласиться с другими авторами в том, что такой подход недопустим [3].

В определенных целях государство может делегировать свои правозащитные функции другим субъектам, не являющимся частью публичной власти [6]. В этом контексте адвокатура является одним из таких субъектов, осуществляющим публично-правовые правозащитные функции [7]. Конституционный Суд РФ также отмечает, что адвокат осуществляет деятельность публично-правового характера, гарантируя право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Таким образом, адвокатура играет важную роль в обеспечении правового порядка, защите прав и интересов граждан и реализации публичных функций в сфере правосудия.

Адвокатура не может функционировать без определенного регулирующего воздействия государства, однако, это не должно приводить к непосредственному государственному вмешательству [1]. Конституционный Суд РФ обратил внимание законодателя на необходимость сохранения баланса между государственно-властными и внутрикорпоративными началами регулирования адвокатской деятельности [5]. Любое нарушение этого баланса может повлечь за собой нарушение конституционных ценностей. Это подчеркивает важность соблюдения принципа независимости адвокатуры и сохранения ее способности эффективно выполнять свои функции в интересах общества и справедливости.

Таким образом, можно прийти к выводу, что правозащитная деятельность адвокатуры имеет публичный характер, так как заключается в защите прав и законных интересов отдельных

лиц, объединений граждан, общества и государства. Главная задача адвокатуры состоит в обеспечении интересов различных субъектов права, а не только защите интересов самой адвокатской деятельности. При этом адвокатура реализует делегированные государством правозащитные функции на основании конституционных положений. Она также является важным ин-

ститутом гражданского общества, способствующим установлению разумного баланса в системе сдержек и противовесов. Адвокатура играет важную роль в укреплении правового государства и защите прав и законных интересов всех участников общества, способствуя справедливости и обеспечению равновесия в правовой системе.

Литература:

1. Братановский С. Н. Административное право. Особенная часть: Учебник. М. Директ-Медиа. 2013 // Доступ из Справ. прав. системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.10.2023 г.)
2. Галоганов А. П. Адвокатура и государство // Современное состояние адвокатуры в странах Центральной Азии: проблемы и перспективы. Материалы Международной региональной конференции. Узбекистан. 2003. С. 48.
3. Макаров О. В. Публичная сфера: необходимость понятия и сущность // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 10 // Доступ из Справ. прав. системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.10.2023 г.)
4. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 15 января 2009 г. № 462-О-О // Доступ из Справ. прав. системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.10.2023 г.)
5. Определение Конституционного Суда РФ от 26 января 2017 г. № 211-О // Документ опубликован не был. Доступ из Справ. прав. системы «КонсультантПлюс» (дата обращения 17.10.2023 г.)
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П // СЗ РФ. — 2012. — № 31. 30 июля. Ст. 4470.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1999 г. № 18-П // СЗ РФ. 2000. № 3. 17 янв. Ст. 353.
8. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 октября 2001 года № 14-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 48. — Ст. 4551.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 января 1997 года № 2-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 7. — Ст. 871.
10. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М. 1968. Т. 1. С. 247.

Использование судебно-медицинской экспертизы при расследовании преступлений

Лаптев Владислав Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Глазунов Борис Борисович, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

Роль судебно-медицинской экспертизы в расследовании преступлений крайне велика, поскольку результаты экспертиз во многом определяют установление обстоятельств дела, обоснование состава преступления и в дальнейшем — исход рассмотрения дела в суде. Однако, назначение и производство судебно-медицинских экспертиз, на практике, сопряжено с рядом проблем, попытка систематизации которых представлена в данной статье.

Ключевые слова: судебно-медицинская экспертиза, эксперт, дознаватель, следователь, расследование преступлений.

Эффективная защита прав и законных интересов граждан, равно как и успешность борьбы с преступностью, напрямую зависит от полноты раскрытия объективной стороны состава преступления. С достаточной полнотой должны быть установлены также факты, характеризующие субъективную сторону состава преступления. Их установление, в свою очередь, зачастую определяется результатами проводимых судебно-медицинских экспертиз.

Отечественная практика расследования преступлений знакома с проведением судебных экспертиз достаточно давно, проводиться они стали еще при Петре I. Современная судебная медицина выделена в самостоятельную область знаний, что указывает на ее важность и значимость в уголовном процессе.

Судебная экспертиза, назначаемая в рамках уголовного производства, является процессуальным действием, состоящим из про-

ведения по заданию следователя и суда исследований и дачи заключения экспертом по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу [1, с. 53]. Заключение эксперта — важный источник сведений а, на основании информации из которого появляется возможность установить факты, являющиеся существенными для правильного рассмотрения дел, для принятия обоснованных решений по существу [2, с. 88].

Права участников процессов назначения и производства судебной экспертизы установлены соответствующими статьями 197 и 198 УПК РФ. Проведение судебной экспертизы возможно как в экспертных учреждениях, так и вне их [3, с. 15]. Если судебная экспертиза реализуется в экспертном учреждении, применяется особый порядок направления материалов уголовного дела, включающий этапы:

1. Направление постановления о судебной экспертизе и материалов уголовного дела следователем руководителю экспертного учреждения.

2. Поручение руководителем экспертного учреждения производства экспертизы эксперту или их группе, с разъяснением соответствующих прав и обязанностей.

3. Уведомление руководителем экспертного учреждения следователя о поручении производства экспертизы конкретному лицу (эксперту).

В определенных ситуациях, зафиксированных в ст. 199 УПК РФ, возможен обоснованный отказ руководителя экспертного учреждения от производства экспертизы (в случае отсутствия в учреждении эксперта конкретной специализации либо отсутствия условий, необходимых для проведения экспертизы).

По окончании проведения судебной экспертизы экспертом формируется заключение по структуре, установленной законодательно, в котором отражены должны быть основные обстоятельства производства судебной экспертизы. Перечень данных, которые должны быть отражены в заключении, установлен в ст. 204 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Заключение эксперта (или сообщение о невозможности дать соответствующее заключение), протокол допроса эксперта предоставляется следователем потерпевшему, подозреваемому, представителям указанных лиц, свидетелям.

Важнейшие обстоятельства преступления удается установить в результате применения судебно-медицинской экспертизы. Так, при расследовании убийств в ряде случаев только благодаря назначению и проведению судебно-медицинской экспертизы с высокой долей точности удается установить взаимное местонахождение жертвы и преступника относительно друг друга в момент совершения убийства, определить в какой момент были нанесены повреждения, установить особенности применения оружия и прочие аспекты.

На этапах квалификации преступлений против жизни и здоровья медицинская оценка, реализуемая в рамках проведения судебно-медицинской экспертизы, предопределяет правовую. Особая роль ее в данном случае заключается в том, что выводы экспертов существенно влияют на выбор состава преступлений в ходе следствия.

Судебно-медицинская экспертиза незаменима на определенных стадиях уголовного процесса, при раскрытии и расследовании определенных преступлений информация не может быть получена никаким иным образом, кроме как с ее применением. К примеру, в результате социологического исследования, проведенного посредством анкетирования сотрудников органов внутренних дел, было установлено, что расследование более 60% убийств не возможно провести без производства патологоанатомических исследований, в 26% случаев расследование убийства требует проведения экспертиз психологами, психиатрами, гинекологами, сексопатологами и др., в 12% случаев при проведении расследований убийств требуется привле-

чение криминалистов, биологов, медицинских экспертов иных направлений [4, с. 36].

В литературе обсуждается мнение, что назначение и проведение судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве на первой инстанции осуществляется на условиях гласности, в отличие от проведения судебной экспертизы на стадии предварительного расследования. На этом основании, экспертиза, назначенная судом по тому же предмету, что и на стадии досудебного расследования повторной не является [5, с. 58].

В следственной практике вероятно возникновение проблем, связанных с нарушением ч. 3 ст. 195 УПК РФ, а именно в моменте ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы подозреваемого, обвиняемого и его защитника. Некоторые следователи протокол об ознакомлении с постановлением о назначении экспертизы вышеуказанных лиц составляют задним числом, либо одновременно с предъявлением заключения эксперта непосредственно после производства экспертизы, что может повлечь признание проведенной экспертизы недействительной в качестве доказательства судом.

Определенные сложности вызывает то обстоятельство, что на основании норм действующего законодательства сроки производства судебных экспертиз не установлены, как не установлены сроки и подготовки ответа о невозможности провести экспертизы — ст. 144 УПК РФ определяет, что дознаватель, орган дознания, следователь могут назначить судебную экспертизу и имеют право получить заключение эксперта в разумный срок. Обоснованно, что срок проведения судебной экспертизы зависит от ее сложности, от количества объектов, которые необходимо изучить, от количества и уровня сложности тех вопросов, которые ставятся перед экспертом.

Проблемной областью является негосударственные экспертные учреждения и частнопрактикующие эксперты. Их деятельность практически нечем не ограничена и не лицензируется, в некоторых случаях они не имеют профильного образования, а обладают лишь только сертификатом компетентности. В результате зачастую их заключения отклоняются следователем и судьей и не приобщаются к рассматриваемому уголовному делу в суде.

Таким образом, судебная экспертиза — один из основных источников получения достоверной информации, роль которого в расследовании преступлений чрезвычайно велика. В отношении экспертизы установлен определенный процессуальный порядок назначения и проведения. Как и любое иное доказательство, судебная экспертиза имеет юридическую силу в том случае, если проведена она с соблюдением требований закона. Нарушение законности и процессуального порядка проведения экспертизы может привести к затягиванию сроков судебного разбирательства, неправомерному приговору. Комплексный подход к решению обозначенных проблем позволяет, в случае реализации, рассчитывать на повышение эффективности экспертного сопровождения расследования преступлений.

Литература:

1. Мишин А. В. Актуальные проблемы назначения и производства судебной экспертизы // Вестник экономики, социологии и права. 2021. № 1. С. 52–57.

2. Хижняк Д. С., Лефтерова В. В. Роль эксперта в уголовном процессе // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Казань, апрель 2019 г.). Казань: Молодой ученый, 2022. С. 88.
3. Танасиенко И. И. Проблема назначения и производства судебно-медицинских экспертиз при расследовании убийств // Глобус: экономика и юриспруденция. 2020. № 2. С. 15–17.
4. Гаспарян Д. О., Мартынова Т. В. Использование судебно-медицинских знаний при производстве отдельных следственных действий по делам о расследовании убийств // Отечественная юриспруденция. 2019. № 5 (37). С. 36–38.
5. Полякова И. Н. Процессуальный порядок назначения и проведения судебной экспертизы по уголовному делу // Социальные и политические науки. 2020. № 1. С. 57–61.

Международные договоры в области охраны авторских прав

Малахинский Иван Денисович, студент

Научный руководитель: Яковлев Валерий Иванович, кандидат юридических наук, доцент
Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Национальные механизмы охраны авторских прав каждого государства отличны друг от друга, однако каждая страна стремится к упрощению межгосударственного регулирования авторского права, поэтому стремится становиться участником определенных международных договоров. В данной статье автором будут проанализированы основные международные договоры в области охраны авторских прав, описаны их преимущества и характерные принципы действия.

Ключевые слова: международный договор, конвенция, национальное законодательство, авторское право, интеллектуальная собственность.

International agreements in the field of copyright protection

The national copyright protection mechanisms of each state are different from each other, however, each country strives to simplify the interstate regulation of copyright, therefore it strives to become a party to certain international treaties. In this article, the author will analyze the main international treaties in the field of copyright protection, describe their advantages and characteristic principles of operation.

Keywords: international treaty, convention, national legislation, copyright, intellectual property.

Регулирование человеческого интеллекта нормами права не может быть осуществлено по объективным причинам, однако применение норм в целях регулирования общественных отношений, предметом которых является результат творческой деятельности, существует уже длительное время. Правовое регулирование интеллектуальной собственности осуществляется широкой совокупностью международных нормативно-правовых актов. В свою очередь, центральное место регулирования результатов творческой деятельности являются авторские права. Авторские права представляют собой составную часть интеллектуальной собственности, которая в свою очередь выражена в совокупности исключительных прав личного и имущественного характера на результаты творческой деятельности. Можно утверждать, что распространение авторами результатов своей творческой деятельности по всему миру способствовало возникновению и развитию международного законодательства в области охраны авторских прав. Важно учитывать, что каждая страна обладает совокупностью норм, направленных на правовое регулирование правоотношений в области авторского права, при этом международные договоры устанавливают универсальные механизмы по охране и защите авторских прав. Если проанализировать российский опыт

правового регулирования авторских прав, то основу правового регулирования составляет вступившему в законную силу четвертой части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) [1]. Именно ГК РФ содержит комплекс нормативно-правовых актов, часть из которых являются международно-правовыми договорами.

Одним из самых первых международных договоров об охране авторских прав, в которые на тот момент входили литературные и художественные произведения, является Бернская конвенция 1886 года [2]. Представленная конвенция была подписана группой, состоящей из семи государств. Впоследствии к конвенции присоединились более ста государств и в настоящее время участников данной конвенции составило 179 государств мира. Стоит обратить внимание, что Бернская конвенция содержала в себе основные принципы правового регулирования авторских прав, которые можно наблюдать, как и в международно-правовых договорах, так и в национальном законодательстве стран-участниц конвенции. К таким принципам следует отнести: принцип независимости, принцип национального режима охраны, а также презумпцию авторства. Мы согласны с позицией Н. А. Зеленовой и О. В. Луконькиной, которые в своем научном труде прямо указывают на тот факт, что Бернская кон-

венция установила общие требования для стран-участниц, которые направлены на обеспечение эффективной защиты прав авторов на международном уровне [3, с. 3]. Если анализировать положения Бернской конвенции, то следует утверждать, что охрана произведений будет осуществляться с момента их непосредственного создания и не будет требовать официальной регистрации либо других формальных мер.

Большое значение в области охраны авторского права имеет Женевская Всемирная конвенция об авторском праве 1952 года [4]. Представленная конвенция имела цель по охвату большинства стран мира международными нормами по охране и защите авторских прав. По мнению экспертов Женевская конвенция об авторском праве содержит в себе положения, которые не обладают уровнем охраны прав, которые закреплены в Бернской конвенции, однако данные положения определяют правила взаимоотношений участников Бернской конвенции друг с другом. В частности, Е. В. Дударенко отмечает, что Женевская конвенция определила правило, согласно которому выход страны из Бернского союза влечет за собой отмену охранительных обязательств относительно произведений страны владельца среди стран-участниц. Кроме того автор отмечает, что Женевская конвенция сформировала ряд аспектов, на которых базируется современная охрана авторских прав, а именно принцип государственной охраны авторских прав, принцип национального режима, принцип соблюдения минимальных формальностей [5, с. 153]. Мы имеем право утверждать, что Женевская конвенция направлена на абсолютную свободу в выборе охранительных норм авторских прав.

Следующим шагом по улучшению международного регулирования авторских прав, а также осуществление охраны авторского права, стало обеспечение неприкосновенности участников в области авторства среди исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций. Таким образом в 1961 году в законную силу вступила Международная конвенция по охране прав исполнителей, изготовителей фоно-

грамм, вещательных организаций [6]. Данная конвенция была принята в Риме и направлена на охрану смежных прав в области интеллектуальной собственности. В этой конвенции закреплены права субъектов авторских правоотношений, а также определены случаи, согласно которым возможно свободное распространение и использование авторских произведений между субъектами данного вида правоотношений. Аналогично Римской конвенции 1961 года существует Конвенция об охране интересов производителей фонограмм 1971 года, которая своими положениями обеспечивает охрану интересов производителя фонограмм среди стран-участниц данной конвенции [7].

Особое место в международном регулировании авторских прав и их охране занимает Московское соглашение о сотрудничестве в области охраны авторского права 1993 года. Данное соглашение направлено на обеспечение охраны авторских прав среди бывших союзных республик СССР [8]. Московская конвенция содержит 7 статей, целью которых является борьба с незаконным авторством, модернизация законодательства и специальных механизмов в области защиты авторских прав и многое другое. Стоит выделить характерную особенность Московской конвенции, выраженной в налоговом регулировании предмета авторских прав. Речь идет о том, что существует дополнительные соглашения относительно исключения двойного налогообложения.

На основании вышеизложенного, мы приходим к выводу, что современная природа авторского права сформировалась под воздействием международно-правовых актов. Соответственно и охрана авторских прав возможна только с учетом единого мнения международного сообщества в целях эффективной борьбы с большим количеством нарушений авторских прав. Стоит иметь в виду, что и национальное законодательство в области охраны авторских прав сформирована с учетом международных принципов права, что позволяет вести государству гибкую политику в сфере правового регулирования данной области.

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации часть 4 (ГК РФ ч. 4) от 18 декабря 2006 года N230-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения 01.04.2024).
2. Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 09.09.1886 (ред. от 28.09.1979) // СПС «КонсультантПлюс» [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5112/ (дата обращения 01.04.2024).
3. Зеленова Н. А., Луконькина О. В. Бернская конвенция об охране литературных и художественных произведений 1886 года как основополагающий международный акт в сфере охраны авторских прав // Огарев-online.— 2020.— С. 1–5.
4. Всемирная конвенция об авторском праве (Заключена в г. Женеве 06.09.1952) // СПС «КонсультантПлюс» [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7229/ (дата обращения 01.04.2024).
5. Дударенко Е. В. Международные договоры в области охраны авторских и патентных прав // Символ науки.— 2020.— № 5.— С. 151–154.
6. Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций [рус., англ.] (Заключена в г. Риме 26.10.1961) // СПС «КонсультантПлюс» [сайт].— URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=INT&n=15043#KgDbo8UbTWiAHDcG> (дата обращения 01.04.2024).
7. Конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм (Заключена в г. Женеве 29.10.1971) // СПС «КонсультантПлюс» [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5036/ (дата обращения 01.04.2024).
8. Соглашение стран СНГ от 24.09.1993 «О сотрудничестве в области охраны авторского права и смежных прав» // СПС «КонсультантПлюс» [сайт].— URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5865/ (дата обращения 01.04.2024).

Молодой ученый

Международный научный журнал
№ 14 (513) / 2024

Выпускающий редактор Г. А. Кайнова
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 17.04.2024. Дата выхода в свет: 24.04.2024.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.